

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 1 (57)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2025**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Реоренко И. М.** ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
председатель
- Рябов В. В.** президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
заместитель председателя член-корреспондент РАО
- Геворкян Е. Н.** первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор,
заместитель председателя академик РАО
- Агранат Д. Л.** проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент
заместитель председателя

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Тарева Е. Г.** доктор педагогических наук, профессор
главный редактор
- Викулова Л. Г.** доктор филологических наук, профессор
заместитель главного редактора
- Смирнова А. И.** доктор филологических наук, профессор
заместитель главного редактора
- Алмазова Н. И.** доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
- Аmineва В. Р.** доктор филологических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- Афанасьева О. В.** доктор филологических наук, профессор
- Беляева И. А.** доктор филологических наук, профессор
- Богданова Л. И.** доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М. В. Ломоносова)
- Бубнова И. А.** доктор филологических наук, профессор
- Геймбух Е. Ю.** доктор филологических наук, профессор
- Гиллеспи Д. Ч.** кандидат педагогических наук, профессор
- Джумайло О. А.** доктор филологических наук, доцент (Южный федеральный университет)
- Журавлева Е. А.** доктор филологических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, Алматы)
- Колесников А. А.** доктор педагогических наук, доцент
- Колмогорова А. В.** доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ, Петербургская школа гуманитарных наук и искусств)
- Курдюмов В. А.** доктор филологических наук, профессор
- Лесневска Д. С.** доктор филологии, доцент (Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария)
- Матвеева И. И.** кандидат филологических наук, доцент
секретарь
- Матюшина Н. В.** кандидат филологических наук, доцент
ответственный секретарь
- Меркулова М. Г.** доктор филологических наук, профессор
- Романова Г. И.** доктор филологических наук, доцент
- Серебrenникова Е. Ф.** доктор филологических наук, профессор (Иркутский государственный университет)
- Собянина В. А.** доктор филологических наук, профессор
- Сулейманова О. А.** доктор филологических наук, профессор
- Тивьяева И. В.** доктор филологических наук, доцент
- Турамуратова И. И.** доктор филологических наук, доцент (Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан)
- Чернявская В. Е.** доктор филологических наук, профессор, член Санкт-Петербургского союза ученых (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
- Чупрына О. Г.** доктор филологических наук, профессор
- Шафранская Э. Ф.** доктор филологических наук, доцент
- Якушевич И. В.** доктор филологических наук, доцент

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Романова Г. И., Смирнова А. И., Матвеева И. И.* Концепция страдания в русской литературе (Ф. М. Достоевский, А. П. Платонов, В. П. Астафьев)..... 7
- Штукарева Е. Б.* Лингвокультурный код художественной детали: «фризовая шинель»..... 25
- Воротникова А. Э.* Способы репрезентации знания о мире и человеке в романе М. Ондатже «Английский пациент»..... 34
- Егорова Ю. М.* Зооморфизм как один из способов познания души в творчестве М. Горького..... 49

Русистика. Германистика. Романистика

- Орехова Е. Я.* Французский язык в Африке вне контуров его стандартизированного употребления..... 62
- Димитриева О. А.* Стихийная лексика в интерпретации вакхического состояния в художественном тексте 76
- Беляева М. В.* Современные тенденции развития немецкого языка в Германии 89
- Горностаева Ю. А.* Легитимация и делегитимация корриды в испанском массмедийном дискурсе..... 99

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Сулейманова О. А., Ильасова Д. А.* Лингвотопологическая схематизация движения глаголами *идти* и *бежать* в русско-английском переводе..... 120
- Зойдзе Э. А.* Цифровая репутация издательства в дискурсивном пространстве сайта..... 133
- Банкова Л. Л.* Китайские числительные со значением «два» (二 и 两): философский, диахронический и прагматический аспекты..... 148

**Языковое образование. Методика преподавания
филологических дисциплин**

<i>Тарева Е. Г., Корзун О. О.</i> Методическая научная школа Института иностранных языков МГПУ: к юбилею Московского городского педагогического университета.....	166
<i>Яроцкая Л. В.</i> Лингводидактические основы подготовки специалистов в области научно-технической дипломатии: обучение как полилог смыслов	180
<i>Косиченко Е. Ф., Евграфова Ю. А.</i> Методологическая грамотность как основа системного подхода к формированию научно-исследовательской компетенции у бакалавров-переводчиков	194
Требования к оформлению статей.....	207

CONTENTS

Literary Science

- Romanova G. I., Smirnova A. I., Matveeva I. I.* The Concept of Suffering in Russian Literature (F. M. Dostoevsky, A. P. Platonov, V. P. Astafiev).....7
- Shtukareva E. B.* Linguocultural code of artistic detail: «frieze overcoat»25
- Vorotnikova A. E.* Ways of Representing Knowledge about the World and Man in the Novel «The English Patient» by M. Ondaatje34
- Egorova Yu. M.* Zoomorphism as one of the Ways to Know the Soul in the Work of M. Gorky49

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Orekhova E. Ya.* African French Outside its Standard Patterns of Use62
- Dimitrieva O. A.* The Natural Element Vocabulary in the Interpretation of the Bacchanalian State in a Literary Text.....76
- Belyaeva M. V.* Current Trends in the Development of the German Language in Germany89
- Gornostaeva Yu. A.* Legitimation and Delegitimation of Bullfighting in the Spanish Mass Media Discourse99

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

- Suleimanova O. A., Ilyasova D. A.* Lingua-topological Schematization of Movement Verbs *idti* and *bezhat* in Russian-English Translation.....120
- Zoidze E. A.* Digital Reputation of a Publishing House in the Discourse Space of its Official Website133
- Bankova L. L.* Chinese Numerals Denoting «two» (二 and 两): Philosophical, Dyachronical and Pragmatic Aspects148

Language Teaching, Methodology of Teaching Philological Disciplines

Tareva E. G., Korzun O. O. Methodological School of the Institute of Foreign Languages MCU: to the Anniversary of Moscow City University166

Yarotskaya L. V. Language Pedagogy Foundations of Educating Majors in Science and Technology Diplomacy: Teaching and Learning as Polylogue of Meaning Perspectives180

Kosichenko, E. F., Yevgrafova Yu. A. Methodological Awareness as a Foundation of Systematic Approach to Developing Research Competence of Translators194

Style Sheet 207

Научная статья

УДК 821.161.1.09«18/19»

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-7-24

КОНЦЕПЦИЯ СТРАДАНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ, А. П. ПЛАТОНОВ, В. П. АСТАФЬЕВ)

Романова Галина Ивановна¹,
Смирнова Альфия Исламовна²,
Матвеева Ирина Ивановна³

^{1,2,3} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ galinroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

³ matv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Аннотация. Статья посвящена особой теме в русской литературе — теме страданий, ее функционированию в творчестве видных писателей XIX–XX веков; исследуется влияние на литературу XX века религиозно-философской и эстетической концепций Ф. М. Достоевского. Прослежены истоки темы страданий, восходящей к Библии, рассмотрен ее философский контекст, экзистенциальные вопросы, связанные с ней.

На основе биографического, сопоставительного, интертекстуального методов исследования, а также культурно-исторического подхода рассмотрены взгляды на литературу и тему страданий Ф. М. Достоевского, А. П. Платонова, В. П. Астафьева, сделаны экскурсы в творчество русских и зарубежных писателей, в котором так или иначе обнаруживается связь с данной темой.

Страдания литературных персонажей дифференцируются: выделяются физические, нравственные, экзистенциальные страдания. Часто они вызваны социальными пороками, историческими причинами, нравственной глухотой окружающих, но могут вызываться экзистенциальным хаосом, затягивающим человека независимо от его воли. Показано, что писатели искали пути преодоления страданий; по-разному осознавая, осмысливая их, чаще всего Достоевский, Платонов и Астафьев представляли страдания как метафизическую константу, имманентно присущую человеку,

его сознанию, поэтому путь преодоления страданий часто связан в их произведениях с утопическими идеями, с преодолением отчужденности людей друг от друга.

Ключевые слова: тема, природа страданий, этика страдания, хаос, традиция, литературный герой, проза.

Для цитирования: Романова, Г. И., Смирнова, А. И., Матвеева, И. И. (2025). Концепция страдания в русской литературе (Ф. М. Достоевский, А. П. Платонов, В. П. Астафьев). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 7–24. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-7-24>

Original article

UDC 821.161.1.09«18/19»

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-7-24

THE CONCEPT OF SUFFERING IN RUSSIAN LITERATURE (F. M. DOSTOEVSKY, A. P. PLATONOV, V. P. ASTAFIEV)

Galina I. Romanova¹,

Alfia I. Smirnova²,

Irina I. Matveeva³

^{1,2,3} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ galinroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

³ matv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Abstract. The article is devoted to a special theme in Russian literature — the theme of suffering, its functioning in the works of prominent writers of the XIX and XX centuries; the influence of F. M. Dostoevsky's religious-philosophical and aesthetic concepts on the literature of the XX century is investigated. The origins of the theme of suffering going back to the Bible are traced, its philosophical context and existential issues related to it are considered.

On the basis of biographical, comparative, intertextual methods of research, as well as cultural-historical approach, the views on literature and the theme of suffering of F. M. Dostoevsky, A. P. Platonov, V. P. Astafiev are considered, excursions are made into the works of Russian and foreign writers who in one way or another found a connection with the theme.

The sufferings of literary characters are differentiated: physical, moral, existential sufferings are distinguished. Often they are caused by social vices, historical reasons, moral deafness of others, but they can be caused by existential chaos, dragging a person regardless of his will. It is shown that writers searched for ways to overcome suffering; realising and comprehending it in different ways, most often Dostoevsky, Platonov and Astafiev represented suffering as a metaphysical constant inherent in man and his consciousness, so the way to overcome suffering is often connected in their works with utopian ideas, with overcoming people's alienation from each other.

Keywords: Theme, nature of suffering, ethics of suffering, chaos, tradition, literary hero, prose.

For citation: Romanova, G. I., Smirnova, A. I., Matveeva, I. I. (2025). The Concept of Suffering in Russian Literature (F. M. Dostoevsky, A. P. Platonov, V. P. Astafiev). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 7–24. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-7-24>

Введение

Об особом отношении к теме страдания в русской литературе свидетельствуют высказывания и профессиональных читателей, и любителей. По словам М. Горького, «русская литература — самая пессимистичная литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем, — в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнёта самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной...» (Горький, 1963, с. 504). Это мнение не изменилось у него и в 1936 году, когда он рекомендовал М. М. Зощенко написать книгу, в которой была бы осмеяна склонность к страданию (Горький, 1963, с. 69). Современные читатели, поддерживая распространённое суждение о приверженности страданиям персонажей русской литературы и отождествляя историческую реальность с художественной, соглашаются с тем, что это одна из важных черт русского национального характера (Обухова, 2015).

Однако очевидно, что корни литературной темы страданий уходят в глубокую древность, берут начало в Книге книг — в Библии, где рассказывается о страстях (страсти — из праслав. *strastь* «страдание»), которые претерпел в земной жизни Иисус Христос, о трагических событиях «ветхой» и «новой» истории человечества. Как многие образы, темы, мотивы сюжеты, представления о страдании были заимствованы и переосмыслены в художественной литературе, в первую очередь в западноевропейской. Ярчайший пример из литературы Нового времени — влияние на читателей и необычайная популярность, которую приобрёл роман И. В. Гете «Страдания юного Вертера» (1774), и *апология* того же явления в романтической поэзии. «Страдальцем вдохновенным» (Гречанке, 1822) назвал Пушкин Байрона, обозначив тем самым характерную черту и поэзии английского романтика, и романтической литературы в целом, избравшей главным героем личность, испытывающую нечеловеческие страдания (Толстогузов, Толстогузова, 2013).

В русской литературе выделяется творчество ряда писателей, осмысляющих природу страданий, их причины и возможности преодоления. Особый интерес представляет творчество Ф. М. Достоевского, произведения которого стали важным этапом в развитии данной темы. Если страдания пушкинского героя, «страдающего эгоиста», В. Г. Белинский охарактеризовал как «страдание истинное», но «не всем понятное» (Белинский, 1955, с. 458, 463), то мучения героев Достоевского, которые глубоко несчастны, унижены и оскорблены, вызывают не только сочувствие

широкого круга читателей, но и целый ряд вопросов у исследователей (Борисова, Скорокозова, 2022). Это в полной мере относится к героям Платонова и Астафьева, каждый из которых страдает по-своему, но, так или иначе, продолжает традицию Достоевского. Все сказанное свидетельствует об **актуальности** заявленной темы. Однако проблема влияния социальных и психологических открытий Достоевского в осмыслении страдания на дальнейшее развитие русской литературы еще далека от разрешения, чем обусловлена **новизна** настоящего исследования.

Методы исследования

В художественном творчестве всегда велика доля унаследованной традиционной системы образов, моделей изображения или, используя выражение А. Н. Веселовского, «предания». Соответственно, поставленную задачу необходимо рассмотреть не только в контексте мировоззрения писателя, используя биографический метод, но и в более широком контексте литературной традиции, применяя культурно-исторический подход, а также интертекстуальный анализ.

Результаты исследования

Звучание темы страданий человека, осложненной социальными, этическими, психологическими мотивами, усиливается к середине XIX века в литературе реализма, в том числе реализма «в высшем смысле» (как определял свое творчество Ф. М. Достоевский) (Достоевский, 1984, т. 27, с. 65). Тема страдания занимает одно из центральных мест в религиозно-философской концепции писателя, ее художественно-эстетическое осмысление являет наиболее значимый этап в истории русской литературы XIX века.

Религиозно-философская концепция страданий Ф. М. Достоевского

В творчестве Достоевского страдание изображено ощутимо, детально передано теми, кто его переживает. Причины страданий персонажей Достоевского доступны «для бедных» — в прямом и переносном смысле. Это страдания душевные, которые не может перенести «слабое сердце» (как герой повести «Слабое сердце», 1848), физические, в результате которых герои гибнут, во многом эти страдания обусловлены низким социальным положением героев. Но главная новация в осмыслении данного экзистенциала в творчестве Достоевского заключается в представлении страдания как метафизической константы, по-разному осознаваемой и переживаемой персонажами и автором (как носителем концепции произведения).

Герой «Записок из подполья» (1864) утверждает, что «слишком сознавать — это болезнь, настоящая, полная болезнь» (Достоевский 1973, т. 5, с. 101), т. е. до крайности доводит смысл известного афоризма о связи мудрости и страданий (слова Экклезиаста «во многой мудрости много печали»). В библейском смысле мудрость заключается в постижении жизни как трудного пути и приятии его; в произведениях Достоевского мысль, сознание есть «величайшее для человека несчастье», которое «человек любит и не променяет ни на какие удовлетворения», отрицание: «...страдание есть сомнение, есть отрицание...» (Достоевский 1973, т. 5, с. 119). «Мудрость» его персонажей оказывается только видимостью, опыт (т. е. ход сюжетных событий) показывает ущербность сочиненных теорий, обрекающих всех на страдания.

Герой «Записок из подполья» уверяет, что «человек от настоящего страдания, т. е. от разрушения и хаоса, никогда не откажется. Страдание — да ведь это единственная причина сознания» (Достоевский, 1973, т. 5, с. 119). Этот фрагмент Н. Бердяев назвал «потрясающими по гениальности, по остроте ума мыслями», в которых «нужно искать первоисточник всех открытий, которые делает Достоевский о человеке на протяжении всего своего творческого пути» (Бердяев). В человеческой натуре поражает писателя и его героев противоречивость и непредсказуемость, главным образом странная, нелогичная потребность в страдании, о которой говорит подпольный человек: «Ведь, может быть, человек любит не одно благоденствие? Может быть, он равно настолько же любит страдание, до страсти...» (Достоевский, 1973, с. 119).

Новацией Достоевского становится *передача философских идей персонажам* (здесь и далее в основном тексте и цитатах курсив наш. — Г. Р., А. С., И. М.). Так, уже в первом романе пятикнижия главный герой утверждает афористически: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца» (Достоевский, 1973, т. 6, с. 203). В романе «Братья Карамазовы» даже эпизодические персонажи мыслят «до страдания»: мучится от неверия в будущую загробную жизнь «чувствительная светская дама», посетившая старца Зосиму, который, в свою очередь, страданием называет мучительное сожаление об утраченном. Такой прием дает возможность писателю перевести страдание из пассивного залога в активный: «Что делать? <...> страдание взять на себя! <...> Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель!» (Достоевский, 1973, т. 6, с. 253), что становится демонстрацией амбиций. Эта особенность концепции Достоевского проявляется ярче при сопоставлении с пушкинской трактовкой, в которой характерной особенностью страданий героев является определенная пассивность. Так, недолго страдала Ольга, потому что «Другой успел ее страданье / Любовной лестью усыпить, / Улан умел ее пленить...», Татьяна смиряется со своей судьбою, потому что «другому отдана» (Пушкин, 1960, с. 134, 176). Характерное для классической картины мира понимание страдания запечатлено в философском словаре XXI века, где страдание

определяется как «претерпевание, противоположность деятельности...» (Чанышев, 2010, с. 642).

Нарушение представлений о мире как о гармоничном космосе, упорядоченном, осмысленном и целесообразном, где страдание представало тяжелой, но неизбежной частью, свойственно героям Достоевского. Создавая свой художественный мир, писатель сделал открытие, заключающееся в том, что *страдание является проявлением хаоса, затягивающим в себя человека* и к которому тяготеет человек, как ни парадоксально это звучит. Тяга к безрассудному своеволию, противоречащему упорядоченной реальности, обозначается у Достоевского как *любовь к страданию, склонность к самомучительству и мучительству окружающих*. Страдание хаотично, не упорядочено, в отличие от рассудочных представлений о жизни. С этим соглашался Н. Бердяев: «В своеволии своем человек сплошь и рядом предпочитает страдания. Он не мирится с рациональным устройством жизни» (Бердяев). В отличие от героев Пушкина, которые претерпевают страдание, персонажи Достоевского испытывают неодолимую потребность в нем, что становится аспектом мотивировки их безрассудных и губительных действий. Развивая идею о страдании как о проявлении хаоса, притягивающего к себе, уводящего от рациональной и гармоничной жизни к безрассудству и безобразию, Достоевский приходит к мысли о смирении и жертвенности. Изображая мучительное приобретение персонажами жизненного опыта, способствующего появлению и развитию высоких душевных качеств и преодолению душевной смуты, писатель реализует идею очистительного страдания, ведущего к смирению.

Достоевскому близка философия Шопенгауэра с его идеей хаотичности и неупорядоченности мира. По Шопенгауэру, миром управляет неразумная, слепая воля. Человек оказывается в ее власти, стремясь к удовлетворению всех своих желаний, что в принципе недостижимо, и испытывая страдания от неудовлетворенности. «Желание по своей природе — страдание. <...> *Всякая жизнь по существу есть страдание*» (Шопенгауэр, 1992, с. 184, 182). В то же время проживание страданий способствует развитию и самосовершенствованию человека: «И все, что доброта, любовь и благородство делают для других, сводится к смягчению их мук и, следовательно, то, что может побуждать к добрым делам и подвигам любви, — это лишь *познание чужого страдания*, непосредственно понятого из собственного страдания и приравненного к нему» (Шопенгауэр, 1992, с. 220). Сострадание ведет к аскетизму, к отказу от каких-то потребностей, от неразумного подчинения слепой воле к жизни. Культура Серебряного века оказалась восприимчивой к идеям А. Шопенгауэра и его последователя — Ф. Ницше.

В конце XIX века тема страдания актуализируется в русской литературе и получает развитие в модернистской поэзии. Так, автор монографии «Религия и декадентство в России» выделяет присущие ранней декадентско-символистской поэзии черты, среди которых представление о «мире как хаосе, как сцеплении случайностей» (Цвик, 1985, с. 19) и эстетика страдания, сложившаяся под влиянием идей философов А. Шопенгауэра и Ф. Ницше.

В русской литературе первой половины XX века тема страданий по-своему преломляется, насыщается новыми интенциями, что было обусловлено тяжелейшими историческими событиями (революциями и войнами, периодами террора и гражданских войн). Практически каждый крупный писатель, так или иначе, запечатлел картину мира неустойчивого, неупорядоченного, утратившего опоры, затягивающего в себя человека страдающего. По словам Н. Бердяева, человек начала XX века — это человек «с распыленным ядром “Я”, разорванный на миги и клочья» (Бердяев, 1994, с. 412), поэтому идеи страдания и сострадания приобретают в русской литературе особую значимость — как реакция на исторические катаклизмы и разрушение основ органической жизни. Так, И. А. Бунин в «Окаянных днях» воплотил образ поруганной Москвы 1918 года, города, олицетворяющего собой судьбу всей России. Потрясенный наступившим хаосом и моральным разложением человека, писатель горестно восклицает: «Если бы я <...> Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто?» (Бунин, 1991, с. 62).

Личность, мучительно познающая распадающийся мир и себя в нем, не может ощущать гармонию и счастье, она являет собой особый тип экзистенциального сознания. Таковы герои М. Горького в его книге «Рассказы 1922–1924 годов» — предатели и убийцы, обыватели, потерявшие нравственные ориентиры, страдающие от воцарившегося хаоса. Это страдающие герои шолоховского романа-эпопеи «Тихий Дон», оказавшиеся в эпицентре социального урагана, сметающего привычный уклад их жизни. Это герои эмигрантской литературы, оторванные от корней и национальной культуры. Трагические переживания лирической героини поэмы «Реквием» А. А. Ахматовой, как бы замкнутой в ограниченном пространстве города и дома, выливаются в раздумья автора о судьбе женщины-современницы и судьбе народа огромной страны. Не находит смысла жизни мастер М. А. Булгаков; его душевная болезнь, заставившая бросить рукопись романа о Понтии Пилате в печь, — это неизбывные страдания души творца от невозможности пробиться к читателю со словом истины.

Экзистенциальные аспекты страданий платоновских персонажей

Одним из наиболее последовательных продолжателей традиций Достоевского среди русских писателей первой половины XX века, воплотивших тему страдания в своих произведениях, был А. П. Платонов. О человеческих и творческих мучениях говорят его письма, статьи и записные книжки. Преемственность творчества двух писателей неоднократно отмечалась исследователями. Христианские мотивы, тоска по недостижимому совершенству, проповедь жертвенности, идейность и философская глубина произведений, диалогизм — вот то, что роднит творчество двух писателей. Но, пожалуй, главное — это изображение страдания как некоей метафизической константы, изначально присущей человеку.

Приверженность теме страданий Платонов объяснял самой природой своего художественного таланта. Так, в письме жене Марии Александровне из Тамбова от 3 июля 1927 года он написал: «Я <...> отдираю корки с сердца и разглядываю его, чтобы записать, как оно мучается» (Платонов, 2013, с. 228). В записных книжках много страниц посвящены его размышлениям на эту тему: «Без мучений нельзя изменить общество: ведь социализм <...> получил в наследство мещанство, сволочь («люди с высшим образованием — счетоводы» и т. д.). Страдание ототрет с таковых, размелет их разум, от которого можно застрелиться...» (Платонов, 2000, с. 68); «Нельзя быть одним и тем же человеком, слишком горе большое настает, слишком...»; «Неподвижным быть нельзя, но и двигаться нестерпимо» (Платонов, 2000, с. 149).

В отличие от Достоевского, страдания платоновских героев не всегда очевидны, писатель не описывает их психологическое состояние, не рассказывает об их чувствах и переживаниях. Платоновский текст является замкнутой системой, своеобразным полем, где различные идеи и голоса вступают в диалог друг с другом. Писатель использует приемы диалогизма, когда смысл рождается из сопоставления и интерпретации опосредованных, а иногда и скрытых сигналов, указывающих на внешние по отношению к тексту реалии. Например, страдания героя повести «Сокровенный человек» Фомы Пухова, странствующего в поисках пропитания и смысла жизни, скрыты, на поверхность текста выходят лишь говорящие детали: «Пухов загорюнился», «весь запаршивел, оброс шерстью и забыл, откуда и куда ехал и кто он такой» (Платонов, 2004–2024, т. 2, с. 185). Подбор деталей, диалоги Пухова с персонажами указывают на страдания всего сдвинувшегося с родных мест народа — гражданская война и голод. Но в тексте нет прямых указаний на социальные причины страданий людей.

Приобщением молодого писателя к философской мысли начала XX века объясняется появление в его прозе *героев-мыслителей*. Платонов стремился стать и был идеологическим писателем, считал, что «классовая борьба есть философское движение» (Воспоминания, 1994, с. 297), а искусство — это «сила, которая развяжет мир от его законов, <...> творчество совершенной организации из хаоса» (Платонов, 2004–2024, т. 1–2, с. 163). Он противопоставлял эстетскую литературу «проективной» литературе, идя вслед за идеями об искусстве Ф. М. Достоевского, Н. Федорова, А. Богданова, А. Гастева, и был, по его собственным словам, «политическим писателем, а не эстетическим» (Воспоминания, 1994, с. 297). Подобно Достоевскому, Платонов сделал центром своих произведений *идеи*. Сложность внутреннего мира платоновских персонажей обусловлена сложностью идей, владеющих ими и движущих их поступками. При этом идеи на поверку часто оказываются ложными, поэтому «реализация их неминуемо ведет к трагическим результатам» (Толстая, 2002, с. 293) и, как следствие, к страданиям героев. Платонов создал целую галерею ученых-преобразователей, совершающих роковые ошибки. Таковы инженеры и ученые из повестей «Эфирный тракт», «Котлован», рассказов

«Сатана мысли», «Лунные изыскания», «В звездной пустыне» и др. Все они, как бы продолжая мысли Ивана Карамазова, мыслят себя «“архитекторами” здания “всеобщей гармонии”» (Малыгина, 2000, с. 191). Но препятствует им в реализации их идей сама природа. Не в силах покорить ее, ученый Попов из повести «Эфирный тракт» кончает жизнь самоубийством. Его ученик Михаил Кирпичников, придя в ходе исследований к умственному тупику, тоскует, бросает работы и уходит из дома. Страдания ученого Матиссена выдают усталые глаза, «омертвевшее лицо», «лысый череп», покрытый морщинами, и ужасающий смех, который «столь част, как затмение солнца» (Платонов, 2004–2024, т. 2, с. 31).

Страдает инженер Прушевский, герой повести «Котлован». Создатель проекта «общепролетарского дома» понимает, что в новую жизнь, в «царство сознания» его не возьмут, и заранее думает о самоубийстве. Да и сама идея будущего прекрасного «общепролетарского дома», дома-башни, не выдерживает испытания, дискредитируется чиновничеством и превращается в свою противоположность. Образ общего дома восходит одновременно к образу Вавилонской башни, что не раз отмечалось платоноведами, а также к образам «хрустального дворца» и «зданию всеобщей гармонии» Достоевского, которые мыслились великим русским писателем XIX века «символами социалистической утопии» (Малыгина, 2000, с. 193). В платоновском мире к этой утопии рабочие идут через страдания тяжкого труда, «обращая всю жизнь своего тела в удары по мертвым местам» (Платонов, 2004–2024, т. 4–1, с. 78). Но их усилия оказываются напрасными. Надежда на счастливое будущее умирает вместе с девочкой Настей, порождая тоску и недоумение у строителей. И если горе Вощева выражается в его крайней растерянности, то инвалид Жачев произносит откровенно идеологичную фразу: «...я теперь в коммунизм не верю» (Платонов, 2004–2024, т. 4–1, с. 171), — после чего навсегда покидает котлован.

В начале 1930-х годов Андрей Платонов, пережив уничтожающую критику 1929 и 1931 годов, предательство товарищей по цеху, был вынужден радикально перестроить свою писательскую манеру и отказаться от критического пафоса, повышенной метафоричности, условности письма. Центральной фигурой его произведений 1930–1940-х годов становится одинокий страдающий герой. Его возраст, облик, социальная и гендерная принадлежность сильно разнятся. Это может быть отвергнутый социумом человек, страдающий от своей физической немощи и одиночества: юродивый («Юшка», «Мусорный ветер»); ребенок-сирота; женщина, переживающая разлуку с любимым («Фро»); мужчина, сознающий свою физическую неполноценность («Река Потудань»), но неизменным остается ореол печали, порождающий реакцию сострадания у читателя. Не случайно критик А. Гурвич уничтожительно назвал писателя «матерью всех сирот» (Гурвич, 1937, с. 193). Сироты Платонова — это Юшка из одноименного рассказа, безногий инвалид Жачев из повести «Котлован», который говорит о себе «урод», сухорукый подросток из рассказа «Ветер-хлебопашец» и т. д.

Многие платоновские герои отмечены некой ущербностью — физической или ментальной. В этом ощущается автобиографическая тема. «Я не гармоничен и уродлив — но так и дойду до гроба без всякой измены себе», — написал Платонов в уже упомянутом письме 1927 года (Платонов, 2013, с. 230).

Личные переживания переплавляются у Платонова в экзистенциальный тип художественного сознания, где распад связей, духовности порождает общую щемящую ноту неизбежного страдания, словно разлитого в его произведениях 1930-х годов. Мир стал другим, но человек по инерции продолжал искать опору в категориях, утративших прежнее значение, — в семье, любви, душевной теплоте близких людей — и не находил ее.

Создавая соответственный антураж произведений, Платонов делал местом действия произведений малопригодную для жизни землю, обрекающую героев на мучения. Так, герои рассказа «Такыр» живут на выжженном солнцем плато, где растут уродливые деревья, вроде старой чинары на берегу высохшей реки. Герои повести бессмысленно скитаются по мертвой пустыне. Они притерпелись к горю, как старая чинара к камням, вьевшимся в ее измученное тело. Созданная в рассказе картина столь безрадостна, что кажется ирреальной. Жизнь персонажей напоминает унылый ход по замкнутому кругу, из которого нет выхода, кроме смерти. Так, пленная персиянка Заррин-Тадж проживает однообразную череду дней, полных лишений. О ее страданиях говорят эпитет «сухая ветвь» и портрет: «Джумаль <...> подняла на ней одежду и увидела грудь, похожую на два темных умерших червя, вьевшихся внутрь грудного вместилища, <...> грудь ее была так мала, что только немного и сухое могло там находиться, <...>, ее силы могло хватить лишь для мучения. Такая грудь ничего уж не могла делать — ни любить, ни ненавидеть, но над ней самой можно было склониться и заплакать» (Платонов, 2010, с. 304).

Подобную жизнь проживают все жены Атах-бабы, сделавшиеся злыми и сварливыми от бесприютной кочевой жизни и однообразности ежедневного труда. Даже осел в рассказе кричит так, «будто он остался на свете круглой сиротой и теперь заболел печалью» (Платонов, 2010, с. 295). Даже когда юная Джумаль преодолевает инерцию и вырывается на просторы новой жизни, общая тональность произведения остается неизменной. Рассказ «Такыр» завершается финальной сценой, в которой юная героиня, вернувшаяся из города в пустыню и переодевшаяся в черное персидское платье, склоняется над могилой своей матери. Скорбная поза девушки, черная одежда, всплывшие в ее памяти слова матери «Тот, кто ушел, никогда не вернется», серый (не зеленый! — Г. Р., А. С., И. М.) стебель, росший рядом с могильным камнем, — все это создает символическую картину памяти о страданиях бедного кочевого народа, сотни лет безмолвно умиравшего на глинистом такыре. Но одновременно это и метафора жизни-страдания и поклонения смерти. Джумаль, возвратившаяся на такыр как героиня-преобразовательница, мессия, призванная возродить мертвую землю родины, по сути, вернулась на круг страданий

ее народа, чтобы сделать новый виток, а затем лечь в эту землю рядом с матерью и австрийцем Катигробом, оставившим перед смертью надпись на стене «Ты придешь ко мне, Джумаль, и мы увидимся» (Платонов, 2010, с. 309). Открытый финал рассказа не проясняет, сможет ли Джумаль вырастить сад на мертвом такыре, но художественный прием ретардации — замедления повествования, подбор фраз и эпитетов (горе, «опустилась на колени», «жалобно говорила <...> покойная мать», «закрыв лицо», *серый* стебель, «заповедник растений, исчезающих с земли» и т. д.) свидетельствуют о печали и страдании героини.

Тема несовершенства мира и страдания особенно ярко реализуется в рассказах, где главными героями становятся дети. Обращение к образу ребенка было для писателя далеко не случайным. Через него Платонов реализовывал христианский мотив спасения и обращался к образу Иисуса Христа. Так, герой повести «Котлован» Воцев, увидев сцену ссоры родителей при ребенке, подумал, что мальчик «живет без упрека, вырастая себе на мученье», и сказал им пророческую фразу, отсылающую к Библии: «...читите своего ребенка, <...> когда вы умрете, то он будет» (Платонов, Соч., 2004, с. 49). По мнению писателя, чистый и безгрешный ребенок в будущем совершит «искупление», «рожденное совестью мира и кровью материнского сердца» (Платонов, Соч., 2004, с. 49).

В рассказах о детях Платонов продолжает развивать тему «слезинки ребенка», начатую Достоевским, она звучит в рассказах «Глиняный дом в уездном саду», «На заре туманной юности», «Сухой хлеб», «Алтерк», «Уля», «Семен» и др. Дети Платонова страдают от одиночества, оставаясь одни наедине с собою, как бы в отрыве от остального мира, который глух к их мучениям. У Платонова особенно страдают дети-сироты, которые ищут и не находят своих родителей, или тех, кто может их заменить. Иногда детские персонажи имеют родителей, но они находятся на периферии сюжета и не играют важной роли, поэтому дети одиноки даже при живых родителях. Экзистенциальное сиротство в глубинном его понимании роднит детей с образом Иисуса Христа (Толстая, с. 384). Об этом свидетельствуют записные книжки писателя, в которых он отметил: «Христос был сирота. Искал отца» (Платонов, 2000, с. 271). Как Христос, платоновские сироты терпеливы, незлобливы, ищут служения.

Платонов, который обычно намечал портреты своих героев одним-двумя штрихами, для детей делал исключение. Его детские персонажи, как правило, худы, плохо одеты, их лица морщинисты, как у старых людей. Например, мальчик из рассказа «Глиняный дом в уездном саду» имел «штаны на одной пуговице» и «рубашку, а картуза и обуви не имел». «Лицо, лишненное детского запаса жира, было *худощавым и морщинистым*, серые угрюмые глаза глядели *терпеливо*, готовые без слез перенести неожиданный удар» (Платонов, 2010, с. 349). Ветхая одежка не спасала от холода. Подобный портрет, худоба, не свойственная возрасту, отсутствие одежды, кротость и жертвенность — описание имплицитно отсылает к образу Христа. Мальчик своими поступками дает пример

нравственного поведения. Яков Савич, всю жизнь живший только для себя, делается лучше в присутствии мальчика. Старуха, не пожелавшая впустить в дом голодного ребенка, становится объектом его заботы. Ребенок с детства понял жизнь как путь страданий. Неудачный эксперимент с воробьями, которые не могли жить в неволе и умирали в клетке, привел его к такому выводу: «Вы не люди <...> надо мучиться, а вы прямо умираете» (Платонов, 2010, с. 351).

Тема истязаний ребенка, намеченная в романе Достоевского «Братья Карамазовы», продолжается Платоновым в рассказе «Алтеркэ», где еврейский мальчик становится объектом ненависти польских панов. Своеобразно преломляется она в рассказе «Среди животных и растений», где роль ребенка отдана маленькому зайчишке-сироте «с влажными нежными глазами», которого охотник из сострадания принес домой. Но дома зайца-ребенка жестоко избивает старая мать, изливая на него всю накопившуюся злобу. Сцена избиения беззащитного существа описана Платоновым столь подробно и натуралистически, что прямо соотносится со словами Ивана Карамазова о «слезах человеческих, которыми пропитана вся земля от коры до центра» и о том, что «нельзя страдать неповинному за другого» (Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 217).

Страдания взрослых и детей в произведениях Платонова воздействуют на читателя, вызывают состояние катарсиса, побуждая к состраданию. Страдания героев способствуют созданию эффекта катарсиса... Они совершают искупление грехов мира, делают его лучше и чище.

Эволюция концепции страдания в творчестве В. П. Астафьева

В. П. Астафьев в одном из интервью поделился «испытанным методом собственного укрощения»: можно лишь взглянуть на книжные полки личной библиотеки, где стоят книги русских классиков XIX века, — «этого вполне достаточно, чтобы вести себя скромнее, спокойнее» (Астафьев, 1998, т. 12, с. 135). Своими кумирами писатель называл Гоголя, Достоевского, Тургенева, Лескова. Оценивая их творчество, он выделил Гоголя: «Духовное состояние гения, образ его мыслей и образ его жизни — это жизнь титана и муки его — титанические. Только мыслитель, подобный Гоголю, сумеет постигнуть всю глубину его страданий и боли...» (Астафьев, 1998, т. 12, с. 375). В том же эссе — «Во что верил Гоголь» — Астафьев определил главное для себя: «Смеясь, Гоголь страдает, обличая порок, он прежде всего в себе его обличает...» (Астафьев, 1998, т. 12, с. 373). Близость Астафьева Гоголю выражается и в том, что, по словам Г. М. Шленской, Астафьев «нес в себе скорбь о несовершенстве мира».

Обратившись к порокам человеческого существования, Астафьев касается проблемы добра и зла. В осмыслении природы человека ему близок Достоевский, в романе «Печальный детектив» есть несколько прямых отсылок к нему.

Герой романа Леонид Сошнин занимается самообразованием, читает Ницше и Достоевского, размышляет о том, что им удалось почти достать «до гнилой утробы человечешки», где таится «самый жуткий, сам себя пожирающий зверь...» (Астафьев, 1997, т. 9, с. 41).

«Нечто, роднящее его с Достоевским», увидел в раннем творчестве Астафьева литературный критик А. Н. Макаров, отметивший «правдивость доведенных до накала драматических положений, страдательное сочувствие к той поре, когда человек еще только складывается...» (Макаров, 1969, с. 235). Это наблюдение касается характерного свойства мировосприятия писателя, отчетливо проявившегося в первых повестях: «Перевал», «Кража» — и позже, во второй книге «Последнего поклона». На долю героя произведений, в основе своей автобиографического, выпадает слишком много испытаний: сиротство, скитания, «бесприютность», одиночество. Ильке в «Перевале» вспоминается «самая трудная в его жизни зима». Автобиографические реалии в повести, восстановленные автором по памяти, передают реальную трагедию семьи Потылицыных, потерявших дочь, и осиротевшего мальчика Вити, для которого утрата матери стала незаживающей раной, оставившей след не только в жизни, но и в творчестве. В главе «Мачеха» история злоключений Ильки пополняется новыми фактами, благодаря чему читатель узнает о событиях, предшествовавших конфликту Ильки с мачехой. «... Три месяца жили пасынок с мачехой и с Митькой. У них не было денег, дров. <...> Митьке шел четвертый месяц» (Астафьев, 1997, т. 2, с. 31). В повести «Кража» для Толи Мазова суровой школой жизни становится детдомовский опыт.

Во второй книге повести «Последний поклон» лейтмотивом проходят слова, объясняющие психологическое состояние героя повестей «Перевал» и «Кража»: «Э-эх, все у меня не так, всюду лишний, никому не нужный». В главе «Карасиная погибель» повествуется об участии нахлебника в доме деда Павла: в «новой» жизни Витя Потылицын не нужен никому, мальчика предадут взрослые люди: отец, дед Павел и бабушка из Сисима, — предадут, спасая свои жизни. В главе «Без приюта» автор достоверно передает психологическое состояние, безвыходное положение и физические страдания Вити (голод, холод, отсутствие элементарных условий для выживания). Настрадавшийся, доведенный до крайнего бедственного положения, униженный перед всем классом учительницей по прозвищу Ронжа, он выплескивает накопившуюся обиду, отчаяние, злость в сцене расправы над ней. Страдания и боль Вити открыто выражены во внутреннем монологе: «Не сразу, но дошло: зывают ко мне. Я — мальчик?! Забыл совсем об этом, забыл — мальчики и девочки бывают в детстве. Где же оно, мое детство? За горами, за долами, за далекими лесами, в родной сторонushке у родимой бабушки» (Астафьев, 1997, т. 4, с. 408). Витя не может простить взрослым их предательства и слабости, безразличия и жестокости. В автобиографической прозе писателя сквозная тема страданий решается как *перемогание мучений*, как явление *социальное и экзистенциальное*, а в поздних военных произведениях испытания оказываются бесчеловечными, *страдания — непереносимыми*. В повести «Так хочется жить» после избиения

старшиной Растаскуевым и его бойцами Коляши он с тоской думает, «что когда-нибудь в такие вот минуты покончит с собой» (Астафьев, 1997, т. 11, с. 20).

Тема судьбы солдата-победителя — одна из важных сюжетобразующих линий поздней военной прозы Астафьева. Избранный ракурс повествования объясняется автором тем, что «борьба за выживание после войны в каких-то своих измерениях была пострашней самой войны» (Астафьев, 1979, с. 4). Мотив страдания объединяет повести «Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат» в цикл и способствует воплощению авторского замысла.

В повести «Веселый солдат» страдания героя, через всю жизнь пронесшего воспоминание об убитом им немце, выражены опосредованно. Повествование ведется от первого лица, что придает тексту исповедальную интонацию. Начинается повесть информативно коротко и бесстрастно: «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. Немца. Фашиста. На войне» (Астафьев, 1998, т. 13, с. 7). В финале повести автор вновь возвращается к этому эпизоду. Большая совесть причиняет состарившемуся фронтовику душевные страдания и нет ему покоя. Кольцевая композиция повести подчеркивает ее основной смысл: никогда не забудет веселый солдат этого убийства и пронесет свою вину через всю жизнь. Автору даже не столь важно передать душевные муки героя, сколько осмыслить онтологические вопросы ценности человеческой жизни и персональной вины за отнятую жизнь.

Рассказ «Пролетный гусь» во многих отношениях стал итоговым для писателя. Сюжет возвращения фронтовиков домой после Победы в Великой Отечественной войне и выживания в мирное время — путь, пройденный самим Астафьевым, — получил свое завершение в истории молодой семьи Солодовниковых, пострадавшей не только от бездомности, полуголодного существования, сиротства, но и от несправедливости и ненужности вчерашних фронтовиков своему государству. Пронзительная интонация повествования заложена уже в самом заглавии и его символике: таким же пролетным гусем, ставшим случайной жертвой подстрелившего его Данилы, оказались и сам Данила, и его семья — маленький Аркаша и жена Марина. Неслучайно хозяйка квартиры, Виталия Гордеевна, сравнивает их с птицами: «Вы ведь птицы залетные...» (Астафьев, 2003, с. 370).

Следом за тихо угасшей жизнью маленького сына Аркаши вскоре от туберкулеза умирает муж Марины Данила. Отчаявшаяся Марина не выдерживает выпавших на ее долю испытаний и принимает решение отправиться вслед за своими «миленькими». Нет у нее веры ни в людей, ни в Бога, и никто не будет выяснять причины ее самоубийства. В связи с концепцией страдания в прозе Астафьева необходимо обратить внимание на ключевой смысл, вкладываемый им в категорию страдания в связи с женской судьбой. По-видимому, это объясняется ранней смертью его матери, Лидии Ильиничны, пострадавшей в семье непутевого мужа, вечной мученицы, чей образ постепенно приобретает у писателя черты святости. Несмотря на то что женские характеры раскрываются в произведениях Астафьева разными гранями, однако героинь сближает общая

страдательная и сострадательная доля, и это не зависит от этнической принадлежности. Так, в текст романа «Печальный детектив» Астафьев включает реминисценции из книги «Португальские письма», созданной в XVII веке Габриэлем де Лавернем де Гийерагом. Из пяти писем, составивших текст книги, Астафьев выбирает первое, в котором Мариана пишет о своей любви и страданиях в разлуке с любимым, жалуется на «непереносимую разлуку», которая в недолгий срок может привести ее к могиле. «Прощайте. Любите меня всегда и заставьте меня *выстрадать еще больше мук*» (Астафьев, 1997, т. 9, с. 70). В этом признании проявляется и жертвенная натура монашки.

Главными героинями повести «Обертон» являются сортировщицы военной почты. Война заканчивается, и каждая из них настраивается на мирную жизнь и думает о будущем. Настроения и переживания девушек раскрываются через песню. «Как пели! Как пели эти отверженные всеми, вроде бы забытые, в бездонный омут войны кинутые девчонки» (Астафьев, 1997, т. 11, с. 212). В пении они отводят душу: «“Растет камышинка, горька сиротинка”, — выдохнула песнопевица с той неизъяснимой тоской, коя свойственна лишь давно и много страдающей женщине да птицам, в чужедальние страны отлетающим осенней порой. Откуда же Любе-то ведать о той женской вечной тоске и *страдании вечном?* <...> Откуда?!», — восклицает повествователь (Астафьев, 1997, т. 11, с. 213).

Эстетика страдания в прозе писателя претерпевает определенную эволюцию: от «страдательного сочувствия» герою и испытания его в драматических ситуациях, обостряющих меру страдания, до осмысления онтологии страдания в трагических обстоятельствах и погружения в хаос бытия, когда смерть становится избавлением от непреодолимого страдания и мук. В. П. Астафьев, продолжая традиции русской классической литературы, обращается к опыту Ф. М. Достоевского и Н. В. Гоголя, вносит новые смыслы в постижение концепции страдания, смыслы, привнесенные XX веком.

Заключение

Художественные открытия писателей XIX века в осмыслении темы страдания явились тем материалом, который использовали писатели XX века, и легли в основу современных гуманитарных исследований страдания как одной из важнейших антропологических категорий. Мысль Достоевского о том, что страдание порождено хаосом, затягивающим в себя человека, явилась открытием, воспринятым художниками XX века. А. Блок образно выразил ее в предисловии к поэме «Возмездие»: «Мировой водоворот» ныне «засасывает в свою воронку почти всего человека». Открытие Достоевского определило вектор развития темы страдания в художественном творчестве писателей XX века.

А. Платонов, для которого тема страданий была автобиографичной, считал, что страдания сопряжены с самим понятием *жизнь*. В отличие от Достоевского,

мучения его героев выражаются имплицитно — через подбор говорящих деталей, особый пейзаж, диалоги персонажей, отсылающие к затекстовым событиям и реалиям. Очевидно, что тема страданий в прозе Платонова значительно эволюционировала. Если в 1920-е годы в ней преобладают социальные и исторические причины мучений героев, то в 1930-е годы на первый план выходят экзистенциальные аспекты. Изменившийся тип художественного сознания в позднем творчестве писателя породил особый экзистенциальный конфликт и эстетику страдания, которым пропитаны его произведения 1930-х годов. Вместе с тем страдания, вызванные хаосом всеобщей жизни и разобщенностью людей, становятся толчком к самопознанию героев, формируют их личность и судьбу, способствуют духовному росту, а также создают эффект катарсиса, приобщая прозу Платонова к высшим образцам гуманистической литературы.

Концепция страдания в произведениях Астафьева претерпевает эволюцию и значима для писателя. В его ранней прозе реализуется автобиографическое начало, которое неотделимо от социально-исторического контекста: раскулачивание и выселение крестьян с их земли. На этом фоне развивается тема страдания в повестях «Перевал», «Кража», «Последний поклон». Тот же самый контекст представлен и в повести «Так хочется жить» как свидетельства очевидца, вспоминающего о многочисленных жертвах установления нового строя в стране. Социально-исторический фон важен и в прозе писателя о войне, в которой концепция страдания реализуется как одна из важнейших антропологических философем.

Список источников

1. Андрей Платонов. *Воспоминания современников. Материалы к биографии.* (1994). Современный писатель.
2. Астафьев, В. П. (1979). Про то, о чем не пишут в книгах. Литературная газета, 10 октября.
3. Астафьев, В. П. (1997–1998). *Собрание сочинений*: в 15 т. Офсет.
4. Астафьев, В. П. (2003). *Светопреставление: рассказы.* Эксмо.
5. Белинский, В. Г. (1955). *Полное собрание сочинений*: в 13 т. Т. 7. Издательство Академии наук СССР.
6. Бердяев, Н. А. (1994). Кризис искусства. В Н. А. Бердяев. *Философия творчества, культуры и искусства*: в 2 т. Т. 2, 399–419. Лига.
7. Бердяев, Н. А. (2020). *Мирозерцание Достоевского*. Гл. 2: Человек. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/berdyayev-mirosozercanie-dostoevskogo/berdyayev-ii-chelovek.htm>
8. Борисова, И. М., & Скорокозова, Е. И. (2022). Мотив страдания в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». *Современные аспекты филологических исследований* (с. 159–164). Сборник материалов научных конференций. Оренбургский государственный университет.
9. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. (1963). *Литературное наследство*. Т. 70. Издательство Академии наук СССР.
10. Гурвич, А. (1937). Андрей Платонов. *Красная новь*, 10, 191–233.

11. Достоевский, Ф. М. (1972–1990). *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Т. 27. Наука.
12. Заманская, В. В. (2002). *Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий*. Флинта. Наука.
13. Малыгина, Н. М. (2000). Диалог Платонова с Достоевским. «Страна философов» Андрея Платонова. *Проблемы творчества*, 4, 185–200.
14. Платонов, А. П. (2000). *Записные книжки. Материалы к биографии*. Наследие.
15. Платонов, А. П. (2004–2024). *Сочинения. Т. 1–6 (продолжающееся научное издание)*. ИМЛИ РАН.
16. Платонов, А. П. (2013). «...Я прожил жизнь»: *Письма. 1920–1950 гг.* Сост., комм. Н. В. Корниенко. Астрель.
17. Платонов, А. П. (2010). *Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы*. Время.
18. Пушкин, А. С. (1960). *Собрание сочинений*: в 10 т. Т. 4. Художественная литература.
19. Толстая, Е. Д. (2002). *Мирпослеконца: Работы о русской литературе XX века*. РГГУ.
20. Толстогузов, П. Н., & Толстогузова, Е. В. (2013). Страдание как составляющая байронической литературной модели: Байрон и русская поэтическая традиция. *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема*, 1(12), 125–127.
21. Цвик, И. Я. (1985). *Религия и декадентство в России*. ШТИНЦА.
22. Чанышев, А. А. (2010). Страдание. *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. Т. 3, с. 642–643. Мысль.
23. Шопенгауэр, А. (1992). *Избранные произведения*. Просвещение.

References

1. *Andrei Platonov. Memories of contemporaries. Materials for biography*. (1994). *Sovremenny`j pisatel`*. (In Russ.).
2. Astaf`ev, V. P. (1979). About what they don't write about in books. *Literaturnaya gazeta*, 10 oktober. (In Russ.).
3. Astaf`ev, V. P. (1997–1998). *Collected Works*: in 15 vols. Ofset. (In Russ.).
4. Astaf`ev, V. P. (2003). *Svetoprevizhenie: stories*. Eksmo. (In Russ.).
5. Belinskij, V. G. (1955). *Collection of Opus*: in 13 vols. Vol. 7. *Izdatel`stvo akademii nauk SSSR*. (In Russ.).
6. Berdyaev, N. A. (1994). The crisis of art. In N. A. Berdyaev. *Philosophy of Creativity, Culture and Art*: in 2 vols. Т. 2, 399–419. Liga. (In Russ.).
7. Berdyaev, N. A. (2020). *Dostoevsky's worldview*. Ch. 2. Human. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/berdyaev-mirosozercanie-dostoevskogo/berdyaev-ii-chelovek.htm>. (In Russ.).
8. Borisova, I. M., & Skorokozova, E. I. (2022). The motif of suffering in F. M. Dostoevsky's novel «The Idiot». *Modern aspects of philological research* (pp. 159–164). Collection of materials of scientific conferences. Orenburg State University. (In Russ.).
9. Gorky and Soviet Writers. Unpublished correspondence. (1963). *Literaturnoe nasledstvo*. Т. 70. *Izdatel`stvo Akademii nauk SSSR*. (In Russ.).
10. Gurvich, A. (1937). *Andrei Platonov. Krasnaya Nov', 10*. (In Russ.).
11. Dostoevskij, F. M. (1972–1990). *Collection of Opus*: in 30 vols. Nauka. (In Russ.).
12. Zamanskaya, V. B. (2002). *Existential tradition in Russian literature of the twentieth century. Dialogs on the borders of centuries*. Flinta. Nauka. (In Russ.).

13. Malygina, N. M. (2000). Platonov's dialog with Dostoevsky. *Andrei Platonov's «The country of philosophers»*. *Problems of creativity*, 4, 185–200. (In Russ.).
14. Platonov, A. P. (2000). *Notebooks. Materials to the biography*. Nasledie. (In Russ.).
15. Platonov, A. P. (2004–20024). *Works*. Т. 1–6 (continued scientific edition). IMLI RAS. (In Russ.).
16. Platonov, A. P. (2013). «...I have lived my life»: *Letters. 1920–1950*. Composition, commentary N. V. Kornienko. Astrel. (In Russ.).
17. Platonov, A. P. (2010). *Happy Moscow: A novel, novella, stories*. Vremya. (In Russ.).
18. Pushkin, A. S. (1960). *Collection of Opus: in 10 vols*. Vol. 4. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
19. Tolstaya, E. D. (2002). *Mirposlekonets: Works on Russian literature of the twentieth century*. RSUH. (In Russ.).
20. Tolstoguzov, P. N., & Tolstoguzova, E. V. (2013). Suffering as a component of the Byronic literary model: Byron and the Russian poetic tradition. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejxema*, 1(12), 125–127. (In Russ.).
21. Tsvik, I. Ya. (1985). *Religion and decadence in Russia*. Shtiincza. (In Russ.).
22. Chany'shev, A. A. (2010). Suffering. *New Philosophical Encyclopaedia: in 4 vols*. (In Russ.).
23. Schopenhauer, A. (1992). *Selected works*. Prosveshhenie. (In Russ.).

Информация об авторах

Галина Ивановна Романова — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Альфия Исламовна Смирнова — доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Ирина Ивановна Матвеева — кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Galina I. Romanova — D. Sc. (Philology), Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Alfia I. Smirnova — D. Sc. (Philology), Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Irina I. Matveeva — PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-25-33

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ: «ФРИЗОВАЯ ШИНЕЛЬ»

Штукарева Елена Борисовна

Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
Москва, Россия,

shtukareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3082-9755>

Аннотация. Тема статьи связана с прагматическим подходом в литературоведении к изучению авторского текста и проблемой декодирования авторских смыслов, их воздействия на читателя. В работе представлен анализ употребления прилагательного «фризовый» и выражения «фризовая шинель» как языкового ресурса для социальной характеристики персонажа и как символ его неблагополучия и отверженности в русской литературе XIX–XXI веков. Новизна исследования определяется тем, что особенности контекстуальных значений прилагательного «фризовый» и выражения «фризовая шинель» в русской классической литературе ранее не становились предметом изучения (отдельные упоминания находим в работах, посвященных анализу творчества Н. В. Гоголя), в то время как частотность их употребления в русской классике велика, причем не столько как наименований сорта ткани, сколько в качестве оценочной характеристики персонажа. Акцентуация культурологического компонента в семантической структуре лексемы «фризовый» становится ключом к постижению художественного образа и должна учитываться при комментировании классического текста, восприятие которого современными молодыми людьми часто затруднено, что обуславливает актуальность настоящей работы. Практическое применение полученных результатов возможно в лингвокультурологической лексикографии и при культурно-ориентированном переводе художественных текстов на другие языки. Исследование строится на основе методов лингвокультурологического анализа и лингвистического описания.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, предметно-бытовая лексика, наименования тканей, фриз, фризловая шинель, лингвокультурный код, семиотическое значение.

Для цитирования: Штукарева, Е. Б. (2025). Лингвокультурный код художественной детали: «фризовая шинель». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 25–33. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-25-33>

Original article

UDC 811.161.1'37

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-25-33

**LINGUOCULTURAL CODE OF ARTISTIC DETAIL:
«FRIZE OVERCOAT»****Elena B. Shtukareva**National University of Science and Technology «MISIS»,
Moscow, Russia,shtukareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3082-9755>

Abstract. The topic of the article is related to the pragmatic approach in literary criticism to the study of the author's text and the problem of decoding the author's meanings, their impact on the reader. The research presents an analysis of the use of the adjective «frieze» and the expression «frieze overcoat» as a linguistic resource for the social characteristics of a character and as a symbol of his troubles and rejection in Russian literature of the 19th–21st centuries. The novelty of the study is determined by the fact that the features of the contextual meanings of the adjective «frieze» and the expression «frieze overcoat» in Russian classical literature have not previously become the subject of study (we find separate mentions in works devoted to the analysis of the work of N. V. Gogol), while the frequency their use in Russian classics is great, not so much as names for a type of fabric, but as an evaluative description of a character. The emphasis on the cultural component in the semantic structure of the lexeme «frieze» becomes the key to understanding the artistic image and should be taken into account when commenting on the classical text, the perception of which is often difficult for modern young people. This determines the relevance of this work. Practical application of the results obtained is possible in linguocultural lexicography and in culturally oriented translation of literary texts into other languages. The research is based on methods of linguocultural analysis and linguistic description.

Keywords: N. V. Gogol, subject-household vocabulary, names of fabrics, frieze, frieze overcoat, linguocultural code, semiotic meaning.

For citation: Shtukareva, E. B. (2025). Linguocultural code of artistic detail: «frieze overcoat». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 25–33. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-25-33>

Введение

Для понимания читателем образа персонажа, созданного воображением автора, важна каждая деталь, каждое слово. Предметно-бытовая лексика, используемая мастером при описании портрета героя, может не только быть элементом внешней характеристики, приметой времени и культуры, характеристикой его материального достатка и социального положения, но и наполняться более глубоким метафорическим, символическим

значением: материальная деталь окружающей действительности переосмысливается и получает духовное, ценностное, этическое истолкование.

В отечественной науке основы изучения стиля писателя не только с литературно-стилистической, но и одновременно с социально-лингвистической стороны заложил академик В. В. Виноградов, обратив внимание на развитие у языковой единицы в конкретном тексте и индивидуальном авторском стиле символического значения (Виноградов, 1978).

Современные лингвисты говорят о значимости культурных и лингвокультурных кодов, которые отражены в семиотическом значении языковых единиц: «определяя в целом национальную картину мира и мировоззрение конкретного сообщества, коды культуры формируются с помощью системы ставших носителями культурных смыслов знаков материального и духовного мира» (Кузнецова, 2021, с. 235). Лингвокультурные коды отражают «особенности культуры использующего их народа и создаются парадигмой образов, выполняющих знаковую функцию в процессе общения» (Савицкий, Гашимов, 2005).

Естественно, что предметно-бытовая лексика в художественных текстах несет большую семиотическую нагрузку, что подтверждает ряд исследований (Милова, 2008; Третьякова, 2013; Беловинский, 2017; Машинист, 2020; Толстогузов, 2023). Так, «выбор определенного дома для проживания, определенной одежды и даже определенного блюда или напитка может свидетельствовать о социальном статусе, происхождении, возрасте, образе жизни, материальном благополучии человека» (Бондарчук, Никулина, 2019, с. 83).

Наблюдаем такие семиотические возможности и у наименований тканей: *дерюга, затрапез, крашенина, миткаль, сарпинка, толстина* использовались в быту простого люда, крестьян и небогатых горожан; более изысканные *адряс, бостон, брань, камка, кашемир, левантин, марселин, маркизет, муслин, объярь, шевит* отличают одежду состоятельных персонажей; а драгоценные ткани, в составе которых были золотые и серебряные нити: *аксамит, алтабас, виссон, фюфудья* — встречаются в жизнеописании героев, облеченных властью, князей, царствующих особ и священнослужителей. Наличие оценочного компонента в семантике наименований ткани отражено и в целом ряде устойчивых выражений: *бархатная революция, бархатный сезон, затрапезный вид, кисейная барышня, сермяжная правда, сермяжная душа, ситцевая Русь, суконный язык, посконная правда, в долгах как в шелках, с суконным рылом да в калачный (калашный) ряд, с посконным рылом да в суконный ряд*. Отражение социальной составляющей в семиотике данной группы лексики позволяет авторам использовать наименования тканей в характеризующей функции социального знака. Так, многократное упоминание Ф. М. Достоевским *драдедамового платка*, изготовленного из дешевого сукна низкого качества, делает его художественным символом, трагическим знаком несправедливости (Кирсанова, 1995). Прилагательное *чесучовый* как наименование изделий из чесучи, ткани для пошива казенной одежды, в литературе XX века часто фигурирует

в качестве портретного элемента при описании представителей чрезвычайных комиссий (ЧК) и Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР, приобретающая ироническую окраску (Штукарева, 2023).

Результаты и обсуждение

Начиная с XIX века особое место в русской литературе занимает прилагательное *фризовый*. Его словарные толкования ограничиваются собственно денотативным значением — ‘изготовленный из фриза’ от *фриз* ‘толстая ворсистая ткань типа байки’ (Словарь В. И. Даля, Словарь Д. Н. Ушакова, ССРЯ, БТС), пришедшего в русский язык из немецкого Fries или французского frîes, впервые в лексикографической практике зафиксированного «Новым словотолкователем, расположенным по алфавиту, содержащим: разныя в российском языке встречающияся иностранныя речения и техническия термины...» Н. И. Яновского в 1806 г. (Штукарева, 2001, с. 110). Количество упоминаний одежды из этой ткани в русской классике заметно и неслучайно велико, не единожды встречается оно в произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, И. И. Лажечникова, А. И. Герцена, В. Ф. Одоевского, М. Н. Загоскина, И. С. Тургенева, А. А. Фета, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Г. Короленко, Ю. Н. Тынянова, В. А. Соллогуба, Д. С. Мережковского и других авторов. Контекстуальный анализ употребления данной лексемы позволяет наблюдать развитие у нее, помимо утилитарного значения, оценочного и духовно-идейного семантического компонента, причина чего видится в функционировании денотата (из фриза шили преимущественно форменную одежду для служащих, студентов, гимназистов, воспитанников учебных учреждений) и стоимости (ткань представляла собой один из самых дешевых видов сукна). Подтверждение тому находим в архивных этнографических источниках и правовых документах.

Обратившись к истории форменной одежды в России, узнаем, что тип и цвет ее ткани строго регламентировались правительственными постановлениями начиная с Петровской эпохи (Курочкина, 2011). Вспоминая годы своей учебы в Московском университете, историк и археолог Н. Н. Мурзакевич отмечает в 1825 году, что в партикулярное платье студентов входили «модные изящные сюртуки или полуфраки, фризковые шинели, панталоны, казацкие шаровары, круглые шляпы» (Новиков, Перфилова, 2012, с. 19). Как свидетельствует ревизия Олонецкой семинарии 1833 года, фриз считался чрезвычайно недорогой тканью: здесь упоминаются фризковые шинели, которые по нужде семинарским правлением устроили ученикам на зиму и не могли «предохранить их от простуды в суровом климате Петрозаводска» (Калинина, 2019, с. 153).

В публицистической и художественной литературе XIX века мы видим множество персонажей, облаченных в одежду из фриза по долгу службы и роду занятий, т. е. ткань выступает здесь в качестве социальной маркировки героя: Публика — от учащейся молодежи до старых чиновников во **фризовых шинелях**

и от расфранченных дам до бедно одетых рабочих женщин (Вл. А. Гиляровский «Москва и москвичи», 1926–1934); Павел явился в класс приодетый: в желтом **фризовом** стюртуке и в белом галстуке на шее (М. Е. Салтыков-Щедрин «Пошехонская старина», 1887–1889); ...иногда раздавался шум и хохот в подземной полливной лавочке, когда оттуда выталкивали пьяного молодца в зеленой **фризовой шинели** и клеенчатой фуражке (М. Ю. Лермонтов «Штосс», 1841)¹ (здесь и далее выделено нами. — Е. Ш.).

Однако на страницах более поздних произведений перед читателями предстает целая вереница жалких, обездоленных, несчастных, отверженных обществом литературных героев, также облаченных в одежду из фриза. В их числе «горький пьяница», «несносное животное», потерявший свое имя и известный под прозвищем Обалдуй в рассказе И. С. Тургенева «Певцы»: *мужчина высокого роста, без шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанной голубым кушачком* (1850). Таков образ (примечательно, что он тоже лишен имени) изгнанного обитателя разрушенного замка-прибежища бедняков, выжившего из ума «профессора» в повести В. Г. Короленко «В Дурном обществе»: *Это было тихое, угнетенное идиотизмом существо в старой фризовой шинели, в шапке с огромным козырьком и почерневшей кокардой* (1885). Образ жалкого подобострастного заседателя суда Шабашкина, маленького человека в кожаном картузе и фризовой шинели, также не вызывает приязни у читателя (А. С. Пушкин «Дубровский», 1833).

Заметно чаще других классиков к фризовой шинели в качестве яркой характеризующей художественной детали обращается Н. В. Гоголь, что дает основание Н. Г. Чернышевскому видеть в ней гоголевское восприятие шинели из фриза как «необходимой принадлежности города» (Чернышевский, 1947), таким образом критик отмечает появление у данного выражения еще одного дополнительного семиотического смысла — идентификации места проживания персонажа.

Иронично упоминание фризовой шинели на грозном учителе латинского языка в сочетании с «изукрашенным оспой» лицом и наводящим ужас кашлем («Иван Федорович Шпонько и его тетушка», 1832). Мелькает эта деталь гардероба в описании прохожего на многолюдном Невском проспекте: <...> *какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого понытчика, пущенная по миру во фризовой шинели*... («Невский проспект», 1834). Встречается наименование этого предмета гардероба при воссоздании толчеи в картинной лавке Щукиного двора, где художник Чартков приобрел старинный портрет, изменивший его жизнь: <...> *старые лакеи во фризовых шинелях смотрят потому только, чтобы где-нибудь позевать*... В такую же шинель одет и сам хозяин лавки: *серенький человечек во фризовой шинели, с бородой, небритой с самого воскресенья* («Портрет», 1834). Читатель встречается с этой деталью в метонимическом значении в описании ночного провинциального города в поэме «Мертвые души»: <...> *и в совершенно заснувшем городе, может*

¹ Здесь и далее примеры цитируются из Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>). — Е. Ш.

быть, плелась где-нибудь **фризовая шинель**, горемыка неизвестно какого класса и чина, знающая одну только (уввы!) слишком протертую русским забубенным народом дорогу... (1835). Квартальный будочник застаёт мистического мертвеца-чиновника «на покушении сдернуть **фризовую шинель** с какого-то отставного музыканта» («Шинель», 1841). Во всех приведенных цитатах упоминание фризовой шинели соседствует с другими лексическими средствами, характеризующими персонаж с унижительной стороны: *жалкая добыча, пущенная по миру, старые лакеи смотрят, чтобы позевать, серенький человек, горемыка, плелась, забубенный народ, отставной музыкант*. Таким образом, в произведениях Н. В. Гоголя происходит переосмысление собственно материального значения выражения «фризовая шинель», наполнение его новым социально-моральным толкованием, за счет акцентуации в семантике таких компонентов, как принадлежность к классу служащих, несчастливое бедственное проживание в городской среде, неуспех и униженное положение в обществе.

Именно присутствие таких социальных и оценочных семиотических компонентов в семантической структуре слова «фризовый» позволяет писателю выстроить антитезу сюжетно-символической роли одежды в комедии «Ревизор». П. Н. Толстогузов, исследуя костюмную семиотику пьесы, отмечает противопоставление безымянной «фризовой шинели» из ремарки о просителях, собравшихся на улице и пытающихся попасть к «ревизору», и «золотых ливрей, голубых кавалерий, золотых платьев» (Толстогузов, 2023).

Сходный механизм построения антитезы в следующем контексте тоже стал возможным благодаря наличию дополнительного культурного значения 'бедный', 'занимающий невысокое социальное положение' у интересующего нас словосочетания: *Пошел служить писцом во **фризовой шинели**, а теперь с тысячью душ, и капиталец есть* (М. В. Авдеев «Тамарин», 1851).

Игнорирование культурного смысла лексемы может привести к ее неверным трактовкам при историко-литературном комментировании художественного текста и неверной его интерпретации. Так, в комментариях к повести «Портрет», размещенной в хрестоматии по литературе для средней школы, прилагательное *фризовый* объясняется как 'голландский'², что отражает происхождение слова от *фриз* — географического наименования местности Фризия, располагавшейся на побережье Северного моря³. Данный комментарий не отражает культурно значимой информации, важной для понимания текста, и поэтому представление фризовой шинели как голландской может вызвать у читателя противоположную действительности ассоциацию с заморской, а значит, престижной и дорогой.

² Литература. Хрестоматия для 7-го кл.: [Для шк. с углубл. изуч. лит., гимназий и лицеев] / авт.-сост. М. Б. Ладыгин и др. М.: Просвещение, 1993. С. 160.

³ Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 4. С. 207.

Оценочный культурный код становится основанием для создания иносказательного признания А. С. Пушкина народным, любимым простым человеком, поэтом: *К нему на похороны шли лишь люди в фризовой шинели* (Н. П. Огарев «Юмор», 1840–1841).

Без осознания дополнительной социальной и культурной информации, заложенной в семантике выражения «фризовая шинель», читатель не сможет разгадать аллегории и в строках Д. Хармса о рождении творчества из бедности и изгнания, в которых можно увидеть аллюзию на гоголевскую «Шинель»: *Взяли фризovou шинель // пристрочили кант // положили на панель // вот и вышел музыкант.*

Аллегорико-символическая функция проявляется у прилагательного «фризовый» и в стихотворении нашей современницы Оксаны Сыченко при создании образа несчастной любви, разочарования, крушения надежд: *Любовь, я так ее ждала, В ответ, та фризovy одежды // В черной коробке поднесла, // Убив последние надежды.*

Заключение

Из проведенного контекстуального анализа обращений писателей и публицистов к фризовой шинели следует, что в русской литературе собственно денотативное значение ‘сшитый из фриза’ дополняется и другими характеристиками, прежде всего социальной маркировкой принадлежности к служащим или обучающимся, а также характеризующим значением ‘дешевый, простой’. Благодаря перу многих авторов выражение *фризовая шинель* приобретает дополнительную культурологическую семантику и преобразуется в своеобразный культурный код — знак принадлежности к небогатому городскому обществу. Более того, при создании обезличенных персонажей, «фигур», «сущестv», «сереньких человечек», «горемык» выражение *фризовая шинель* становится символом незначительности, униженности и отверженности. А в поэтическом тексте эти компоненты в семантике слова «фризовый» помогают создать развернутую метафору и аллегорические образы.

Таким образом, происходит развитие, расширение семантики словосочетания за счет акцентуации культурологической информации: от предмета материального быта определенной исторической эпохи к знаку принадлежности к определенному социальному классу, к более обобщенному значению бедности и обездоленности и, наконец, к еще более высокой степени абстрактности — трагической символике несчастья.

Проанализированные примеры еще раз доказывают, что художественная деталь не только характеризует портрет персонажа, но и может свидетельствовать о многом другом, скрытом, однако являющемся важной составной частью содержания текста, для полного понимания которого от читателя требуются, помимо знания о реалии, еще и представления о ее лингвокультурологическом месте в языковой картине мире конкретной исторической эпохи.

Список источников

1. Виноградов, В. В. (1978). *История русского литературного языка*. Наука.
2. Кузнецова, А. В. (2021). Прагматика культурных кодов в художественном тексте. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 3, 233–242.
3. Савицкий, В. М., & Гашимов, Э. А. (2005). *Лингвокультурный код*. Лонгман, МГПУ.
4. Милова, Н. В. (2008). Языковые единицы семантического поля «костюм» в коммуникативном пространстве романа А. Н. Толстого «Петр I». *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 3, 13–22.
5. Третьякова, Л. Н. (2013). Военный концепт «шинель» в языковой картине мира русского человека. *Мир русского слова*, 1, 56–59.
6. Беловинский, Л. В. (2017). История повседневности в деталях: проблемы комментирования текстов русской литературы. *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*, 10-2(31), 217–228.
7. Машинист, А. В. (2020). Бытовая лексика: семантические и функциональные особенности (на материале прозы Юрия Вэллы). *StudNet. Т. 3, 9*, 1330–1335.
8. Толстогузов, П. Н. (2023). «Ревизор» Н. В. Гоголя как театр одежды. *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема*, 1(50), 109–118.
9. Бондарчук, Г. Г., & Никулина, Н. В. (2019). Семиотическая роль английской предметно-бытовой лексики в тексте семиотическая роль английской предметно-бытовой лексики в тексте. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки*, 1(817), 80–87.
10. Штукарева, Е. Б. (2001). Наименования тканей в произведениях художественной литературы. *Человек. Язык. Искусство* (с. 271–272). *Материалы международной научно-практической конференции*. МПГУ.
11. Кирсанова, Р. М. (1995). Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв.: Опыт энциклопедии. *Большая российская энциклопедия*.
12. Штукарева, Е. Б. (2023). «Драдедамовый платок», «посконный сарафан», «чесучовый китель»: предметно-бытовая лексика как ключ к пониманию художественного образа. *Notinut*, 1(9), 138–150.
13. Штукарева, Е. Б. (2001). *Тематическая группа наименований тканей в современном русском языке* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва].
14. Курочкина, Е. Н. (2011). Видоизменение форменной одежды России начала XIX века. *Вестник Иркутского государственного технического университета*, 1(48), 294–296.
15. Новиков, М. В., & Перфилова, Т. Б. (2012). Университетский устав 1835 г. *Ярославский педагогический вестник. Серия: Гуманитарные науки*, Т. 1, 3, 1–20.
16. Калинина, Е. А. (2019). Правовое и социальное положение воспитанников духовно-учебных заведений в дореформенное время (на примере Олонецкой епархии). *Труды Кольского научного центра РАН*, Т. 10, 7–17, 143–156.
17. Чернышевский, Н. Г. (1947). Очерки гоголевского периода русской литературы. http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0210.shtml

References

1. Vinogradov, V. V. (1978). *History of the Russian literary language*. Nauka. (In Russ.).
2. Kuznecova, A. V. (2021). Pragmatics of cultural codes in a literary text. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 233–242. (In Russ.).

3. Savickiy, V. M., & Gashimov, E. A. (2005). *Linguistic code*. Longman, MCU. (In Russ.).
4. Milova, N. V. (2008). Linguistic units of the semantic field «suit» in the communicative space of A. N. Tolstoy's novel «Peter I». *Russian Journal of Linguistics*, 3, 13–22. (In Russ.).
5. Tret'yakova, L. N. (2013). The military concept «overcoat» in the linguistic picture of the world of the Russian people. *World of the Russian Word*, 1, 56–59. (In Russ.).
6. Belovinskiy, L. V. (2017). The history of everyday life in detail: problems of commenting on texts of Russian literature. *RGGU bulletin. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies*, 10-2(31), 217–228. (In Russ.).
7. Mashinist, A. V. (2020). Everyday vocabulary: semantic and functional peculiarities (based on Yuri Vella's prose). *StudNet*, T. 3, 9, 1330–1335. (In Russ.).
8. Tolstoguzov, P. N. (2023). «N. V. Gogol's "Inspector General" as a theater of clothing. *Sholom-Aleichem Priamursky state university bulletin*, 1(50), 109–118. (In Russ.).
9. Bondarchuk, G. G., & Nikulina, N. V. (2019). Semiotic role of English everyday vocabulary in the text. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(817), 80–87. (In Russ.).
10. Shtukareva, E. B. (2001). Names of fabrics in works of fiction. *Human. Language. Art* (pp. 271–272). *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. MPGU. (In Russ.).
11. Kirsanova, R. M. (1995). Costume in Russian artistic culture of the 18th – the first half of the 20th centuries: Experience encyclopedia. *Bolshaya rossijskaya enciklopediya*. (In Russ.).
12. Shtukareva, E. B. (2023). «Dradedam shal», «poskonny sarafan», «chesuchovy kitel»: everyday vocabulary as a key to understanding the artistic image. *Hominum*, 1(9), 138–150. (In Russ.).
13. Shtukareva, E. B. (2001). *Thematic group of names of fabrics in modern Russian* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Moscow]. (In Russ.).
14. Kurochkina, E. N. (2011). Modification of the uniform of Russia at the beginning of the 19th century. *Vestnik of Irkutsk state technical university*, 1(48), 294–296. (In Russ.).
15. Novikov, M. V., & Perfilova, T. B. (2012). University charter 1835. *Yaroslavl pedagogical bulletin. The humanities*, T. 1, 3, 1–20. (In Russ.).
16. Kalinina, E. A. (2019). Legal and social status of pupils of theological and educational institutions in the pre-reform period (on the example of the Olonets diocese). *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN*, T. 10, 7-17, 143–156. (In Russ.).
17. Chernyshevskij, N. G. (1947). *Essays on the Gogol period of Russian literature*. http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0210.shtml (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Борисовна Штукарева — кандидат филологических наук, доцент, доцент Центра русского языка Национального исследовательского технологического университета «МИСИС».

Information about the author

Elena B. Shtukareva — PhD (Philology), Associate Professor at Russian Language Center of National Research Technological University «MISIS».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.111-31Ондатже М.06(71)

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-34-48

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЯ О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ В РОМАНЕ М. ОНДАТЖЕ «АНГЛИЙСКИЙ ПАЦИЕНТ»

Воротникова Анна ЭдуардовнаВоронежский государственный педагогический университет,
Воронеж, Россия,vorotnikovaanna2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5887-2034>

Аннотация. Актуальность обращения к роману писателя-мультикультуралиста М. Ондатже «Английский пациент» обусловлена его смысловой многослойностью и идейной плюралистичностью. Цель статьи — исследовать проблему национальной и индивидуальной идентификации в произведении Ондатже и установить ее взаимосвязь с поисками истинного знания и возможностями его вербальной репрезентации. Реконструкция романной концепции осуществляется с привлечением основных достижений постмодернистской философской мысли (теорий деконструкции, интертекстуальности, метанарративов и т. п.), а также постколониальной критики. В фокусе особого внимания оказывается реализация бинарных оппозиций *свой – чужой, национальное – общечеловеческое, реальность – художественный вымысел, теоретическое познание – практическая деятельность, истина – ложь, чувство – разум, культура – варварство*. Ключевая идея пантекстуализма в «Английском пациенте» воплощается в образах и мотивах, связанных с литературой и чтением, которые трактуются преимущественно как атрибуты и феномены западной культуры, погруженной после Второй мировой войны в состояние эпистемологического и онтологического кризиса. Критика рационалистической европейской цивилизации в лице космополитически настроенного интеллектуала — английского пациента — осуществляется с позиций экзистенциального Другого — представителя альтернативной модели бытия, индийца Кирпала Сингха, который, однако, не отказывается полностью от плодов чужой культуры, но вбирает их в себя, расширяя горизонты своего духовного существования и обретая собственное место в родной национальной культуре. В конце делается вывод о концептуально значимом характере библейского текста, открывающего мифопоэтическое измерение в истории героев «Английского пациента», примиряющего антагонистические сущности и вносящего гуманистически-гармонизирующую струю в романное повествование.

Ключевые слова: постколониальная литература, нация, идентификация, постмодернизм, чтение, книга, текст, слово, дискурс, культура, миф.

Для цитирования: Воротникова, А. Э. (2025). Способы репрезентации знания о мире и человеке в романе М. Ондатже «Английский пациент». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 34–48. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-34-48>

Original article

UDC 821.111-31 Ондатже М.06(71)

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-34-48

**WAYS OF REPRESENTING KNOWLEDGE
ABOUT THE WORLD AND MAN IN THE NOVEL
«THE ENGLISH PATIENT» BY M. ONDAATJE****Anna E. Vorotnikova**Voronezh State Pedagogical University,
Voronezh, Russia,vorotnikovaanna2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5887-2034>

Abstract. The relevance of the appeal to the novel «The English Patient» by the multi-cultural writer M. Ondaatje is explained by its semantic layering and ideological pluralism. The purpose of the article is to explore the problem of national and individual identification in Ondaatje's work and to establish its relationship with the search for true knowledge and the possibilities of its verbal representation. The reconstruction of the novel concept is carried out with the involvement of the main achievements of postmodern philosophical thought (theories of deconstruction, intertextuality, metanarratives, etc.), as well as postcolonial criticism. The focus of special attention is the implementation of binary oppositions of *ours – others, national – universal, reality – fiction, theoretical knowledge – practical activity, truth – lie, feeling – rationality, culture – barbarism*. The key idea of pantextualism in «The English Patient» is embodied in images and motifs related to literature and reading, which are interpreted mainly as attributes and phenomena of Western culture, plunged after the Second World War into a state of epistemological and ontological crisis. Criticism of the rationalistic European civilization in the person of a cosmopolitan intellectual — the English patient — is carried out from the standpoint of an existential Other — a representative of an alternative model of being, an Indian Kirpal Singh, who, however, does not completely refuse the fruits of another culture, but absorbs them, expanding the horizons of his spiritual existence and finding his own place in his native national culture. In the end, a conclusion is drawn about the conceptually significant character of the biblical text, which opens up a mythopoetic dimension in the history of characters in «The English patient», reconciles antagonistic entities and introduces a humanistic-harmonizing stream into the novel narrative.

Keywords: postcolonial literature, nation, identification, postmodernism, reading, book, text, word, discourse, culture, myth.

For citation: Vorotnikova, A. E. (2025). Ways of representing knowledge about the world and man in the novel «The English Patient» by M. Ondaatje. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 34–48. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-34-48>

Введение

Западная литература конца XX века отмечена сосуществованием прямо противоположных тенденций: с одной стороны, постмодернизм как ведущее направление эпохи ориентирован на утверждение относительного и подвижного характера всех бытийных и художественных феноменов, упразднение центра и периферии, а следовательно, стирание любых границ, в том числе национальных; с другой стороны, вызванный подобной унификацией кризис индивидуальной и коллективной идентичности приобретает чрезвычайную остроту, вызывая к своему разрешению через поиск новых идейных концепций и свежих эстетических решений.

Диалектика диверсификации — единообразия самобытно воплощается в творчестве писателей-мультикультуралистов, предпосылками для которого послужили распад международной колониальной системы, процессы демократизации и глобализации вкупе с активизировавшимися миграционными потоками. Одним из авторов, представляющих транскультурную литературу, является канадский прозаик и поэт шри-ланкийского происхождения Майкл Ондатже (р. 1943), среди многочисленных творений которого наиболее известным остается роман «Английский пациент» (1992).

Произведение Ондатже неоднократно привлекало внимание исследователей (прежде всего зарубежных и в значительно меньшей степени отечественных) злободневностью и многоаспектностью подачи проблематики гетерогенного постколониального мира, тупикового развития современной цивилизации, столкновения восточного и западного типов менталитета и открытия иных форм общежития с учетом чужого национального опыта.

Сходясь во мнении о постмодернистской природе «Английского пациента», литературоведы утверждают в качестве ведущего принципа повествования плюрализацию представлений о действительности и человеческой личности (Kharbe, 2016, pp. 110–116; Ali, Arif, Ahmad, Bezar, 2013, pp. 111–113; Friedman, 2008, pp. 50–53; Авраменко, 2016, с. 116; Филюшкина, 2012, с. 71–74), что, в свою очередь, объясняет сложность концепции национального в романе Ондатже.

Писателя занимают не только и не столько пертурбации в лишившемся прочных оснований послевоенном мире, сколько вызванный ими духовный кризис дезинтегрированной личности. Невозможно не согласиться с О. А. Джумайло, которая пишет: «Постколониальная художественная литература, помимо собственно рефлексии о колониальном прошлом и сложном (неоколониальном, гибридном, космополитичном) настоящем, в силу своей специфики погружения в перипетии судьбы и воссоздания опыта конкретного человека, наиболее заостряет вопросы идентичности и права на ее выражение» (Джумайло, 2022, с. 157). Кризис идентичности указывается в качестве главной проблемы постколониальной литературы в монографии О. Г. Сидоровой (Сидорова, 2005,

с. 4–5 и др.) и в работах зарубежных ученых (Ashfaq, Aurangzeb, Naeem, 2022, p. 200; Dizay, Tahir, 2024, p. 72).

Осуществление личностной и национальной самоидентификации Ондатже ставит в прямую зависимость от возможностей ее текстуализации. В предлагаемой статье предпринимается попытка установления связей между поисками своего Я, постижением мира и человека и выражением полученного знания в языке. Концептуализация этих коррелирующих в «Английском пациенте» процессов по-прежнему не утрачивает своей актуальности. Анализ постмодернистских способов репрезентации познания и его результатов на материале недостаточно изученного романа М. Ондатже обуславливает новизну проведенного исследования.

Продуктивным в нашей научной рефлексии представляется обращение к триаде значимых в постмодернистской методологии феноменов *слово – текст – культура*, которые являются объектом осмысления в трудах Ж. Дерриды, Ю. Кристевой, Р. Барта, Ф. Лиотара и других философов XX века. Еще одним методологическим источником послужили уже ставшие классическими работы постколониальной критики Х. Бхабхи, М. Л. Прэтт, Г. Спивак.

Ход исследования

Одна из отличительных черт романа Майкла Ондатже «Английский пациент» — это его настойчиво манифестируемая пантекстуальность. Собственно романной истории предпослан отрывок из протокола заседания лондонского Географического общества, в котором сообщается о гибели Джеффри Клифтона и его жены Кэтрин в 1939 году во время экспедиции в пустыне. Чета Клифтонов, представленная как реально существующая, продолжает свою дальнейшую жизнь уже в пространстве художественного вымысла произведения Ондатже, а якобы имеющий место в действительности цитируемый текст протокола обрывается многоточием, сигнализирующим о продолжении заседания географов в затекстовом пространстве. Уже этот задел воплощает базовый принцип дальнейшего постмодернистского романного повествования — фрагментарного, фасеточного, местами ахронического.

В «Английском пациенте» постоянно варьируется мысль о том, что все явления и процессы в человеческом мире обладают текстовой природой, обеспечивающей возможность созидания единого культурного пространства. В романе можно обнаружить множество текстов. Так, возникает пустынный текст, наполненный научными сведениями об особенностях природы пустыни, жизни населяющих ее кочевников и ее истории, а также мифопоэтическими образами. Индийский сикх Кирпал Сингх (Кип) пытается прочитать послание, запечатленное на церковных фресках и в скульптурных изображениях Девы Марии и пророка Исаяи. Говорящей предстает дорога с ее названиями городов,

через которые проезжает Кип, покидающий Италию в конце романа. Азиатские улицы, подвергнувшиеся американской атомной бомбардировке, видятся индийцу сжигаемым «бумажным листом карты» (Ондатже, 2020, с. 368). Полуразрушенная итальянская вилла Сан-Джироламо, где находят временное пристанище герои, напоминает «книгу с недостающими главами» (Ондатже, 2020, с. 17).

Метафора книги возникает в представлении английского пациента, в действительности венгерского графа Ласло Олмаши, о его отношениях с Кэтрин Клифтон: «Он хочет, чтобы они прильнули друг к другу, словно страницы закрытой книги...» (Ондатже, 2020, с. 203). Самого себя Олмаши также сравнивает с книгой: «Или я для вас — дешевая книжонка, которую можно прочитать и забыть?» (Ондатже, 2020, с. 328) — спрашивает он Дэвида Караваджо. Как тексты читаются не только человеческие судьбы, но и тела. Прежде всего это относится к телу Олмаши, образ которого не раз интерпретировался как символическое подобие палимпсеста, скрывающего под слоями обгоревшей кожи историю прежней жизни героя и, шире, историю упадка колониальной Британской империи и тупикового развития западной культуры в целом (Hilger, 2004, pp. 39–42; Burcar, 2007, p. 104).

Порождение текстовой реальности представлено в романе как двуединство акта написания и чтения. Английский пациент становится своего рода соавтором Геродота, «Истории» которого он копирует в свою записную книжку, дополняя их картами, дневниковыми наблюдениями, пометками на разных языках, абзацами текста, вырезанными из других книг. Древний трактат, который Олмаши переосмысляет в свете событий многовековой истории человечества, неожиданным образом становится частью его собственной личной истории, поскольку роковая страсть графа к Кэтрин рождается в нем при звуке ее голоса, читающего отрывок из Геродота. Парадигматический рассказ о Кандавле и его царице предвосхищает измену Кэтрин своему мужу: «...Кэтрин нашла в этой книге окно в свою жизнь» (Ондатже, 2020, с. 299), — и как будто получает свое развитие в судьбе героев. Позже Олмаши оставит книгу древнегреческого автора с умирающей возлюбленной в качестве залога своей верности.

Чтение является одним из ведущих романских мотивов. Знакомство с классическими произведениями, произошедшее под влиянием общения с английским пациентом, задает модус размышлений канадской медсестры Ханы, служит матрицей ее памяти, позволяет сформировать представление о меняющемся мире и выработать стратегию взаимодействия с ним. При этом автор утверждает мимесис наоборот: не только литература подражает реальности, но и реальность — литературе. Так, появление Кипа подготовлено чтением Ханой романа Киплинга «Ким». Проблема первичности литературы и реальности обыгрывается автором, сравнивающим не только виллу с книгой, но и книгу со зданием, порог которого переступает читатель: «Начиная читать книгу,

она (Хана. — А. В.) словно входит через парадные ворота в огромные дворы. Парма, Париж, Индия расстилают перед ней свои ковры» (Ондатже, 2020, с. 125).

Чтение связывает героев Ондатже с ранее созданными литературными персонажами и с затекстовыми читателями романа «Английский пациент». Писатель исподволь внушает мысль о том, что весь мир есть текст, а все живущие являются читателями. Однако автора и его героев, по-видимому, занимает больше сама возможность читабельности этого вселенского текста и его верного истолкования. И если «мысль изреченная есть ложь», то у Ондатже понятие лжи трактуется предельно широко, слово «ложь» многократно возникает в романе, распространяясь на всю культуру, где означаемое часто заслоняет собой означаемое, а дискурс о действительности превалирует над самой действительностью. Понятие лжи возникает во множестве контекстов: ложно воспринимаемые образы героев, ложь в отношениях, ложь внутри себя, ложно употребленные слова, ложное восприятие культуры, как чужой, так и своей родной.

Мотив лжи, ошибочного понимания, неистинного знания пронизывает собой как интимную, частную, так и историческую и онтологическую сферы. Кэтрин говорит Олмаши о своей ненависти ко лжи, но изменяет при этом мужу. Мэдокс носит с собой толстовскую «Анну Каренину», «постоянно перечитывая эту историю о любви и обмане» (Ондатже, 2020, с. 305).

Дух сомнения витает и над большой историей, облеченной в форму метанарратива (Лиотар, 1998, с. 9–144), развенчание культа которого осуществляется в романе за счет использования мини-нарративов в качестве организующей единицы повествования. Олмаши указывает на ненадежность исторического дискурса, так как полное и точное знание о прошлом представляется невозможным, память и воображение по-своему интерпретируют минувшее, в которое проникают поэзия, миф, легенда и просто субъективные оценки и фальсификация. Возникает расхождение между речью о предмете и самим предметом. Геродот, известный как «отец истории и отец лжи», в книге которого Олмаши находит неточности и ошибки, тем не менее завораживает исследователя-скептика живостью и лиризмом описаний ушедших народов и событий. «Истории» Геродота — парадигматический для концепции Ондатжи текст, подрывающий представления о строгом фактуальном научном дискурсе, бегущий всякой регламентации и утверждающий примат бесконечного многообразия проявлений жизни и легитимность любых форм ее рефлексии.

На примере судьбы самого Олмаши осуществляется релятивизация и деконструкция понятия факта как знака истины и воплощения неколебимого знания. Обгоревшего венгерского графа, ошибочно принимаемого за англичанина, Карваджо разоблачает как немецкого коллаборанта, но постепенно обнаруживает недостаточность сделанного вывода относительно мотивов поступков Олмаши: сотрудничество героя с фашистами может в равной степени оцениваться как предательство с общественно-политической точки зрения

и как подвиг, совершаемый во имя любимой, с человеческих гуманистических позиций. Обитатели виллы, пытающиеся вершить суд над «нацистом» (Ондатже, 2020, с. 382) Олмаши, пасуют перед принципиальной неосуществимостью своей миссии. Оказывается, что судят они не столько английского пациента, сколько самих себя, в результате чего возникает классическая в психоанализе ситуация проекции (Hilger, 2004, pp. 42–46; более подробно о связях постколониального дискурса и психоанализа см.: Greedharry, 2024).

Безымянный таинственный незнакомец притягивает к себе всех остальных героев, утративших свой исток и пребывающих в состоянии кризиса самоидентичности. Индеец Кип, поначалу старающийся вписаться в западное общество, резко порывает с ним в конце романа, производя таким образом расчет со своими внутренними заблуждениями. В поисках своего места в мире, представления о котором подверглись катастрофическому слому в результате Второй мировой войны, пребывают канадцы Хана и Караваджо.

Все герои ведут номадическое существование: они скитаются по жизни, уподобившейся пустыне, по которой водил евреев Моисей и в которой библейские пророки вопрошали Всевышнего об истине. Послевоенный мир, лежащий в руинах смысла, встраивается в ставший глобальным пустынный текст. Номадизм как бытийный принцип коррелирует в произведении с поиском истинного знания, которое заявляет о себе в слове и через слово.

Проблема репрезентации знания о мире и о человеке в языке концептуально значима в романе. Страстным приверженцем западной культуры слова предстает английский пациент, энциклопедист и интеллектуал, наделенный феноменальной памятью и превративший собственное сознание в подобие вселенской библиотеки, но ощущающий одновременно духовную ограниченность и ущербность своего гипертрофированно развитого рацио. Парадоксальность личности и судьбы Олмаши заключается в том, что, будучи властелином книжной культуры и мастером слова, он погружается в эпистемологический, а через него и в экзистенциальный скепсис, начинает испытывать глубокие сомнения в моральной легитимности западной цивилизации, скатившейся в варварство Нового времени — в «последнюю средневековую войну» (Ондатже, 2020, с. 91). Выражением этого внутреннего надлома являются эскапистские порывы Олмаши, пытающегося обрести инобытие в пустыне, где он как неопит принимает веру в картографию телесности: «Верю в эту картографию, выполненную самой природой, а не в гроздь имен на карте <...>. Все, чего я хотел, — это пройти по такой земле, где нет карт» (Ондатже, 2020, с. 340).

Картография, как и язык, выступает в романе метафорой колонизаторских устремлений западного человека, склонного классифицировать и упорядочивать все бытийные проявления, находить для них слова, в действительности не способные вместить широту смысла и множественность значений (о символизме картографии см.: Пономарев, 2020, с. 358–359, 364–366). Бедуины, племена которых часто вообще лишены названий, дали множество имен

пустыне, сделав ее неуловимой субстанцией для европейца с его принципами четкого вербально-семантического членения мира. Кочевники продолжают жить в мифе, где субъект неотделим от объекта, мысль от чувства, означаемое от означающего. Неслучайно пустыня заставляет говорить ее исследователей — ученых педантов — стихами, пробуждает в них визионерские способности и одновременно дезориентирует их, лишая карты действенной силы.

Пустыня становится для Олмаши, ощущающего истощенность гуманистического потенциала западной цивилизации, подобием восточной нирваны, в которой распадаются дихотомии западного мира, аннигилируются национальные, религиозные и культурные различия. Именно в пустыне намечается возможность ухода от безапелляционной централизации в моделировании картины мира, от пресловутого европоцентризма, жестко регламентирующего отношения середины и периферии.

В западном мире аналогом пустыни служит лежащая в развалинах итальянская вилла, построенная в эпоху Возрождения, — символ крушения гуманистической концепции, провозгласившей уникальную человеческую личность высшей ценностью. Судьба Олмаши иллюстрирует кризис просветительского проекта Человека. Совершенный *Homo sapiens*, протагонист предпринимает попытку бегства из мира означаемых и означающих, воплощающуюся в утрате имени как знака индивидуальной определенности и в превращении Олмаши в английского пациента — персонифицированный образ больной западной цивилизации.

Чрезмерно укорененный в европейском культурном проекте, Олмаши оказывается до конца неспособным обрести свободу индивидуального бытия вне нации, вне истории, вне общества. Хотя Хана и Караваджо — первая сразу, второй постепенно — приходят к признанию права главного героя на личностную автономию, для Кипа как носителя восточного менталитета и альтернативной картины действительности английский пациент — «нацист», как он называет его, — остается типичным представителем рационализма, европоцентризма и имперскости. Для индийца, одержимого идеей порабощения его нации британцами, образ Олмаши деиндивидуализируется, утрачивая свою сингулярность и приобретая обобщенный характер, т. е. превращаясь в символ колонизаторских устремлений.

Обозначение «английский пациент», примененное к герою-венгру, да еще и вынесенное в название произведения, — пример деконструкции. Безымянность протагониста, редукция его личности до национальной принадлежности имеют двоякое значение. С одной стороны, это проявление все того же всеохватного заблуждения, в котором герои пребывают в отношении себе подобных. Навешенный на обгоревшего незнакомца ярлык — негативный пример дискурсивизации неповторимого индивидуального начала, влекущей за собой опасность расчеловечивания для других.

С другой стороны, превращение в английского пациента — закономерный итог жизненного пути графа Олмаши с его одержимостью словом, фетишизируемым в западной культуре: слово есть результат процесса абстрагирования, убивающего уникальную сущность единичного явления. Панлингвизм и пантекстуализм, завладевшие цивилизованным миром, чреватые подменой сущности видимостью, реальности дискурсом.

В сюжетной линии английского пациента, погруженного в пространство слов и идей, прослеживается проблема духовной дезориентации и, если не полной утраты, то релятивизации, размытости нравственных критериев, отданных на откуп чистому мышлению. В проповедуемой Олмаши апологии космополитизма, индивидуалистической замкнутости, тяге к универсализму и обращенности к «чистому духу», в пренебрежении «политическим инстинктом и волей» (Манн, 1961, с. 289), в его фаустианской самозабвенной поглощенности исследованием мира слышатся отдаленные отголоски немецкой антифашистской проблематики. Разумеется, было бы неверно абсолютизировать эти лишь контурно намеченные параллели и усматривать в смерти английского пациента приговор высокомерию интеллекта как таковому. Заслуга Ондатже как раз и состоит в умении избегать беспепелляционных суждений о человеке, в показе его внутренней сложности и неоднозначности, в чем видится своеобразный гуманизм постмодернистской эпохи.

Рационалистически-дискурсивная природа образа Олмаши не исчерпывает его бытия, в котором не меньшее место занимает пусть и подвергшаяся выхолащивающему влиянию вербализации, но все же страстно-чувственная ипостась, раскрывающаяся наиболее полно в трагической любви героя к Кэтрин. Примечательно, что протагонист, сделавший главным принципом отношений с миром его дискурсивизацию и текстуализацию, упрекает возлюбленную в ее приверженности слову: «Кэтрин всегда хотела слов — любила их, выросла среди них. Слова давали ей ясность, имели причину, форму. А для меня в словах тонули эмоции, как камешки в воде» (Ондатже, 2020, с. 307). При этом ранее английский пациент, рассказывающий о воздействии на него истории о Кандавле, услышанной из уст Кэтрин, утверждает противоположное: «Слова, Караваджо, имеют силу» (Ондатже, 2020, с. 301). Сама страсть героя носит книжный дискурсивный характер: рождается при звуке женского голоса, читающего книгу, после физической смерти своего объекта окутывается образами легенд и мифов, почти утрачивая связь с земным образом возлюбленной.

Основываясь на случаях многочисленных фактических нестыковок в рассказе Олмаши, ведущегося то от первого, то от третьего лица, И. Ксицепольска выдвигает любопытную версию о сомнительности любовной истории английского пациента, которая, вероятнее всего, является плодом воспаленного воображения героя-сочинителя и таким образом встраивается в ряд других фикциональных текстов, составляющих художественное полотно романного повествования (Ksiezopolska, 2011).

Необходимо заметить, что не только английский пациент выступает страстным приверженцем слов; остальным романским героям также не дано уйти от их почти магического воздействия: обольщение словом лежит в основе всей европейской культуры. Караваджо объясняет очарование, исходящее от английского пациента, его познаниями и способностью облекать их в нужную вербальную форму: «Потому что мы хотим знать, как все происходит, из чего складывается. Те, кто умеет говорить, умеют обольщать. Слова заводят в тупик» (Ондатже, 2020, с. 161).

Вне зависимости от степени дискурсивизации реальной жизни английского пациента, на гибель он обречен, как думается, из-за собственной внутренней раздвоенности — неспособности достичь гармонии антагонистических начал — чувственного и рационального. Хотя граф Олмаши и пытается бежать в пустыню, служащую семантическим противовесом западной цивилизации, с одержимостью словом в самом себе он так и не может совладать. Английский пациент — образ, синтезирующий все достижения культуры, но одновременно это образ праздного, блуждающего духа — своего рода духовного фланера, лишённого онтологического основания в реальности.

Личность протагониста, погруженная в стихию знаков культуры, постепенно теряет свою уникальность, становясь дискурсивной маской в калейдоскопе текстов. Неслучайно единственным, что остается от Олмаши, является его записная книга, в которой уже окончательно растворяется — дискурсивизируется личность героя. Он навсегда уходит в запечатленный им интертекст, как в свою гробницу.

Привилегия возрождения к инобытию через открытие нового гуманистического измерения дается в романе не английскому пациенту, а не слишком образованному и молчаливому, но живущему в согласии со своей природой, наделенному естественными реакциями и непосредственным восприятием мира индийцу Кипу, который, будучи потрясенным американскими бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, отказывается от идеи найти свое место в британском культурном пространстве — пространстве смерти — и возвращается к национальным корням — к жизни и жизнотворчеству: на родине он, бывший сапер, посвящает себя служению людям — становится врачом.

Примечательно, что сикх, принявший решение уйти из западного общества, вновь обретает свою национальную и личностную идентичность через имя и посредством имени, как будто открывая его вновь и окончательно закрепляя за собой — процесс, противоположный тому, что происходит с Олмаши, превращающимся в безымянного английского пациента. Насмешливо прозванный англичанами Кипом (по созвучию с kipper — «копченой селедкой»), индеец возвращает себе свое полное имя: «Его зовут Кирпал Сингх — и непонятно, что он здесь делает» (Ондатже, 2020, с. 373). Означающее и означающее вступают в нерасторжимый в своей органичности союз. Однако путь к обретению себя, своего имени и своего места в мире пролегает для Кирпала Сингха не через полный разрыв с Западом как с культурным и экзистенциальным Другим, а через принятие этого Другого. Уже покидающий Италию

«сикх верил в обгоревшего пациента и луга цивилизации, о которых тот заболел» (Ондатже, 2020, с. 382).

Если для Олмаши национальное — это ограничивающая и в конечном счете калечащая человеческую индивидуальность сила, лишаящая ее свободы, сужающая ее мировоззренческий кругозор, то для Кирпала Сингха возврат к национальному знаменует приход к себе. Герой спасается от мнимой и двусмысленной принадлежности к британской цивилизации, в которой он остается аутсайдером, несмотря на свои заслуги перед англичанами и дружбу с ними.

Конфликт английского пациента и сикха — это столкновение представителей двух антагонистических миров, двух концепций Человека, но это и диалог двух культур, пусть и наполненный внутренним напряжением высокого градуса. Эсхатологизм эпохи означает для Кипа не конец истории, как для Олмаши, а лишь переход на новый жизненный этап, но уже в лоне собственной культуры, привязанность к которой он не смог бы постичь в полной мере, если бы его индивидуальное видение индийского мира не было обогащено опытом взаимодействия с европейцами. В межкультурном пространстве — *in-between spaces* (Bhabha, 1994, p. 216) — существует не только опасность утраты идентичности, но и возможность рождения новой. Автор утверждает открытость навстречу Другому в качестве животворного принципа бытия.

Не обрывающаяся окончательно после ухода индийца связь с английским пациентом и сконцентрированной в его образе европейской культурой устанавливается прежде всего через библейский текст. Наделенный более многомерным видением действительности, Кип и чужую религию — христианство — способен прочувствовать глубже, чем сами ее носители, разувверившиеся в действенности Божественных законов. Прежде всего имеется в виду воплощающий тупиковость европейского христианства случай Мэдокса, который не смог вынести несовпадения сущего — библейских заповедей — и данного — войны, нарушающей их, и покончил с собой во время церковной милитаристской проповеди: выступая своим суицидом против человекоубийства, герой становится собственным убийцей. Попрание христианских ценностей в западной культуре — наиболее яркое проявление ее кризиса.

Для Кипа важен опыт знакомства с великими шедеврами европейского искусства, и в особенности с библейскими образами Девы Марии и пророка Исаяи. С первой связана идея спасения и продолжения жизни: неслучайно Богородица является саперу в критические моменты, когда ему грозит смерть. Концептуально значим образ Исаяи, носителя истинного слова, пророчества которого вписаны в настольную книгу атеиста Олмаши «Истории» Геродота — его «личную священную книгу» (Ондатже, 2020, с. 382). Рассеянные по тексту романа в виде отдельных цитат, они оказываются созвучны его ключевым идеям. Актуальным антимилитаристским смыслом наполняется видение прихода Царствия Небесного, когда народы «перекуют мечи свои на орала» (Ис. 2:4). Обличение пророком тех, кто лицемерно почитает Бога лишь на словах,

а не на деле (Ис. 29:13), соотносится с проблемой опустошенного слова, воплощающего в романе кризис западной культуры, чрезмерно увлеченной вербальным самовыражением в ущерб живому практическому освоению мира. Утверждаемая Исайей невозможность замены Бога его рукотворным изображением (Ис. 40:12–31) отсылает к художественно совершенным фрескам и статуям, представляющим в «Английском пациенте» христианские образы, которые существуют в культурном европейском сознании преимущественно в своей эстетической ипостаси как произведения искусства. В более широком смысле речь должна вестись о проблемных отношениях означаемого и означающего, когда последнее заслоняет собой первое, лишая его сущностного содержания. Фраза Исайи о неисследимости Божественного разума (Ис. 40:28) намечает пределы рационального познания, культивирование которого в западном сознании косвенно повлияло на его кризис. А пророчество Исайи о пришествии в мир Иисуса (Ис. 7:14, 9:6) — Логоса, воплощенного Божественного слова, — намечает противовес той словесной шелухе, которой западная цивилизация пытается заполнить свою духовную пустоту.

Пророчества Исайи служат идейным аккомпанементом сюжетной линии представителя неевропейской культуры — индийца Кипа — как более восприимчивого к Божественной истине. В этой связи можно вспомнить и пророчество Исайи об отпадении иудеев от Бога и о занятии их места уверовавшими языческими народами (Ис. 19:23).

Заключение

Концептуальное единство многослойно-фрагментарному повествованию Ондатже придает библейский текст, утверждающий общечеловеческое, вневременное и универсальное, которое по-настоящему глубоко сумел прочувствовать индеец Кирпал Сингх — именно ему и принадлежит будущее. Мифопоэтическое начало не дает окончательно распасться картине руинированного существования и заключает в себе надежду на его восстановление.

Миф, воплощенный в романе в библейской образности, выстраивает каркас мироздания, которому нет конца. Эсхатология судеб всего человечества и частных судеб героев неминуемо должна обернуться новым началом. Мифопоэтический космос, просвечивающий сквозь хаос растерзанного войной мира, несет в себе потенции к возрождению, а следовательно, к принципиальной неистребимости жизни.

Восстановлен ли космический бытийный порядок в конце романа, когда все герои возвращаются в родные страны, а английский пациент обретает вечный покой, остается тем не менее неясным. Книги судеб не могут быть дописаны в силу принципиальной невозможности завершить бытийный проект. Это типично постмодернистское мироощущение, присущее автору, более не владеющему монополией на знание конечной истины.

Список источников

1. Kharbe, A. (2016). Postmodern traits in Michael Ondaatje's «The English Patient». *Epitome Journals*, 9(2), 110–122.
2. Ali, S., Arif, M. Sh., Ahmad, S., & Bezar, M. (2013). Textuality and subjectivity: post-modernist view of the novel «The English Patient». *International Journal of Linguistics*, 1(5), 105–114.
3. Friedman, R. D. (2008). Deserts and gardens: Herodotus and «The English Patient». *A Journal of Humanities and the Classics*, 3(15), 47–84.
4. Авраменко, И. А. (2016). Поэтика проницаемых границ: «Английский пациент» М. Ондатже как роман-воспоминание. *Мировая литература в контексте культуры*, 5(11), 108–118.
5. Филюшкина, С. Н. (2012). Повествовательные стратегии и проблема авторской позиции в романе Майкла Ондатже «Английский пациент». *Память и нарратив* (с. 68–75). С. Н. Филюшкина, Д. А. Чугунов (Ред.). Наука-Юнипресс.
6. Джумайло, О. А. (2022). Современный роман и уязвимость постколониального субъекта. *Новое прошлое*, 3, 154–161.
7. Сидорова, О. Г. (2005). *Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании*. Издательство Уральского университета.
8. Ashfaq, S., Aurangzeb, & Naeem, A. (2022). Home Boy: A Case of Identity Crises and Transformation. *Pakistan Languages and Humanities Review*, 6(3), 200–208.
9. Dizayi, A. H., & Tahir, A. S. (2024). Postcolonial Identity Crisis in Selected Contemporary Novels. *Journal of Language Studies*, VI(4), 70–79.
10. Деррида, Ж. (2000). *Письмо и различие*. А. Гараджа, В. Лапицкий, С. Фокин (Пер.). Академический Проект.
11. Кристева, Ю. (2013). *Семиотика. Исследования по семанализу*. Э. А. Орлова (Пер.). Академический Проект.
12. Барт, Р. (1989). *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. (Пер. с фр.). Г. К. Косиков (Ред.). Прогресс.
13. Лиотар, Ж.-Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. Н. А. Шматко (Пер.). Институт экспериментальной социологии; Алетейя.
14. Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. Routledge.
15. Pratt, M. L. (2008). *Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation*. Routledge.
16. Spivak, G. (2012). *In Other Worlds: Essays in Cultural Politics*. Routledge.
17. Ондатже, М. (2020). *Английский пациент*. Н. Г. Кротовская (Пер.). Эксмо.
18. Hilger, S. M. (2004). Ondaatje's «The English Patient» and Rewriting History. *Comparative Literature and Culture*, 3(6), 38–48.
19. Burcar, L. (2007). Re-Mapping Nation, Body and Gender in Michael Ondaatje's «The English Patient». *The flesh made text made flesh: cultural and theoretical returns to the body* (pp. 99–110). Z. Detsi-Diamanti, K. Kitsi-Mitakou, E. Yiannopoulou (Eds.). P. Lang.
20. Greedharry, M. (2024). A thousand tiny theories: The colonized subject, postcolonial literature, and decolonial epistemologies. *Psychoanal Cult Soc*. <https://link.springer.com/article/10.1057/s41282-024-00470-4#article-info>
21. Пономарев, Е. (2020). Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России. *Новое литературное обозрение*, 1(161), 355–377.

22. Манн, Т. (1961). *Культура и политика*. Е. Эткинд (Пер.). Собрание сочинений: в 10 т. Н. Н. Вильмонт, Б. Л. Сучков (Ред.). Т. 10: Статьи 1929–1955 (с. 288–296). Гослитиздат.
23. Ksiezopolska, I. (2011). Recycling the Self: Cultural Amnesia in Michael Ondaatje's «The English Patient». *A Culture of Recycling: Recycling Culture? Repetitiveness, Recurrence, Cyclicity*. Peter Lang Publishing. https://www.academia.edu/3745330/Recycling_the_self_cultural_amnesia_in_Michael_Ondaatje_s_The_English_Patient
24. Книга пророка Исайи. (1987). *Толковая Библия, или Комментарии на все книги Святого Писания Ветхого и Нового Завета*: в 3 т. А. П. Лопухин (Ред.). Т. 3. Институт перевода Библии в Стокгольме.

References

1. Kharbe, A. (2016). Postmodern traits in Michael Ondaatje's «The English Patient». *Epitome Journals*, 9(2), 110–122.
2. Ali, S., Arif, M. Sh., Ahmad, S., & Bezar, M. (2013). Textuality and subjectivity: post-modernist view of the novel «The English Patient». *International Journal of Linguistics*, 1(5), 105–114.
3. Friedman, R. D. (2008). Deserts and gardens: Herodotus and «The English Patient». *A Journal of Humanities and the Classics*, 3(15), 47–84.
4. Avramenko, I. A. (2016). The poetics of permeable borders: M. Ondaatje's «The English Patient» as a memory novel. *World Literature in the Context of Culture*, 5(11), 108–118. (In Russ.).
5. Filyushkina, S. N. (2012). Narrative strategies and the problem of the author's position in M. Ondaatje's «The English Patient». *Memory and narrative* (pp. 68–75). S. N. Filyushkina, D. A. Chugunov (Eds.). Nauka-Unipress. (In Russ.).
6. Dzhumajlo, O. A. (2022). The modern novel and the vulnerability of the postcolonial subject. *Novoe proshloe*, 3, 154–161. (In Russ.).
7. Sidorova, O. G. (2005). *The British postcolonial novel of the last third of the 20th century in the context of British literature*. Izdatel' stvo Ural' skogo universiteta. (In Russ.).
8. Ashfaq, S., Aurangzeb, Naeem, A. (2022). Home boy: a case of identity crises and transformation. *Pakistan Languages and Humanities Review*, 6(3), 200–208.
9. Dizayi, A. H., & Tahir, A. S. (2024). Postcolonial identity crisis in selected contemporary novels. *Journal of Language Studies*, VI(4), 70–79.
10. Derrida, J. (2000). *Writing and difference*. A. Garadzha, V. Lapitsky, S. Fokin (Trans.). Akademicheskij Proekt. (In Russ.).
11. Kristeva, J. (2013). *Desire in Language: a semiotic approach to literature and art*. E. A. Orlova (Trans.). Akademicheskij Proekt. (In Russ.).
12. Barthes, R. (1989). *Selected works: Semiotics. Poetics* (Trans.). G. K. Kosikov (Ed.). Progress. (In Russ.).
13. Lyotard, J-F. (1998). *The postmodern condition*. H. A. Shmatko (Trans.). Institut eksperimental'noj sociologii; Aletejya. (In Russ.).
14. Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. Routledge.
15. Pratt, M. L. (2008). *Imperial eyes. Travel writing and transculturation*. Routledge.
16. Spivak, G. (2012). *In other worlds: Essays in cultural politics*. Routledge.
17. Ondaatje, M. (2020). *The English Patient*. N. G. Krotovskaya (Trans.). Eksmo. (In Russ.).

18. Hilger, S. M. (2004). Ondaatje's «The English Patient» and rewriting history. *Comparative Literature and Culture*, 3(6), 38–48.
19. Burcar, L. (2007). Re-Mapping nation, body and gender in Michael Ondaatje's «The English Patient». *The flesh made text made flesh: cultural and theoretical returns to the body* (pp. 99–110). Z. Detsi-Diamanti, K. Kitsi-Mitakou, E. Yiannopoulou (Eds.). P. Lang.
20. Greedharry, M. (2024). A thousand tiny theories: The colonized subject, postcolonial literature, and decolonial epistemologies. *Psychoanal Cult Soc*. <https://link.springer.com/article/10.1057/s41282-024-00470-4#article-info>
21. Ponomarev, E. (2020). Postcolonial theory and literature of travel. A view from Russia. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1(161), 355–377. (In Russ.).
22. Mann, Th. (1961). *Culture and politics*. E. Etkind (Trans.). Collected works: in 10 vols. N. N. Wilmont, B. L. Suchkov (Eds.). Vol. 10: Articles 1929–1955 (pp. 288–296). Goslitizdat. (In Russ.).
23. Ksiezopolska, I. (2011). Recycling the self: cultural amnesia in Michael Ondaatje's «The English Patient». *A culture of recycling: recycling culture? Repetitiveness, recurrence, cyclicity*. Peter Lang Publishing. https://www.academia.edu/3745330/Recycling_the_self_cultural_amnesia_in_Michael_Ondaatje_s_The_English_Patient
24. The Book of the Prophet Isaiah. (1987). *The Explanatory Bible, or Commentaries on all books of Holy Scripture of the Old and New Testaments*: in 3 vols. A. P. Lopukhin (Ed.). Vol. 3. The Institute for Bible Translation in Stockholm. (In Russ.).

Информация об авторе

Анна Эдуардовна Воротникова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей Воронежского государственного педагогического университета.

Information about the author

Anna E. Vorotnikova — D. Sc. (Philology), Docent, Professor at the Department of French Language and Foreign Languages for Non-Linguistic Specialities, Voronezh State Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1Горький М.08

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-49-61

ЗООМОРФИЗМ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПОЗНАНИЯ ДУШИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО

Егорова Юлия МихайловнаИнститут мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Москва, Россия,fram1976@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6037-0466>

Аннотация. Творчество А. М. Горького всегда вызывало интерес не только у специалистов-горьковедов, филологов, но и у широкого круга читателей. В попытке создать собственный стиль он пробовал писать в разных жанрах, манере, прибегал к различным выразительным средствам языка, смешивал литературные направления, что стало отличительной чертой его художественного наследия. В статье рассмотрен прием зооморфизма, которым на протяжении всего творческого пути Горький широко пользовался в целях познания души своих персонажей. Для исследования были отобраны произведения, написанные им в разные годы: рассказ «Макар Чудра», повести «Фома Гордеев» и «Мать», трилогия «Детство», «В людях», «Мои университеты». На основе комплексного анализа вышеперечисленных текстов, описательного и сопоставительного методов удалось не только глубже изучить характер того или иного персонажа и понять его душевную организацию, но и выявить примеры ситуативного применения зооморфных образных сравнений. В некоторых случаях наблюдалось наложение зооморфных метафор: герою с устойчивой зооморфной характеристикой Горький давал ситуативное сравнение с иными представителями животного мира в зависимости от поведенческой реакции на то или иное обстоятельство. В результате проведенного исследования был сделан следующий вывод: в одних случаях писатель прибегал к однократному ситуативному использованию зооморфизмов как к литературному приему, в других — как к способу раскрытия и познания души персонажей. Все вкуче позволило более глубоко и детально изучить авторский замысел в отношении героев его произведений и раскрыть многогранность Горького как художника, философа и человека.

Ключевые слова: Горький, творчество, зооморфные образы, метаформа, зооморфизм.

Для цитирования: Егорова, Ю. М. (2025). Зооморфизм как один из способов познания души в творчестве М. Горького. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 49–61. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-49-61>

Original article

UDC 821.161.1Горький М.08

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-49-61

ZOOMORPHISM AS ONE OF THE WAYS TO KNOW THE SOUL IN THE WORK OF M. GORKY

Yuliya M. Egorova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,

fram1976@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6037-0466>

Abstract. The works of A. M. Gorky have always been of interest not only to specialists in Gorky studies, philologists, but also to a wide range of readers. In an attempt to create his own style, he tried to write in different genres, manners, resorted to various expressive means of language, mixed literary trends, which became a distinctive feature of his artistic heritage. The article examines the technique of zoomorphism, which Gorky widely used throughout his creative path in order to understand the souls of his characters. For the study, works written by him in different years were selected: the story «Makar Chudra», the stories «Foma Gordeyev» and «Mother», the trilogy «Childhood», «In People», «My Universities». Based on a comprehensive analysis of the above texts, descriptive and comparative methods, it was possible not only to study the character of a particular character in more depth and understand his mental organization, but also to identify examples of the situational use of zoomorphic figurative comparisons. In some cases, an overlap of zoomorphic metaphors was observed: Gorky gave a situational comparison to a hero with a stable zoomorphic characteristic with other representatives of the animal world, depending on the behavioral reaction to a particular circumstance. As a result of the study, the following conclusion was made: in some cases, the writer resorted to a one-time situational use of zoomorphisms as a literary device, in others — as a way of revealing and understanding the souls of the characters. All together, it allowed a more profound and detailed study of the author's intent in relation to the heroes of his works and to reveal the versatility of Gorky as an artist, philosopher and person.

Keywords: Gorky, creativity, zoomorphic images, metaphor, zoomorphism.

For citation: Egorova, Yu. M. (2025). Zoomorphism as one of the ways to know the soul in the work of M. Gorky. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 49–61. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-49-61>

Введение

Как показывает время, творческое наследие М. Горького поистине неиссякаемый источник для исследовательской работы. Внимание специалистов-горьковедов привлекают и первые пробы пера, когда начинающий писатель с успехом осваивал малые литературные формы,

и произведения непростого для истории России переломного периода рубежа XIX–XX веков, и более поздние, масштабные по замыслу и воплощению труды. В исследовательском плане он был и остается востребованным автором, который не боялся экспериментировать с различными литературными формами, жанрами и приемами, всегда находился в поиске собственного стиля, нового героя, новой правды и новой эстетики. Смелые новаторские находки в сочетании с приверженностью к лучшим образцам классической русской литературы были его отличительной чертой. Многогранность и полифоничность произведений М. Горького позволяют новым поколениям исследователей находить ранее не освещавшиеся темы, вскрывать новые проблемы и аспекты его литературного наследия, что лишней раз доказывает глубину и разносторонность Горького как художника, философа и человека.

Методология исследования

В работе рассмотрен прием зооморфизма, который Горький применял как художественное средство в целях познания души своих персонажей при написании их литературных портретов. На основе комплексного анализа отобранных для статьи текстов, описательного и сопоставительного методов удалось выявить не только персонажей, в описании которых использовались зооморфные сравнения, но и глубже изучить характер этих героев, понять их душевную организацию. Анималистический код часто использовался Горьким для передачи эмоционального состояния персонажей, черт их характера, а также физических особенностей и характеристик. При сопоставлении случаев применения упомянутого приема во всех трех частях трилогии были обнаружены примеры ситуативного использования зооморфных сравнений.

Результаты исследования

Анализ выявленных в корпусе текстов зооморфизмов позволил на более глубоком психологическом уровне изучить характеры горьковских персонажей, их душевную организацию, а также рассмотреть примеры ситуативного применения зооморфных сравнений, что дало возможность получить развернутое представление об авторском воплощении каждого из героев.

Настоящая работа ставит целью раскрыть прием зооморфизма как средство познания души в творчестве М. Горького. Нередко писатель использовал его вкуче с прямыми или косвенными характеристиками, а также характеристиками, данными героям другими персонажами произведения. Однако не во всех случаях этого было достаточно для того, чтобы лучше понять душевную организацию персонажа, уловить его психологические особенности, поведенческие привычки и многие другие аспекты.

Тема художественного своеобразия творчества Горького разрабатывалась в горьковедении советского периода довольно давно. Существенный вклад в ее изучение внесли такие ученые, как В. В. Ермилов (Ермилов, 1936), Н. П. Белкина (Белкина, 1940), Б. А. Бялик (Бялик, 1959, с. 21–275), С. Г. Бочаров (Бочаров, 1960, с. 89–210), С. А. Касторский (Касторский, 1963), Л. А. Спиридонова (Спиридонова, 2022, с. 303–324) и др. Это было время, когда на Горького, его жизнь и художественное наследие было принято смотреть с точки зрения советской идеологии. Иные аспекты биографии и мастерства писателя не освещались. О мифопэтике в его творчестве заговорили лишь в постсоветское время. В контексте данной темы стоит отметить работы Л. А. Спиридоновой (Спиридонова, 2023, с. 10–46), В. А. Ханова «Мифопэтическая основа рассказа М. Горького “Мальва”» (Ханов, 2009, с. 793–795), Н. Н. Иванова «Мифопэтика в художественном сознании М. Горького» (Иванов, 2018, с. 40–47), С. И. Кормилова «Мифопэтика в “Старухе Изергиль”» (Кормилов, 2018, с. 394–415) и многие другие. Однако прием зооморфизма упоминается лишь в статье В. А. Ханова, где автор делает отсылку к зооморфному коду в изображении главной героини. Как показывает обзор литературы, к настоящему времени обозначенная тема недостаточно изучена и проработана, а потому вызывает живой исследовательский интерес.

Начать разговор о зооморфизме стоит с раскрытия самого понятия. Пользовавшийся большим научным авторитетом в советские годы «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова трактует этот термин как «религиозное мировоззрение, представляющее божество в образах животных» (Ушаков, 1935–1940). В «Современном словаре иностранных слов» под редакцией Е. А. Гришиной под зооморфизмом понимается «представление богов в образе животных, предшествовавшее, а иногда и сопутствовавшее антропоморфизму» (Гришина, 1994, с. 221). Наиболее полно, на наш взгляд, этот термин раскрывает «Атеистический словарь» под редакцией М. П. Новикова: «Зооморфизм — наделение чертами животных образов реальных или воображаемых объектов. В истории религии З. предшествует, как правило, антропоморфизму. Зооморфными чертами наделялись образы духов, а затем богов» (Новиков, 1986, с. 78). Говоря о зооморфизме как образном приеме художественной литературы, отметим, что это вид метафоры, «который обладает <...> свойством перенесения отрицательного или положительного качества животного <...> на людей, животных, а также предметы окружающей действительности» (Огдонова, 2000, с. 46). В природном мире человек рядом с дикими зверями мог соперничать с ними «только за счет <...> интеллектуального преимущества» (Галимова, 2004, с. 36). Передача опыта сосуществования с миром животных следующим поколениям требовала накопления определенных слов и выражений, поэтому «лексические единицы, олицетворяющие представителей фауны, относятся к числу самых древних и распространенных» (Галимова, 2004, с. 36).

Литературный прием *зооморфизм* используется для выражения «эмоциональн<ой> оценк<и> состояния, действий человека, его внешнего облика

и манеры поведения» (Сафаралиева, 2013, с. 123) и не только. Как отмечает О. Н. Кондратьева, занимавшаяся изучением концепта «душа», зооморфные образы использовались различными авторами с древних времен «для репрезентации внутреннего мира человека, в частности его <...> души» (Кондратьева, 2011, с. 186), которая сравнивалась с определенными характеристиками и качествами того или иного животного.

Горький на всех этапах своего творчества довольно широко использовал зооморфные коды. Их можно встретить уже в ранних его произведениях, одним из которых является дебютный рассказ «Макар Чудра», опубликованный в газете «Кавказ» (Тифлис. 1892. № 242. 12 сент.). Темной осенней ночью, окутавшей выжженную летним зноем степь, в свете костра старый цыган поведал автору о трагической любви красавицы Радды, дочери старого солдата Данилы, и молодого цыгана Лойко Зобара. Преградой между взаимно вспыхнувшими чувствами стали свободолюбие обоих персонажей и гордость, скорее напоминавшая гордыню, — качество, несовместимое с жертвенным характером любви. Если бы не они, отношения Радды и Зобара могли сложиться вполне гармонично. Портретные и психологические описания этой пары, данные старым цыганом, рисуют харизматичных, схожих по силе душевных переживаний, психологическому типу и внешним данным партнеров. Описывая достоинства каждого из них, Макар Чудра не скупился на эпитеты и образные сравнения: «О ней, этой Радде, словами и не скажешь ничего. Может быть, ее красоту можно бы на скрипке сыграть...» (Горький, 1968, с. 16).

Грациозная, гордая, бесстрашная, уверенная в своей красоте и превосходстве Радда была столь же свободолюбива, как и ее избранник цыган Лойко Зобар, оставшийся в воспоминаниях Макара Чудры лихим наездником с непокорными черными кудрями, «точно его ковали из одного куска железа вместе с конем» (Горький, 1968, с. 17). Две страсти были в жизни Лойко Зобара: игра на скрипке и кони. Не было такого коня, которого не смог бы украсть молодой цыган. Правда, радость от обладания трофеем была недолгой: сполна насладившись добычей, новый хозяин продавал ее и начинал присматривать новую. Страстная любовь Лойко к этим грациозным, красивым животным объясняется сходством их натур — непокорностью, мощью, стремительностью и свободолюбием. Это отмечали все, кто знал его. После сватовства Зобара к Радде, свидетелями которого стал весь табор, Макар Чудра вслух выразил общее мнение: «Смотрим мы, протянул он ей руку, — вот, думаем, и надела узду на степного коня Радда!» (Горький, 1968, с. 21). Сравнение Лойко Зобара с конем является, на наш взгляд, вполне понятным и оправданным, но вот сравнение Радды с этим животным может показаться некорректным. В эпизоде, когда Лойко Зобар поутру вернулся на место стоянки табора с повязкой на голове, цыгане задали ему вопрос: «Что это?» Лойко ответил: «...конь зашиб его копытом сонного» (Горький, 1968, с. 18). Однако никто не поверил, поскольку все понимали, о каком «коне» идет речь. Обратим внимание: причиной травмы Зобар назвал не удар

лошади, а именно коня, — так воспринимает молодой человек свою избранницу. Возможно, завоевание ее сердца такая же азартная охота для Зобара, как поиски и кража очередного коня. Предположение подтверждается высказыванием Лойко, дерзко брошенным Радде прилюдно: «Беру тебя в жены <...> Но смотри, воле моей не перечь — я свободный человек и буду жить так, как я хочу!» (Горький, 1968, с. 21). Желание связать Радду узами брака, подчинить, как коня, сохранив за собой свободу, находит подтверждение в его фразе: «Горячему коню — стальные удила!» (Горький, 1968, с. 21).

Сравнение героини с конем далеко не случайно, поскольку образ лошади/коня весьма многогранен. С одной стороны, это красивое и свободное животное. С другой стороны, на протяжении веков оно использовалось людьми как тягловая сила. Иными словами, конь ассоциируется с грациозностью, силой, свободой и независимостью, в то время как лошадь воспринимается лишь в качестве рабочего животного, разбитого тяжелым непосильным трудом. Проекция данного толкования на героиню рассказа вызывает по меньшей мере чувство недоумения. Сложно представить, чтобы Лойко обратил внимание на девушку, которая подходила бы под это описание, поэтому Горький, желая сделать акцент на внешнем и внутреннем сходстве героев, обоих сравнил с конем. Темперамент и неукротимость характеров Радды и Зобара доказывает и фраза: «...коли два камня друг на друга катятся, становиться между ними нельзя — изувечат» (Горький, 1968, с. 20).

Рассказ «Макар Чудра» был не единственным в раннем творчестве Горького, где применялся прием зооморфизма. Его можно найти в таких произведениях, как: «О Чиже, который лгал, и о Дятле — любителе истины» (1893), «Дед Архип и Ленька» (1893), «Старуха Изергиль» (1894) и др. Встречается он и в творчестве писателя рубежа веков. Очередным примером использования зооморфизма стал образ Игната Гордеева — отца Фомы Гордеева в одноименной повести (1899). Писатель наделил купца тремя душами, одна из которых, по обыкновению весной, особенно ярко проявляла звериную сущность. В этот период Игната охватывала необъяснимая ярость и бешенство: «с безумными глазами, огромный и ревущий хриплым голосом, он носился по городу из одного вертепа в другой» (Горький, 1969, с. 185). В нем просыпалась «буйная и похотливая душа раздраженного голодом зверя» (Горький, 1969, с. 185). Сполна утолив греховную страсть, он являлся домой «смирный и тупой, как овца...» (Горький, 1969, с. 185). Интересно, что в случае с Игнатом Гордеевым Горький прибегает к сравнению персонажа сразу с двумя видами животных, причем диаметрально противоположных друг другу по сути. Одно из них не называется, а лишь угадывается — медведь. Проснувшись после зимней спячки, голодный и злой, он бродит по лесу в поисках пропитания. Именно весной медведи представляют для всех наибольшую опасность, и лишь утолив голод и продлив род, успокаиваются, становясь смирными, подобно овцам. Такие метаморфозы претерпевает душа Игната Гордеева каждую весну. Сравнение его сначала с медведем,

а потом с овцой использовалось Горьким для описания эмоционального и физического состояния этого персонажа в обозначенный период года.

Еще одним произведением, где присутствует прием зооморфизма, стала повесть «Мать» (1906). Слесарь Михаил Власов — отец Павла — в тексте первой редакции, считающейся утерянной в Америке (Егорова, 2024, с. 229–249), сравнивается с волком: «...Михаил Власов [по прозвищу Волк], человек угрюмый, [чернобородый] [неуклюжий] [и весь] с маленькими [подозрительно] глазами, которые смотрели на все из-под густых бровей подозрительно, с недоверчивой и острой усмешкой, <...> Лицо его [обросшее густой], заросшее от глаз до шеи черной бородой, и волосатые толстые руки, покрытые шерстью, внушали всем страх <...> и сквозь густые волосы на его лице страшно сверкали звериные, крупные зубы» (Горький, 1975, с. 13). В последующих редакциях данное сравнение исчезнет, однако благодаря сохранившимся вариантам появляется возможность реконструировать изначальный замысел автора и полностью воссоздать внешний вид, образ и черты характера этого персонажа. Становится понятно, почему автор выводит Михаила Власова из сюжета повести уже в конце второй главы. Сравнение с волком демонстрировало дикость, злобность и необузданность нрава Власова-старшего, его темную, погрязшую в ненависти и пороках душу, не способную на созидание, на принятие новой правды и веры, поиском которых занят его сын. Он полный антагонист Павла, посвятившего себя служению человечеству.

Известная трилогия Горького стала еще одним значительным произведением, где автор прибегнул к обозначенному литературному приему. Прежде чем продолжить разговор о зооморфизме, позволим себе напомнить историю создания произведения, поскольку писалось оно на протяжении десяти лет (с 1913 по 1923 год), и потому первые две части имеют некоторые стилистические, композиционные и художественные отличия от последней. Тем не менее Горький считал их единым автобиографическим повествованием, о чем заявил в письме М. Галченкову 1929 года: «В этих книжках изображена моя жизнь» (Горький, 2016, с. 294). Действительно, критерии правдивости и жизненности в отборе материала и самом творческом процессе имели для писателя исключительно важное значение.

Попытка создания автобиографического повествования впервые была предпринята писателем в самом начале творческого пути. Приступая к работе над повестью «Детство», Горький просил И. П. Ладыжникова разыскать тетрадку «давних лет», в которой был набросок, датированный апрелем 1893 года, и где, по словам писателя, «изложение фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца» (Горький, 1968, с. 451–467). Его можно считать первым наброском к автобиографической повести «Детство». В том же году был написан еще один эскиз — «Биограф<ия>», который имел прямое отношение ко второй части трилогии — повести «В людях».

К работе над второй книгой трилогии «В людях» (1914) Горький приступил по возвращении из Италии в Россию. Как отмечали составители комментария

к обоим произведениям И. А. Бочарова и Т. Б. Дмитриева, «возникновение замысла повести “В людях” невозможно отделить от замысла автобиографии в целом» (Горький, 1972, с. 604).

Работа над третьей частью трилогии — повестью «Мои университеты» — началась в феврале 1922 года. Об этом стало известно из переписки Горького с П. П. Крючковым: «...пишу третий том автобиографии» (Горький, 2012, с. 33) и с М. Ф. Андреевой, которой он сообщил, что занят «работой над 3-м томом» (Горький, 2012, с. 34). Большая часть повести была написана в период с мая по сентябрь 1922 года в Герингсдорфе на Балтийском побережье, куда Горький приехал поправить здоровье.

Из краткого экскурса в историю создания трилогии становится ясно, что Горький планировал написать большое автобиографическое произведение еще в начале творческого пути. Целый ряд очерков, рассказов, эскизов оказались своего рода подступом к этому масштабному труду. Некоторые из них не были задействованы в трилогии и стали самостоятельными произведениями. А те, что нашли свое место в повествовании, претерпели ряд изменений, их трактовка и стилистическая разработка в ранних набросках была совершенно иной, нежели в окончательном варианте. Несмотря на то что трилогия была создана на реальных фактах из жизни автора, она представляет собой художественно-автобиографическое произведение, в котором есть место вымыслу и образной обработке событий.

Возвращаясь к разговору об использовании зооморфизмов, отметим, что Горький прибегал к этому приему во всех трех частях произведения. В повести «Детство» писатель задействовал его применительно к членам своей семьи. Практически каждого из них автор сопоставил с тем или иным представителем животного мира. В самом начале повествования мать — Варвару Каширину — он сравнил с лошадью: «...она чистая, гладкая и большая, как лошадь; у нее жесткое тело и страшно сильные руки» (Горький, 1972, с. 10). Вспоминая описание этого домашнего животного, данное в книге В. В. Красных «Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология», в этот раз обратим внимание на характеристику лошади, которая: «...воспринимается как рабочая сила (аналогично волу)» (Красных, 2002, с. 251). И действительно, Горький изображает мать в автобиографии статной, грациозной, своенравной и свободолюбивой женщиной, привыкшей к тяжелому труду. Стоит отметить, что сравнение матери с лошадью построено не на внешнем сходстве, а, скорее, на эмоциональном, передающем особенности ее характера. Интересная ситуация сложилась с образом бабушки — Акулины Ивановны. Она сравнивается автором с двумя совершенно разными представителями фауны. В первом случае писатель сопоставил ее с кошкой: «Она <...> двигалась легко и ловко, точно большая кошка, — она и мягкая такая же, как этот ласковый зверь» (Горький, 1972, с. 15). Долгими вечерами маленькому Алеше было уютно сидеть рядом с ней, прижавшись к ее полному телу, и слушать сказки из жизни Богородицы,

которые бабушка рассказывала приятным грудным голосом, напоминавшим урчание кошки. Дж. Трессидер, автор «Словаря символов», обращает внимание на такие качества кошек, как «хитроумие, способность перевоплощаться, яснovidение, сообразительность, внимательность, чувственная красота, магическая сила» (Трессидер). Исследователь также отмечает, что в иконографии кот (кошка) был представлен помощником солнца, отрывающим голову загробной змее. Данное сравнение основывается на двух критериях: внешнего сходства в определенных моменты и особенностях характера персонажа.

Однако в дальнейшем повествовании Горький стал отождествлять бабушку с медведицей: «...огромная и лохматая, она была похожа на медведицу» (Горький, 1972, с. 35). И ниже: «...медведицей двигалась бабушка, почему-то всегда неуклюжая в этот час» (Горький, 1972, с. 44). В этом случае очевидно сходство по физическим и внешним характеристикам, а также по чертам характера. «Словарь символов» предлагает следующее толкование медведю и медведице: «Жестокая, примитивная сила; <...> Медведь (особенно самка) также встречается как символ материнской силы, заботы, теплоты» (Трессидер). На первый взгляд, не совсем понятно, насколько корректно сравнение одного и того же персонажа с такими разными представителями животного мира, однако при более глубоком изучении образа бабушки проявляются такие ее качества, как умение перевоплощения, которое наиболее ярко проявлялось в минуты молитв или приподнятого праздничного настроения, необычайная грациозность в танце, повышенное внимание к человеческим страданиям. Бесспорна ее материнская любовь и сила, забота и теплота при том не только по отношению к своим домочадцам, но и ко всем людям в целом.

Следующим персонажем, удостоившимся зооморфного сравнения, стал дед Каширин. В сознании Горького он ассоциировался с петухом. На протяжении повествования писатель неоднократно сопоставлял его с этой домашней птицей: «Впереди всех быстро шел небольшой сухонький старичок, <...> с птичьим носом и зелеными глазками» (Горький, 1972, с. 18); «...а дед, стуча ложкой по столу, покраснел весь и звонко — петухом — закричал...» (Горький, 1972, с. 21); «...дед начал шаркать ногой по полу, как петух перед боем» (Горький, 1972, с. 22). Как и в случае с бабушкой, сравнение деда с петухом построено на внешних и физических характеристиках, а также на особенностях черт его характера. В «Словаре символов» Трессидера петух олицетворяет «бдительность, храбрость, мужество, предвидение, надежность», а также мыслится как «символ солнца и духовного возрождения». В том же словаре зафиксированы такие качества петуха, как «гордыня, высокомерие, похоть» (Трессидер). Дед Каширин, каким его рисует Горький, вызывает двоякие чувства: с одной стороны, он достоин уважения за целеустремленность, настойчивость в достижении цели, за невероятные усилия, позволившие ему выбиться в люди и выйти из бурлаков в мастеровые, с другой — он обладал мелочным, склочным характером,

был чрезмерно скуп и алчен. Именно его бабушка Акулина считала виновником тяжелой, гнетущей обстановки в доме, что в итоге привело к краху мастерской и полному банкротству Кашириных.

К приему зооморфизма Горький прибегнул и в раскрытии образа дяди Якова, которого он сравнил с гусем: «...сгибался над гитарой, вытягивал шею, точно гусь» (Горький, 1972, с. 37); Цыганка он сравнил с коршуном: «...реял коршуном, размахнув руки, точно крылья» (Горький, 1972, с. 39).

Во второй книге трилогии — повести «В людях» — писатель также использовал прием зооморфного сравнения. Он наделил повадками кота хозяина магазина «модной обуви»: «...положив руки на конторку, точно кот лапы, он испуганно упирается пустыми глазами в лицо мне и шипит» (Горький, 1972, с. 213); а мать Людмилы — повадками кошки: «...сидит на лавке, скорчившись, выгнув спину, точно кошка» (Горький, 1972, с. 242); лодочника Ферманова Горький сравнил с хряком: «...смотрит на солнце крошечными щелками заплывших глаз и хрюкает, точно кабан» (Горький, 1972, с. 248). Все обитатели нового жилища Кашириных, куда семья переехала после банкротства деда, напоминают птиц или животных: кухарка, «остроносая, густо обрызганная веснушками, похожа на кукушку, сам домохозяин — на старого, ожиревшего голубя» (Горький, 1972, с. 248).

Интересно, что в этой части трилогии Горький сохранил за бабушкой лишь сравнение с медведицей, упоминания о ее сходстве с кошкой пропали: «Она <...> ходит медведицей, все видит, все хвалит и благодарит» (Горький, 1972, с. 255).

В третьей части трилогии характер применения зооморфизмов меняется. Горький стал использовать этот прием ситуативно, в качестве образного сравнения, а не как художественное средство, позволяющее раскрыть суть человека, его жизни и души, как было в первых двух частях. Чахоточный математик, сосед Алексея Пешкова по трущобам в «Марусовке», забирая подложенные ему под дверь продукты, «всхрапывал, как лошадь» (Горький, 1973, с. 17); за большой рот и лошадиные зубы другой житель ночлежки — безымянный человек, третий год судившийся с родней за наследство, — получил прозвище Рыжий Конь; портовые грузчики, перегружавшие севшую на мель баржу, напоминали Горькому медведей; артельный староста — коршуна. Вообще, разнообразие обитателей «Марусовки» напоминало писателю зоопарк, с живущими в нем представителями фауны всех видов и мастей. Каждый раз обходя трущобы, похожий на лису старший городской Никифорищ глядел «в окна квартир взглядом смотрящего зоологического сада в клетки зверей» (Горький, 1973, с. 23). Пожалуй, одним из немногих исключений стало описание матери Евреинова, в глазах которой «застыло безнадежное, кроткое упрямство лошади, изработавшей все силы свои» (Горький, 1973, с. 10). Так одной фразой писатель охарактеризовал всю ее жизнь и состояние души.

Заключение

Горький в своем творчестве довольно часто прибегал к приему зооморфизма. С его помощью писатель указывал на внешнее сходство, раскрывал черты характера и душевную организацию того или иного персонажа, объяснял происхождение свойственных ему привычек, поведенческих особенностей. Этот прием можно встретить практически в каждом произведении Горького, начиная с ранних, таких как «Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «Убежал», а позже — в повестях «Фома Гордеев», «Мать», «Исповедь», трилогии и др. В одних случаях зооморфизмы применялись автором ситуативно, в качестве однократного образного сравнения, основанного на каком-то одном критерии, а в других — как устойчивая характеристика, сочетавшая в себе сразу несколько критериев и позволявшая Горькому раскрыть образ жизни и душевную организацию своих героев.

Список источников

1. *Атеистический словарь* (под ред. М. П. Новикова). (1986). Политиздат.
2. Белкина, Н. П. (1940). *В творческой лаборатории М. Горького*. Советский писатель.
3. Бочаров, С. Г. (1960). Социалистический реализм и классическое наследие. Проблема характера. Н. К. Гей, Е. Я. Эйсберг (Ред.). *Психологическое раскрытие характера в русской классической литературе и творчестве Горького* (с. 89–210). Гослитиздат.
4. Бялик, Б. А. (1959). Мастерство русских классиков. *В творческой лаборатории Горького* (с. 217–275). Гослитиздат.
5. Галимова, О. В. (2004). *Этнокультурная специфика зоологической лексики, характеристики человека: на материале русского и немецкого языков* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа].
6. Горький, М. (1975). *Полное собрание сочинений. Варианты*: в 10 т. Е. И. Прохоров. (Ред.). Т. 3. Наука.
7. Горький, М. (2016). *Полное собрание сочинений. Письма*: в 24 т. Н. Н. Примочкина (Ред.). Т. 18. Наука.
8. Горький, М. (1968–1976). *Полное собрание сочинений. Художественные произведения*: в 25 т. А. И. Метченко (Ред.). Т. 1, 15–16. Наука.
9. Егорова, Ю. М. (2024). Конфликт отца и сына в повести М. Горького «Мать». *Проблемы исторической поэтики*, Т. 22, 1, 229–249. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0728-1>
10. Ермилов, В. В. (1936). *Мечта Горького. Основные идеи творчества*. Советский писатель.
11. Иванов, Н. Н. (2018). Мифопоэтика в художественном сознании М. Горького. *Верхневолжский филологический вестник*, 2, 40–47.
12. Касторский, С. В. (1963). *Горький — художник*. ГИХЛ.
13. Кондратьева, О. Н. (2011). Зооморфные образы как источник осмысления концепта «душа» (диахронический аспект). *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*, 2, 186–191.

14. Кормилов, С. И. (2018). Мифопоэтика в «Старухе Изергиль». *Максим Горький: pro et contra*. Д. К. Богатырев (Ред.). РХГА. (Русский Путь).
15. Красных, В. В. (2002). *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология*. Гнозис.
16. Огдонова, Ц. Ц. (2000). *Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01. Иркутск].
17. Сафаралиева, Г. М.-К. (2013). Зооморфная метафора как способ образной характеристики человека (на материале русского и азербайджанского языков). *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*, 3, 121–128.
18. *Современный словарь иностранных слов*. (1994). Е. А. Гришина (Ред.). Дуэт.
19. Спиридонова, Л. А. (2022). К вопросу о новаторстве Горького. *Максим Горький — мыслитель, художник, человек*. ИМЛИ РАН. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0697-0>
20. Спиридонова, Л. А. (2023). Творчество М. Горького в контексте Серебряного века. *Творчество М. Горького в контексте Серебряного века: проблема жанра* (с. 10–46). ИМЛИ РАН; Литературный институт им. А. М. Горького. <https://doi.org/10.24412/c1-37097-2023-1-10-46>
21. *Толковый словарь Д. Н. Ушакова*. (1935–1940). (2024, 15 мая). <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=19685>
22. Трессидер, Дж. (2001). *Словарь символов*. Гранд. https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/13.htm
23. Ханов, В. А. (2009). Мифопоэтическая основа рассказа М. Горького «Мальва». *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, Т. 11, 4(3), 793–795.

References

1. *Atheistic Dictionary* (edited by M. P. Novikov). (1986). Politizdat. (In Russ.).
2. Belkina, N. P. (1940). *In the creative laboratory of M. Gorky*. Sovetskij pisatel'. (In Russ.).
3. Bocharov, S. G. (1960). Socialist realism and the classical heritage. The problem of character. N. K. Gay, E. Ya. Eisberg. (Eds.). *Psychological disclosure of character in Russian classical literature and the works of Gorky* (pp. 89–210). Goslitizdat. (In Russ.).
4. Bialik, B. A. (1959). The mastery of Russian Classics. *In Gorky's creative laboratory* (pp. 217–275). Goslitizdat. (In Russ.).
5. Galimova, O. V. (2004). *Ethnocultural specificity of zoological vocabulary, human characteristics: based on the Russian and German languages* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.20. Ufa]. (In Russ.).
6. Gorky, M. (1975). *Complete collected works. Variants: in 10 vols*. E. I. Prokhorov. (Ed.). Vol. 3. Nauka. (In Russ.).
7. Gorky, M. (2016). *Complete collected works. Letters: in 24 vols*. N. N. Primochkina. (Ed.). Vol. 18. Nauka. (In Russ.).
8. Gorky, M. (1968–1976). *Complete collected works. Works of art: in 25 vols*. A. I. Metchenko (Ed.). Vol. 1, 15, 16. Nauka. (In Russ.).
9. Egorova, Yu. M. (2024). The conflict between father and son in M. Gorky's story «Mother». *Problems of Historical Poetics, Vol. 22, 1*, 229–249. (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0728-1>
10. Ermilov, V. V. (1936). *Gorky's dream. Basic ideas of creativity*. Sovetskij pisatel'. (In Russ.).

11. Ivanov, N. N. (2018). Mythopoetics in the artistic consciousness of M. Gorky. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2, 40–47. (In Russ.).
12. Kastorsky, S. V. (1963). *Gorky — the artist*. GIHL. (In Russ.).
13. Kondratieva, O. N. (2011). Zoomorphic images as a source of understanding the concept of «soul» (diachronic aspect). *The bulletin of KSPU named after V. P. Astafyev*, 2, 186–191. (In Russ.).
14. Kormilov, S. I. (2018). Mythopoetics in «The Old Woman Izergil». *Maxim Gorky: pro et contra*. D. K. Bogatyrev (Ed.). RHGA. (Russkij Put'). (In Russ.).
15. Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguacultural studies*. Gnosis. (In Russ.).
16. Ogdonova, Ts. Ts. (2000). *Zoomorphic vocabulary as a fragment of the Russian linguistic picture of the world* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Irkutsk]. (In Russ.).
17. Safaraliev, G. M.-K. (2013). Zoomorphic metaphor as a way of figuratively characterizing a person (based on the Russian and Azerbaijani languages). *Moscow state university bulletin. Series 22. Translation theory*, 3, 121–128. (In Russ.).
18. *Modern dictionary of foreign words* (edited by E. A. Grishina). (1994). Duet. (In Russ.).
19. Spiridonova, L. A. (2022). On the issue of Gorky's innovation. *Maxim Gorky — thinker, artist, man*. IMLI RAS. (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0697-0>
20. Spiridonova, L. A. (2023). The works of M. Gorky in the context of the silver age. *The works of M. Gorky in the context of the silver age: the problem of genre* (pp. 10–46). IMLI RAS; A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/cl-37097-2023-1-10-46>
21. *Explanatory dictionary of D. N. Ushakov*. (1935–1940). (2024, May 15). <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=19685> (In Russ.).
22. Tressider, J. *Dictionary of symbols*. (2024, May 15). https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/13.htm (In Russ.).
23. Khanov, V. A. (2009). Mythopoetic basis of M. Gorky's story «Malva». *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, Vol. 11, 4(3), 793–795. (In Russ.).

Информация об авторе

Юлия Михайловна Егорова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Information about the author

Yuliya M. Egorova — PhD (Philology), Senior Research Assistant of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interest.

Русистика. Russian Studies.
Германистика. Germanic Studies.
Романистика Romance Studies

Научная статья

УДК 811.133.1(6)

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-62-75

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В АФРИКЕ ВНЕ КОНТУРОВ ЕГО СТАНДАРТИЗИРОВАННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ

Орехова Елена Яковлевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

orekhovaeya@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7462-4615>

Аннотация. В исследовании рассматривается актуальная проблема эволюции французского языка на Африканском континенте в целях выявления особенностей развития его нематериковых форм. Предложенная методология включает в себя культуроориентированные исследовательские подходы, идеи и концепции ведущих отечественных исследователей, рассматривающих различные социокультурные контексты, касающиеся языка и коммуникации, посредством которых транслируется идентичность, знания и ценности. На основе анализа широкого корпуса работ в области африканского французского языка (ФРА) определены значимые периоды его развития, обоснованы противоречия в научной аналитике его взаимодействия со стандартным французским языком. Выявлены современные тенденции эволюционной динамики ФРА; уделено особое внимание французскому языку Камеруна (camfranglais), страны, которую называют Африкой в миниатюре, из-за концентрации на небольшой территории множества не только природных, но и культурных и языковых ландшафтов. Исследована природа интерференции, гипергенерализации в африканском французском языке, отмечена значимость заимствований и неологических процессов. Рассмотрено явление лингвистической стигматизации, обнаруженное в процессе аналитической проработки массива научной литературы и личного практического опыта автора статьи. Отмечено, что эволюция африканского французского языка в его социокультурной обусловленности стимулирует постепенную утерю стандартным французским языком позиций культурообразующего, культуронесущего и цивилизующего эталона, единственного языка образования на Африканском континенте. В работе

© Орехова Е. Я., 2025

в качестве примеров представлен оригинальный иллюстративный материал из современных литературных и музыкальных произведений популярных африканских авторов, интернет-источников, личного практического преподавательского опыта автора, где использовались разновидности FPA.

Ключевые слова: африканский французский язык (FPA), камерунский франко-английский язык (*camfranglais*), негекзагональность, лингвистическая стигматизация, категоризация, лингвокультурные особенности.

Для цитирования: Орехова, Е. Я. (2025). Французский язык в Африке вне контуров его стандартизированного употребления. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 62–75. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-62-75>

Original article

УДК 811.133.1(6)

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-62-75

AFRICAN FRENCH OUTSIDE ITS STANDARD PATTERNS OF USE

Elena Ya. Orekhova

Moscow City University,
Moscow, Russia,

orekhovaeya@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7462-4615>

Abstract. The research regards the topical issue of the French language transformations detected on the continent of Africa to distinguish the features of its non-mainland formats. The study relies on the culture-oriented research approaches, objectives and concepts that belong to high-profile Russian scholars who regard various social and cultural contexts in terms of language, communication, cultural codes, symbols and other tools used to transmit identity, expertise and values. The synopsis of multiple studies in the sphere of African French (FPA) aided to define the major periods of language development as well as to provide grounds for the discrepancies in academic studies of its correlations with literary French. The author aims at describing the modern trends in African French dynamics with a special emphasis on the French language spoken in Cameroon (*camfranglais*). The country is said to be Africa in miniature due to the variety of natural along with cultural and language layers. The study focuses on interference and hypergeneralization in African French (FPA); it also highlights the relevance of borrowings and neological processes. The author regards linguistic stigmatization while studying the academic sources and relying on personal empirical evidence. The findings reveal that while African French (FPA) develops, it prompts the standard French language to lose its position of cultural reference and the only language of education on the African continent. The article features original illustrations from modern literature and music pieces by popular African authors, from the Internet sources and accumulated by the author while gaining practical experience of teaching French and its African French varieties.

Keywords: African French (FPA), Cameroonian French and English (*camfranglais*), non-hexagonality, linguistic stigmatization, categorization, linguistic and cultural features.

For citation: Orekhova, E. Ya. (2025). African French outside its standard patterns of use. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 62–75. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-62-75>

Je viens de là où le langage est en permanente évolution
Verlan, reubeu, argot, gros processus de création
Chez nous les chercheurs,
Les linguistes viennent prendre des rendez-vous
On n'a pas tout le temps le même dictionnaire
Mais on a plus de mots que vous.

Grand Corps Malade (Fabien Marsaud)¹

Введение

Этой статьей мы продолжаем цикл исследований, посвященных эволюции языка как феномена культуры в широком смысле и в более узком — проблеме появления и развития ФРА (африканского французского языка — *le français populaire africain* (FPA)). Актуальность данной работы связываем с обострением общей политической напряженности в мире. Вместе с ней не ушли в прошлое языковые войны и конфликты как иллюстрация ослабления или укрепления национальных государств. Действительно, поиск языка национальной идентичности, определение его роли в современном мире уже не связаны с привычным нормативным, литературным языком, с прочной семиотической системой. Сбываются предсказания Ж. Делеза о том, что *langue majeure* (мажоритарный язык) перестанет заглушать *langues mineures* (миноритарные языки), что явится иллюстрацией крушения модели сложившихся властных отношений между центром и периферией (Делез, 2004, с. 116).

ФРА, по мнению исследователей, является трудноизучаемым научным феноменом. Его существование очевидно, но «при ближайшем рассмотрении сущность его вдруг ускользает и теряется в дебрях научных аллюзий, связанных с множественностью вариантов, определений, источников и пр.» (Mauger, 2016, p. 4). На самом деле разнообразие французского языка, его негекзагональность (нематериковость, ненормативность), главным образом связанные с географическим пространством, вызывают неизменный интерес лингвистов, лингвокультурологов, лингводидактов и всех тех, кто старается постичь и идентифицировать французский язык вне контуров его стандартизированного употребления, в реальной практике, особенно на африканской земле.

¹ Я родом оттуда, где язык постоянно развивается. // Мы используем верлан, берберский, жаргон. // Считаю это величайшим творческим процессом. // Спешите к нам, лингвисты-исследователи! // Наш словарь богаче вашего! // У нас много чего есть, чтобы с вами поделиться! (Большое Больное Тело (Фабьен Марсо); перевод Е. Я. Ореховой).

Таким образом, актуальность исследования обусловлена:

– геополитическими изменениями, определившими смену стратегических партнеров России в мире, где Африканский континент занимает ведущие позиции;

– лингвокультурным своеобразием развития франкоязычной Африки и, как следствие, заинтересованностью отечественной науки в более глубоком изучении проблем, связанных с языком и коммуникацией, культурными кодами, символическими формами, посредством которых транслируются идентичность, знания и ценности в рассматриваемых географических рамках;

– значимостью научного феномена FPA, исследование которого в различных областях гуманитарного знания (филология, социология, культурология, образование и др.) сопровождается активными научными дискуссиями.

Позиции актуальности обусловили цель нашего исследования, состоящую в выявлении особенностей FPA как результата эволюции нематериковых форм французского языка на Африканском континенте.

В качестве методологической и теоретической основ выбран обширный перечень культууроориентированных подходов (социокультурный, лингвокультурологический, межкультурный), опирающийся на исследования ведущих отечественных ученых, среди которых назовем идеи Л. Г. Викуловой по реализации лингвистического аксиологического анализа (Викулова и др., 2020), концепции аккультурации/декультурации традиционности в контексте трансформации взаимодействующих культурных традиций С. В. Прожогиной (Прожогина, 2019), феноменологические представления межкультурного дискурса Е. Г. Таревой (Тарева, 2024). Исследования ученых-африканистов О. И. Абрамовой (Абрамова, 2022), Д. М. Бондаренко (Бондаренко, 2022), В. И. Громовой (Громова, 2022) и др. оказались востребованными в процессе подготовки статьи, подтвердив возрастающую актуальность для широкой научной общественности проблем российско-африканских отношений в свете национальных интересов нашей страны.

Результаты исследования

Мы согласны с мнением исследователей о том, что французский язык в Африке фактически накладывается на множество субстратов и в зависимости от обстоятельств становится веикуляром (средством межнационального общения) и/или превращается в вернакуляр (приобретает свойства местного просторечия) (*La langue française dans le monde*, 2018). Отметим, что именно эти процессы рассматриваются в качестве причин разнообразия вариантов французского языка, поскольку владение им зависит не только от уровня, которым обладают его носители, но и от того, насколько они более или менее часто им пользуются, а также наличием или отсутствием эндогенных норм, которые могут быть приняты за образец. Кстати, этот факт до сих пор является камнем

преткновения в определении понятия «франкофон» со времен рассмотрения его в отчете Высшего совета франкоязычных стран за 1990 год (Quaghebeur, 2022).

Сегодня эволюция французского языка, особенно в негексагональных его рамках, происходит за счет интерференции и гипергенерализации, которые сопровождают овладение языками (как иностранными, так и родным). Благодаря заимствованиям и неологическим процессам французский язык все больше отождествляется с реалиями и культурами, отличными от реалий и культуры унифицированного языка и, как принято говорить в российской научной традиции, литературного языка.

Обратимся к истории и отметим, что с 1960-х годов прошлого века лингвистические исследования, посвященные французскому языку Африки, отвечают образовательным запросам стран Черного континента, обретших независимость. Они выбрали гексагональный (стандартный) французский в качестве официального языка и, следовательно, языка обучения. В это славное время *Le Français Fondamental* (базовый французский язык) используется при разработке учебников французского как иностранного языка в рамках структурно-глобальной аудиовизуальной методологии. В данном контексте осуществлялась диагностика учащихся на предмет отклонений в области использования стандартизированного французского для поиска решений в устранении этих отклонений. Такие организации, как *Bureau pour l'enseignement de la Langue et de la Civilisation Françaises à l'Étranger* (Бюро по преподаванию французского языка и страноведения Франции за рубежом) или Центр прикладной лингвистики в Дакаре, занимались исследованиями отклонений в целевом (французском) языке, возникающими в результате овладения им африканскими учащимися (Maurer, 2016).

Эксперты полагали, что благодаря контрастивным исследованиям возможно прогнозировать типичные ошибки и скорректировать их с помощью адаптированных упражнений. В данном контексте особое внимание в области обучения французскому языку и языкам в целом придается феномену интерференции, путям и средствам ее преодоления на фонетическом и морфолого-синтаксическом уровнях, а также с учетом социолингвистических факторов (Багана, 2024).

На преодоление интерференции ориентировано содержание школьных учебников рассматриваемого периода: *Le français écrit de quelques élèves bambaras. Mali — A. Thiriet, 1965* (Письменный французский язык для учащихся народности бамбара из Мали — автор А. Тирие, 1965), *Le français au Sénégal: interférences du wolof dans le français des élèves sénégalais — M. Calvet, P. Dumont, 1969* (Французский язык в Сенегале: явления интерференции языка народа волоф во французский язык сенегальских учащихся — авторы М. Кальве и П. Дюмон, 1969 г.), *Le français écrit en classe de 6e — G. Canu, 1969* (Французский письменный для 6-го класса коллежа — автор Г. Каню, 1969). При этом феномену

гипергенерализации/супергенерализации, когда перенос общего правила на все случаи речевого употребления африканскими учащимися французского языка провоцирует ошибки, не уделяется должного внимания. При обучении гексагональному французскому в этот период не рассматриваются проблемы и результаты приспособления французской языковой системы к системе местных языков.

Однако постепенно данная тенденция преодолевается. В 1970-е годы создается Перечень лексических особенностей французского языка в Черной Африке, координируемого университетским агентством Франкофонии (AUF), т. е. была предпринята попытка выявить лексические особенности для каждой франкоязычной африканской страны. Обобщенный список этих особенностей с пояснениями и комментариями был опубликован как *Inventaire des particularités lexicales du français en Afrique noire* (Справочник лексических особенностей французского языка в Черной Африке), который многократно переиздавался (Bollée, 1986). Данное лонгитюдное исследование демонстрировало наличие в африканском французском языке местных/локальных его стандартов, не связанных с пробелами в обучении стандартному французскому языку. При этом некоторыми авторами было замечено, что данные особенности выявлялись порой путем сравнения несравнимого, это касалось морфологического и синтаксического анализа корпусов устной речи в африканском и в стандартном французском языках. Таким образом, обнаруживались особенности, которых на самом деле не существовало (Féral, 2010).

С 1974 года отмечается наличие, например, в Кот-д'Ивуаре континуума между стандартным французским и африканским *dioula / le jula* (язык народа дьюла), являющимся языком межэтнического общения на достаточно обширной территории Западной Африки. Этот континуум рассматривается учеными как явление, «одним из полюсов которого становится очень чистый язык многих африканских писателей или интеллектуалов, а другим — то, что часто теряется в неопределенной области, где трудно отличить, что является приблизительным воплощением французских структур, от того, что выделяется в языках-субстратах» (Kouadio N'Guessan, 2006, p. 178). Данное явление признается обычным и неспецифическим для франкоязычной Африки, куда относят характерное для билингов чередование языковых кодов и заимствования. Таким образом, французский язык, лексически обогащенный языками, на которых говорят на местном уровне, символизирует национальную идентичность в африканских странах, где сосуществует большое количество местных языков и где нет африканского языка, настолько географически, идеологически и культурно значимого, чтобы стать таким символом идентичности, как, например, волоф в Сенегале.

Однако многие исследователи задаются вопросом, действительно ли существует проблема лингвистической и социолингвистической специфики африканского французского языка? Показательно, что в научном журнале *Le français en Afrique* (Французский язык в Африке) в разные годы были

опубликованы материалы, посвященные развитию французского языка на неафриканских территориях. Это касается работ М. Е. Перро об эволюции французского языка в Нью-Брансуик (Perrot, 1998), К. Пауло об особенностях французского языка в Новой Каледонии (Pauleau, 2006), а также исследований А. Феррари, посвященных кенийскому *sheng* (шенг) (Ferrari, 2006). В работах обосновано, что в рассматриваемых странах наблюдаются аналогичные с FPA контактные ситуации и динамика, которые дают основания сомневаться в исключительной его (FPA) специфике (Githiora, 2002).

В современных исследованиях особенностей африканского французского языка выявляются несколько проблем. Во-первых, отмечается, что лингвисты часто изобретают всевозможные номинации языков и их разновидностей (Feral, 2009). Речь идет о появившейся во второй половине XX века номинации *français populaire d'Abidjan*, FPA (французский разговорный язык Абиджана), которой характеризуются примеры, касающиеся в основном социально-географических особенностей французского языка в этой части Африки. Затем благодаря С. Лафажу это понятие расширяется до *français populaire ivoirien*, FPI (ивуарийский французский разговорный язык). Автор предпочитает ивуарийское наименование, относящееся к тому же объекту, но с расширением географической классификации на всю страну (Lafage, 1978). В различных работах приводятся примеры одних и тех же закономерностей в области фонологии, образцы лексико-грамматических, лингвокультурологических явлений (Mouralis, 2018). Постепенно к концу первой четверти XXI века *français populaire d'Abidjan* или *français abidjanais* (французский абиджанский язык), *français populaire ivoirien* (ивуарийский французский язык) и примкнувший к ним *français populaire camerounais* (камерунский французский разговорный язык), как и некоторые другие, получают обобщенную номинацию *le français populaire africain* (FPA) (африканский французский язык), который признается исследователями языком выражения духа и креативности носителей африканского франкофонного сообщества (Орехова, 2024).

Несмотря на столь высокую оценку, этот язык до сих пор испытывает определенную стигматизацию, выраженную в категоризации (социальной и географической) и специфических характеристиках языковых практик. За ним прочно закрепились стигматы *африканский* (значит нелитературный французский), *народный* (значит базилектальный и никак не акролектальный) и т. д. Это явление получает номинацию «лингвистическая стигматизация» (Salif Sy, 2015), когда языковые особенности, специфика языка, присваиваемые определенной группе, не всегда обретают справедливые и корректные формулировки. Действительно, довольно часто африканские устные корпуса сравниваются со стандартными французскими, а не с разговорными в различных частях шестиугольника. Эта «нормативная глухота» некоторых исследователей и практиков порождает такую африканскую языковую специфику, которая, по сути, спецификой данной страны давно не является.

Проиллюстрируем это примерами из собственного практического педагогического опыта. Анализируя своеобразие французского языка, мы не раз отмечали в личном и профессиональном франкофонном окружении на территории материковой Франции, в регионе Верхней Франции (Hauts-de-France) ряд зафиксированных особенностей. Они касались неупотребления первого отрицания в вопросно-ответном диалоге: «*T'as pas froid? Ouais, j'ai pas froid*» («Ты не замерз? Ну да, не замерз»), неадекватных анафор: «*Quand vous reviendrez, vous rapporterez la carte de fidélité, on vous tamponnera*» («По возвращении вашу карточку покупателя проштампуют, если вы ее представите»), которые в исследованиях чаще всего иллюстрировали африканский французский, точнее, негексагональные его разновидности.

Красочный пример нормативной глухоты продемонстрировала ученица лицея Jean Perrin, который расположен в маленьком буржуазном городке Ламберсаре, входящем в Лилльскую агломерацию континентальной Франции. С нею обсуждались случаи выпадения *ne* во французском отрицании, которое показалось характерным для этого региона. И она, успешная учащаяся выпускного класса престижного лицея, рафинированная француженка, с достоинством и уверенностью заявила: «*Moi, Madame, je fais jamais chuter le «ne»!* (У меня, мадам, *ne* никогда выпадает!). Возникает вопрос: почему городское ухо преподавателя, студента, учащегося лицея континентальной Франции не слышит того, что они с удовольствием стигмируют у носителей африканского французского языка? Полагаем, что этот вопрос может являться предметом отдельного исследования.

Среди разновидностей ФРА значимое место у исследователей занимает так называемый *camfranglais/francamglais* (камерфрананглийский / франкаманглийский / камерунский франко-английский язык). Обращение к Камеруну неслучайно. Именно его справедливо называют Африкой в миниатюре, так как на сравнительно небольшой территории находятся почти все ландшафты, характерные для Африканского континента, широкий перечень промышленного и сельскохозяйственного производства, а также представлено множество языков и культур.

Этот язык в конце прошлого века фиксировался исследователями как *français makro* (молодежный сленг, название которого восходит к фонетической транскрипции *maquereau*, получившей семантическое расширение до лексической единицы *сутенер*). Он отличался от разговорного французского, используемого в Камеруне, наличием большого количества заимствований из пиджина, английского языка, из дьюла, а также французской лексики, которая претерпела морфологическую модификацию (метатеза).

Сегодня его называют *camfranglais* (камфрангле), ему придается большое значение в культурном образовательном и даже политическом планах. Вот несколько примеров, взятых с сайта *Le Cameroun sur le web: actualité, sport, musique* (<http://www.bonaberi.com>), подтверждающих этот вывод. Мы сохранили оригинальную орфографию, в скобках разместили общефранцузский

эквивалент слов, которые имеют яркую окраску *camfranglais*, а также представили авторский перевод на русский язык.

– *All les motos (gens) originaires du Kamer (Cameroun) ou qui sont des pôpô (vrais) kamer (Camerounais) doivent ya (comprendre) le camfran (camfranglais) / Все жители Камеруна, настоящие камерунцы должны понимать камфрангле;*

– *Que pensez-vous d'officialiser le camfranglais au Mboa (pays)? Moi je suis pour. Je suis même pour qu'on open (ouvre) les skouls (écoles) de camfran au mboa (pays) / Что вы думаете о формализации камфрангле в стране? Я — за. Я и за то, чтобы камфрангле вошел у нас в школьное обучение;*

– *A bien y sciencer (réfléchir), c'est vrai qu'avec le camfranglais, on peut tell (raconter) nos diva (histoires) mollo mollo entre camer (Camerounais). Mais quand tu comot (vas) à mbeng (France), il faut speak (parler) well (bien) la langue des whites (blancs). Donc, pour les muna (enfants), il faut d'abord leur learn (apprendre) les ways (façons) des whites (blancs) / Об этом стоит подумать, действительно, с камфрангле возможно больше узнать о нашей камерунской культуре. Но когда приезжаешь во Францию, тебе нужно говорить по-французски как белые. Следовательно, детям необходимо прежде всего изучать французский белых;*

– *Maintenant, moi aussi je suis de ceux qui revendiqueraient l'idée que les gars doivent tcha (considérer) le camfranglais comme une langue à part entière / Теперь я тоже из тех, кто отстаивает идею о камфрангле как о самостоятельном языке.*

Что же становится показательным при лингвокультурологическом анализе этих отрывков? Во-первых, очевидна забота о том, чтобы дети хорошо владели *la langue des whites* (стандартным французским языком / языком белых), преподаваемым в школе. Во-вторых, мы видим, что *camfranglais* здесь позиционируется как язык межнационального общения, который должен быть понятен всем камерунцам, и что было бы целесообразно преподавать его в школах региона. Похожее восприятие *camfranglais* как языка национальной идентичности Камеруна можно найти в публикациях как российских (Блажевич, 2021), так и камерунских лингвистов (Laurain Lauras Assipolo, 2018), где он входит в список языков, на которых говорят в Камеруне, наряду с двумя официальными языками (английским и французским) и более чем с двумя сотнями (цифры по различным источникам варьируются от 248 до 279) национальных языков. Кроме того, в-третьих, чтобы говорить на *camfranglais*, необходимо овладеть разговорным французским языком, так как их структура идентична. При этом количество слов, входящих в состав *camfranglais*, варьируется от говорящего к говорящему, от ситуации к ситуации, от одного речевого оборота к другому.

В качестве иллюстрации к нашему анализу присутствия французского языка и его эволюции в *camfranglais* в контексте особенностей FPA приведем, с одной стороны, роман Э. Чунги «Желаю вам дождя» (Je vous souhaite la pluie) (Tchoungui, 2006). Он написан на *camfranglais*, как утверждают специалисты (Toivanen, 2014), однако в тексте объемом более двухсот страниц мы обнаружили не более десяти лексем, которые относятся к этому языку. Остальное же —

français métropolitain (стандартный французский), дополненный характерным африканским юмором, полный аллюзий, полезных страноведческих отсылок, обращений к известным литературным произведениям и героям, публичным персонам. А главное, там присутствует беспощадная характеристика роли Франции в африканском мире.

С другой стороны, если мы послушаем песню камерунского исполнителя хип-хопа Коппо *Si Tu Vois Ma Go*, которая стала символом культуры *camfranglais*, то тут обращение к лексике французского языка или, точнее, к лексике, которая категоризирует/иллюминирует французскую речь, не является систематическим. Наблюдается игра на ассонансах: *Si tu vois ma go, dis-lui que je go...* (*Если ты увидишь мою подружку / мою любовь / мою невесту, скажи ей, что я ухожу*), в которой допускается чередование слов на *camfranglais* и слов на стандартном французском языке. В песне *Back back* Коппо заявляет: *Back les gars, back back au mboa. Back les filles, back back au pays...* (*Назад, ребята, назад, назад в страну. Назад, назад, девчонки, возвращайтесь обратно домой*). Автор здесь использует *pays* (*страна*), а не *mboa*, когда обращается к девушкам и называет их *les filles* (*девочки/девчонки*), а не *go*, как это обычно бывает в *camfranglais*, который используется в Камеруне, в языке нучи, и очень часто — в пригородах гексагональной Франции.

В обоих случаях, как в романе Э. Чунги, так и в текстах Коппо, речь не идет о какой-то обязательной нормативности в использовании французского гексагонального в *camfranglais*. Скорее, здесь дело касается выбора языка со стороны адресанта с учетом адресата. Такая разнородность дискурса в современных франкофонных языках отмечается в некоторых исследованиях (Blummenthal, 2015).

Заключение

Подводя итог, отметим, что рассмотренные явления, по нашему мнению, позволяют сделать определенные выводы о существовании особого языка — ФРА и его разновидностей, о его культурно-исторической и лингвистической эволюции. Используя различные лингвистические средства, исследователи порождают множество номинаций, чья сущность представляет собой краткую, но емкую характеристику тех или иных особенностей разговорного языка, употребляемого на тех или иных территориях франкоязычной Африки. К этой категории относится *camfranglais*, его аналоги, но в других номинациях (*français makro, français à la mode, français des yors*), используемых не только в Камеруне, но и за его пределами, равно как и за пределами Африканского континента.

Таким образом, появление новых языков, зародившихся в пределах франкоязычной Африки и преодолевших географические и культурные границы, во-первых, требует их деликатной, нестигматизирующей категоризации,

исключающей уничижительные определения (язык деклассированных элементов, язык гетто, язык молодежи окраин и т. д.); во-вторых, эти языки, по нашему мнению, и не нуждаются в особой детальной категоризации, зависящей от национально-региональных или историко-культурных обстоятельств; в-третьих, их появление и достаточно прочное территориальное закрепление, а также социокультурная обусловленность демонстрируют постепенную утерю французским языком на рассматриваемых территориях позиций культуuroобразующего и культуронесущего цивилизирующего эталона, единственного языка образования. Полагаем, что номинация FPA (*le français populaire africain*) является наиболее удачной: она вобрала в себя основные лингвокультурные особенности языков франкоязычной Африки и дает надежду на то, что значительного разрыва с французским гэкзагональным языком пока не произошло.

Список источников

1. Делез, Ж. (2024). *Переговоры. 1972–1990*. Пер. с франц. и вступ. ст. В. Ю. Быстрова. Наука.
2. Maurer, V. (2016). *Mesurer la francophonie et identifier les francophones. Inventaire critique des sources et des methods*. Éditions des Archives contemporaines.
3. Викулова, Л. Г., Серебренникова, Е. Ф., Вострикова, О. В., & Герасимова, С. А. (2020). Лексемы *identite / идентичность* как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2(831). <https://cyberleninka.ru/article/n/leksemy-identite-identichnost-kak-elementy-universumov-cheloveka-i-yazyka-etnosemiotricheskiy-i-aksiologicheskiy-aspektu>
4. Прожогина, С. В. (2019). Национальная культура в транснациональном пространстве. *Вестник Института востоковедения РАН*, 1(7), 287–295.
5. Тарева, Е. Г., & Дорохова, А. М. (2024). Современный межкультурный дискурс: статус в лингводидактике. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 124–136. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.09>
6. Абрамова, И. О. (2022). *Вопросы современной африканистики и проблемы развития: избранные статьи и научные доклады (2012–2022 гг.)*. Институт Африки РАН.
7. Бондаренко, Д. М. (2022). Историко-культурные аспекты формирования наций в постколониальных государствах Африки. *Вестник Российской академии наук*, 1(92), 86–96.
8. Bondarenko, D. M. (2023). *Post-colonial nations in historical and cultural context*. Lexington Books.
9. Громова, Н. В. (2022). Африканские языки в постколониальном дискурсе. *Россия – Африка: от устной истории к постколониальному нарративу* (с. 50–54). Сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием, Ярославль, 18–20 мая 2022 года. Т. М. Гавристова (Отв. ред.). Филигрань.
10. La langue française dans le monde synthèse 2018. 20 августа 2024. <http://observatoire.francophonie.org/2018/synthese.pdf>

11. Quaghebeur, M. (2022). Francophone: un terme qui pose problème ou / et une réalité qui dérange? *Romanica Cracoviensia*, 22, 393–411. <https://www.doi.org/10.4467/20843917RC.22.036.16690>
12. Bollée, A. (1986). Inventaire des particularités lexicales du français en Afrique noire. *Zeitschrift für französische Sprache und Literatur*, 96, 325–326. <https://fis.uni-bamberg.de/handle/uniba/27666>
13. Kouadio N'Guessan, J. (2006). Le nouchi et les rapports dioula/français. Des inventaires lexicaux du français en Afrique à la sociologie urbaine... Hommage à Suzanne Lafage. *Le français en Afrique*, 21, 177–191.
14. Орехова, Е. Я. (2024). Франкополифония: взаимодействие языков и культур франкоязычной Африки. *Романские тетради* (с. 119–130). Языки Народов Мира.
15. Perrot, M.-E. (1998). Les modalités du contact français/anglais dans un corpus chiac: métissage et alternance codique. *Le français en Afrique*, 12, 219–226. <http://www.unice.fr/ILF-CNRS/ofcaf/12/Perrot.htm>
16. Pauleau, C. (2006). Parler le français de Nouvelle-Calédonie, être calédonien: de la valeur identitaire du français régional. *Le français en Afrique*, 21, 213–218.
17. Githiora, C. (2002). Sheng: Peer language, Swahili dialect or emerging Creole? *Journal of African Cultural Studies*, 15(2), 159–181. <https://www.doi.org/10.1080/1369681022000042637>
18. Feral, C. (2009). *Le nom des langues en Afrique sub-saharienne; pratiques, dénominations, catégorisations*. Peeters.
19. Lafage, S. (1978). Rôle et place du français dans le continuum langues africaines-français en Côte d'Ivoire, Abidjan. *Cahiers ivoiriens de recherche linguistique*, 4, 54–66.
20. Mouralis, B. (2018). Le pauvre Christ de Bomba de Mongo Beti (1956). *Revue critique de fiction française contemporaine*. <http://journals.openedition.org/fixxion/11746>
21. Salif Sy, (2015). Le bambara: de la stigmatisation à l'ethnisation. *Hypotheses. Art, langage, apprentissage*. <https://www.doi.org/10.58079/cxy4>
22. Блажевич, Ю. С. (2021). Контактные манифестации в условиях билингвизма в Камеруне [Диссертация ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Белгород].
23. Laurain Lauras Assipolo, Nkpeu. (2018). *Dynamique du français au Cameroun. Linguistique*. Université de Yaoundé I. <https://hal.science/tel-01876679/document>
24. Tchoungui, E. (2006). *Je vous souhaite la pluie*. Plon.
25. Toivanen, A.-L. (2014). A romantic fairy tale in the era of globalization: Love, mobility and cosmopolitanism in Elizabeth Tchoungui's *Je vous souhaite la pluie*. *International Journal of Francophone Studies*, 17(1), 31–50. https://www.doi.org/10.1386/ijfs.17.1.31_1
26. Blumenthal, P. (2015). *Dynamique des français africains: entre le culturel et le linguistique. Hommage à Ambroise Jean-Marc Queffélec*. Peter Lang.

References

1. Deleuze, G. (2024). *Negotiations. 1972–1990*. Nauka. (In Russ.).
2. Maurer, B. (2016). *Mesurer la francophonie et identifier les francophones. Inventaire critique des sources et des méthodes*. Éditions des Archives contemporaines.
3. Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Vostrikova, O. V., & Gerasimova, S. A. (2020). Lexemes *identite / identity* as elements of the human and language universes: ethno-semiometric and axiological aspects of interpretation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(831), 30–42. (In Russ.).

4. Prozhogina, S. V. (2019). National culture in transnational space. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*, 1(7), 287–295. (In Russ.).
5. Tate a, E. G., & Dorokhova, A. M. (2024). Present-day intercultural discourse: focus on teaching languages. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 124–136. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.09> (In Russ.).
6. Abramova, I. O. (2022). *Modern African Studies: prospects and challenges*. Collected works (2012–2022 гг.). Institute of African Studies RAS. (In Russ.).
7. Bondarenko, D. M. (2022). Historical and cultural aspects of nations forming in post-colonial African states. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 1(92), 86–96. (In Russ.).
8. Bondarenko, D. M. (2023). *Post-colonial nations in historical and cultural context*. Lexington Books.
9. Gromova, N. V. (2022). African languages in post-colonial discourse. *Russia – Africa: from folklore history to post-colonial narrative* (pp. 50–54). Proceedings of Scientific conference with international participation, Yaroslavl, 18–20 May 2022. Ed. by T. M. Gavristova. Filigran'. (In Russ.).
10. La langue française dans le monde synthèse 2018. 2024, August 20. <http://observatoire.francophonie.org/2018/synthese.pdf>
11. Quaghebeur, M. (2022). Francophone: un terme qui pose problème ou / et une réalité qui dérange? *Romanica Cracoviensia*, 22, 393–411. <https://www.doi.org/10.4467/20843917RC.22.036.16690>
12. Bollée, A. (1986). Inventaire des particularités lexicales du français en Afrique noire. *Zeitschrift für französische Sprache und Literatur*, 96, 325–326. <https://fis.uni-bamberg.de/handle/uniba/27666>
13. Kouadio N'Guessan, J. (2006). Le nouchi et les rapports dioula/français. Des inventaires lexicaux du français en Afrique à la sociologie urbaine... Hommage à Suzanne Lafage. *Le français en Afrique*, 21, 177–191.
14. Orekhova, E. Ya. (2024). Francopolyphony: interrelations of French African languages and cultures. *Romanskije tetrad* (pp. 119–130). Yazyki Narodov Mira. (In Russ.).
15. Perrot, M.-E. (1998). Les modalités du contact français/anglais dans un corpus chiac: métissage et alternance codique. *Le français en Afrique*, 12, 219–226. <http://www.unice.fr/ILF-CNRS/ofcaf/12/Perrot.htm>
16. Pauleau, C. (2006). Parler le français de Nouvelle-Calédonie, être calédonien: de la valeur identitaire du français regional. *Le français en Afrique*, 21, 213–218.
17. Githiora, C. (2002). Sheng: Peer language, Swahili dialect or emerging Creole? *Journal of African Cultural Studies*, 15(2), 159–181. <https://www.doi.org/10.1080/1369681022000042637>
18. Feral, C. (2009). *Le nom des langues en Afrique sub-saharienne; pratiques, dénominations, catégorisations*. Peeters.
19. Lafage, S. (1978). Rôle et place du français dans le continuum langues africaines-français en Côte d'Ivoire, Abidjan. *Cahiers ivoiriens de recherche linguistique*, 4, 54–66.
20. Mouralis, B. (2018). Le pauvre Christ de Bomba de Mongo Beti (1956). *Revue critique de fiction française contemporaine*. <http://journals.openedition.org/fixxion/11746>
21. Salif Sy, (2015). Le bambara: de la stigmatisation à l'ethnicisation. *Hypotheses. Art, langage, apprentissage*. <https://www.doi.org/10.58079/cxy4>

22. Blazhevich, Yu. S. (2021). Contact manifestations under bilingualism in Cameroon [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.19. Belgorod]. (In Russ.).
23. Laurain Luras Assipolo, Nkeseu. (2018). *Dynamique du français au Cameroun. Linguistique*. Université de Yaoundé I. <https://hal.science/tel-01876679/document>
24. Tchoungui, E. (2006). *Je vous souhaite la pluie*. Plon.
25. Toivanen, A.-L. (2014). A romantic fairy tale in the era of globalization: Love, mobility and cosmopolitanism in Elizabeth Tchoungui's *Je vous souhaite la pluie*. *International Journal of Francophone Studies*, 17(1), 31–50. https://www.doi.org/10.1386/ijfs.17.1.31_1
26. Blummenthal, P. (2015). *Dynamique des français africains: entre le culturel et le linguistique. Hommage à Ambroise Jean-Marc Queffélec*. Peter Lang.

Информация об авторе

Елена Яковлевна Орехова — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Elena Ya. Orekhova — Dr. Sc. (Education), Professor, Professor of the Department of Romance Languages and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1'373.22

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-76-88

СТИХИЙНАЯ ЛЕКСИКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВАКХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Димитриева Ольга Альбертовна

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
Чебоксары, Россия,

olgaal_79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена его вхождением в круг лингвокультурологических и семантических изысканий, в рамках которых выявляются культурные коды, репрезентирующие тот или иной аспект бытия человека в мире художественного произведения. Цель исследования состоит в изучении функционирования лексики с семантикой природно-климатических явлений (так называемой стихийной лексики) в двух аспектах: во-первых, как способа репрезентации вакхического состояния (на примере употребления лексем *туман*, *молния*, *черная дыра* и т. п.); во-вторых, как способа описания эмоциональных переживаний героя, в которых стихийная лексика взаимодействует с вакхической. Основными методами исследования являются семантический и лингвостилистический анализ языковых единиц, используются также статистические данные Национального корпуса русского языка. Материалом для исследования послужила выборка примеров, извлеченных из текстов русской художественной литературы, в которых содержится лексика с семантикой природно-климатических явлений. Новизна материала видится в том, что ситуация винопития ранее не рассматривалась с точки зрения проявления в ней семантики природно-метеорологического кода культуры, в то же время и природно-климатические явления не изучались с точки зрения проявления в них вакхического кода культуры. В результате исследования автор приходит к выводам о том, что такие явления, как *туман*, *шторм*, *ветер*, *молния*, *черная дыра*, используются при описании алкогольного состояния человека и затрагивают его эмоционально-интеллектуальные и физиологические изменения. Отмечается, что семантика вакхического кода может проявляться для экспликации стихийных сил природы, их очеловечивания и уподобления человеческому поведению. Показана также амбивалентность оценки описываемой лексики в мире художественного произведения.

Ключевые слова: лексика с семантикой природно-климатических явлений, метафора, вакхическое состояние, природно-метеорологический код культуры, вакхический код культуры.

Для цитирования: Димитриева, О. А. (2025). Стихийная лексика в интерпретации вакхического состояния в художественном тексте. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 76–88. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-76-88>

© Димитриева О. А., 2025

Original article

UDC 811.161.1'373.22

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-76-88

**THE NATURAL ELEMENT VOCABULARY
IN THE INTERPRETATION OF THE BACCHANALIAN
STATE IN A LITERARY TEXT****Olga A. Dimitrieva**I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University,
Cheboksary, Russia,olgaal_79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

Abstract. The relevance of the research is due to its entry into the circle of linguistic, cultural and semantic research, which identifies cultural codes that represent one or another aspect of human existence in the world of an artistic work. The purpose of the study is to study the functioning of vocabulary with the semantics of natural and climatic phenomena (the so-called natural element vocabulary) in two aspects: firstly, as a way of representing the Bacchanalian state (using the example of the use of the lexemes *fog*, *lightning*, *black hole*, etc.); secondly, as a way of describing the emotional experiences of the hero, in which natural element vocabulary interacts with Bacchanalian. The main research methods are semantic and linguistic stylistic analysis of linguistic units. The material for the study was a selection of examples extracted from texts of Russian fiction, which contain vocabulary with the semantics of natural and climatic phenomena. The novelty of the material is seen in the fact that the situation of wine drinking has not previously been considered from the point of view of the manifestation of the semantics of the natural meteorological code of culture in it, at the same time, natural and climatic phenomena have not been studied from the point of view of the manifestation of the Bacchanalian code of culture in them. As a result of the research, the author comes to the conclusion that phenomena such as *fog*, *storm*, *wind*, *lightning*, *black hole* are used in describing a person's alcoholic state and affect his emotional, intellectual and physiological changes. It is noted that the semantics of the Bacchanalian code can be manifested to explicate the natural forces of nature, humanize them and liken them to human behavior. The ambivalence of the evaluation of the described vocabulary in the world of an artistic work is also shown.

Keywords: vocabulary with semantics of natural and climatic phenomena, metaphor, bacchanalian state, natural and meteorological code of culture, Bacchic code of culture.

For citation: Dimitrieva, O. A. (2025). The natural element vocabulary in the interpretation of the bacchanalian state in a literary text. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 76–88. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-76-88>

Введение

Человек представляется в различных ипостасях: как сосуд, наполненный эмоциями; как механизм, детали которого двигаются и выполняют функции; как часть природного мира, макрокосма, организованная по образу и подобию устройства внешнего мира. При образном

осмыслении человека подключаются растительный, анималистический, пищевой, артефактный и другие коды культуры.

Методология исследования

Небо, небесные светила и природно-климатические явления (метеорология), интерпретируемые как носители культурно маркированной информации — символы, стереотипы и метафоры, — описываются в рамках кода культуры, получившего разные терминологические номинации: предметный (базовый) код (Красных, 2003, с. 305), стихийный (Маслова, Пименова, 2016, с. 78–82), природный (природно-метеорологический (Леонтьева, 2008, с. 162–172), природно-ландшафтный (Большой фразеологический словарь, 2009).

Ход исследования

В. В. Красных, очерчивая границы «окультуренного человеком» пространства, выделяет следующие компоненты модели мира: во-первых, это «*внутренний мир* человека, то, что находится внутри самого человека и ограничивается телесными границами»; во-вторых, *внешний мир* человека, включающий в себя две зоны — *личную зону* (то, что входит в личное пространство) и *ближайшее окружение* (то, что выходит за пределы личной зоны, но осознается как «свое»); в-третьих, *внешний*, мало связанный с человеком, «*чужой*» фрагмент внешнего мира (Красных, 2003, с. 300). Все эти составляющие репрезентированы шестью базовыми, по В. В. Красных, кодами культуры: телесным (самым древним), пространственным, временным, предметным, биоморфным, духовным, — между которыми нет четких, непересекающихся границ. Интересным представляется пересечение вакхического и природно-метеорологического кодов культуры при описании внутренней, личной и внешней пространственных зон. Ситуация винопития становится как областью-донором для отображения различных сфер, так и областью-реципиентом, вбирающей в себя разные грани воссоздаваемого образа.

Предметом нашего рассмотрения является употребление лексики, обозначающей природные/стихийные явления (так называемый природно-метеорологический код), при осмыслении ситуации винопития и, наоборот, репрезентация природно-стихийных явлений, в которых используется вакхический код культуры.

Слово со стихийной семантикой как репрезентант вакхического состояния. Осмысление состояния опьянения человека часто реализуется посредством различных образов. Одно из самых повторяющихся метеорологических явлений, которое вербализует состояние опьянения, — это *туман*. В «Толковом словаре русского языка» (ТСРЯ) под ред. Д. Н. Ушакова (1) и «Малом академическом словаре» (МАС) приводятся следующие дефиниции лексемы *туман* (2):

(1) «1. Непрозрачное состояние воздуха в нижних слоях атмосферы вследствие скопления в нем водяных паров. <...>2. *перен.* Употр. как символ неясного, запутанного, непонятного. *Т. в голове* (трудно разобраться в чем-н.). <...> *Т. в глазах* <...>» (ТСРЯ, 1940, 4, с. 825–826).

(2) «1. Скопление мелких водяных капелек или ледяных кристаллов в приземных слоях атмосферы, делающее воздух непрозрачным. <...> 2. *перен.*, *обычно чего* или *какой*. То, что мешает ясно видеть, застилает глаза. <...> || То, что мешает ясно воспринимать, понимать окружающее, затемняет сознание. <...> 3. *перен.*; *обычно чего* или *какой*. <...> для обозначения неясности, неопределенности, непонятности <...>» (МАС, 1999, 4, с. 425).

Из словарного определения лексемы *туман* выделим следующие существенные компоненты значения, задействованные в переносном, репрезентирующем ментальное состояние человека: ‘скопление водяных паров’, ‘неясное, неопределенное восприятие’, ‘способность затемнять сознание’, ‘отсутствие визуальной ясности (которая порождает, в свою очередь, ментальную ограниченность)’.

Согласно данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (функции «Портрет слова»), в сочетаемости лексемы *туман* с глаголами, легко организующимися в антонимические пары, следует отметить, что это, как правило, глаголы с семантикой возникновения природного явления и его исчезновения (*заволакивать(ся)*, *нагнать*, *исчезать*, *тонуть* — *рассеять*, *растаять*, *разогнать*), видимости и ее отсутствия (*виднеться*, *проступить*, *выплыть*, *вырисовываться* — *теряться*, *подернуться*, *заволочь* (*заволакиваться*)); используются глаголы движения, связанные с погружением в жидкость (*выплывать* (*выплыть*), *тонуть*), с семантикой превращения в жидкое состояние (*растаять*), укрытия (*окутать(ся)*, *застилать(ся)*) и др. (подробнее см. таблицу¹).

Таблица / Table

Сочетаемость лексемы *туман* с частотными глаголами согласно НКРЯ

The compatibility of the word *fog* with frequent verbs based on data from the National Corpus of the Russian language

Глаголы с прямым дополнением		Глаголы с косвенным дополнением		Глаголы с предложным дополнением	
напускать	10,34*	заволочь	10,02	тонуть	7,99
напустить	10,29	заволакиваться	9,98	выплывать	7,71
рассеять	9,01	подернуться	9,85	теряться	7,64
разогнать	8,6	заволакивать	9,76	виднеться	7,16
рассеивать	8,23	застилать	9,66	расплываться	7,11
развеять	7,43	окутать	9,33	растаять	7,09
пронизать	7,38	окутывать	9,16	выплыть	7,05
нагонять	7,38	заволочься	8,73	проступить	7
прорезать	7,37	окутаться	8,64	исчезать	6,99
нагнать	7,08	застилаться	8,42	вырисовываться	6,96

Примечание: * — для ранжирования коллокатов используется метрика LogDice.

¹ Данные приведены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

«Туман» как результат состояния опьянения вербализуется следующими выражениями: «(ощущать) туман в голове» / «качается туман в головах», «отуманить (вином)», «затуманиться», «пьяный туман», «голова туманится», — и описывает непосредственно состояние субъекта в ситуации винопития, причем локализацией метеорологического явления становится голова. ‘Водяные пары’, обозначенные в структуре лексического значения, преобразуются в ‘винные’, в некоторых контекстах возможна сочетаемость с существительными, называющими сорт вина (например, *пары шампанского*):

(1) «...он [Павлин] и не подозревал, что <...> в те часы, когда он пробуждается <...> нежная Люба, с головкою, **отуманенною парами шампанского**, спускается неверными шагами с лестниц французского ресторана» (Н. С. Лесков. Павлин) (Лесков, 1957, т. 5, с. 257).

Голова становится «эпицентром» возникновения и распространения тумана и связывается не только с алкогольным опьянением, но и с проявлением разноплановых эмоций (как положительных — *любовь* (см.: пример 3), так и негативных — *бешенство*, *скука* (см.: примеры 2–3):

(2) «**Из отуманенной бешенством** и, может быть, отчасти **вином головы** Фебуфиса выскочил сразу весь план его мирных и благородных действий» (Н. С. Лесков. Чертовы куклы) (Лесков, 1958, т. 8, с. 561);

(3) «...Бессонов, проезжая ночью на лихаче, по дороге на острова, <...> подумал, что лихач, и нити фонарей, и весь за спиной его спящий Петербург — лишь мечта, бред, возникший **в его голове, отуманенной вином, любовью и скукой**» (А. Н. Толстой. Хождение по мукам) (Толстой, 2005, с. 7–8).

Вместе с алкогольными напитками в одном ряду упоминаются сильные эмоциональные проявления и чувства с противоположной оценкой (*бешенство*, *скука* — *любовь*), способные изменять состояние субъекта. В приведенных фрагментах используется глагол *отуманить* в форме страдательного причастия прошедшего времени; лексика с семантикой спиртного, эмоциональных проявлений и чувств становится в позицию творительного агенса, что позволяет отделить человека от испытываемых им эмоций, изобразить его пассивность и отсутствие контроля.

В отдельных высказываниях допускается отсутствие агенса, который, как правило, легко извлекается из предыдущего контекста, и слово *голова* заменяется на лексемы, значение которых подчеркивает способность осознавать или мыслить — «сознание»/«мозги»:

(4) «Он [Коврин] с наслаждением **выпил несколько рюмок лафита**, потом укрылся с головой; **сознание его затуманилось**, и он уснул» (А. П. Чехов. Черный монах) (Чехов, 2021, с. 197).

(5) «**В голове его [князя Егорушки] слегка шумело**, а в области желудка чувствовалась приятная сытость. Он только что пообедал, **выпил бутылку красного и теперь, куря трехкопеечную сигарку, кейфствовал**. Самые

разнокалиберные чувства и помыслы копошились в его отуманенных мозгах и ноющей душонке» (А. П. Чехов. Цветы запоздалые) (Чехов, 2020, с. 129).

В последнем фрагменте (пример 5) эксплицируется пересечение двух взглядов, а следовательно, двух фокусов оценки — героя и автора. С одной стороны, описываются чувства князя Егорушки, его рефлексия об ощущениях в теле (*в голове, желудке*): оценочное прилагательное *приятный* затрагивает эмоциональную сферу самого героя. С другой стороны, негативная оценка описываемого состояния и в целом образа жизни героя, выражаемая в словосочетаниях *ноющая душонка, отуманенные мозги*, позволяет говорить о смене ракурса, появлении иной точки зрения, переходящей с героя на всеведующего автора.

Вакхическое состояние, достижение состояния опьянения может быть представлено как желаемое и оцениваться положительно, как правило, героем:

(6) *«...Мезерницкий <...> как-то странно пьянел: как будто его обволакивало теплое, чуть туманное облако — оно глушило любые звуки, и каждое слово давалось ему с некоторым трудом»* (З. Прилепин. Обитель) (Прилепин, 2021, с. 316).

В примере 6 автор использует развернутое сравнение, включающее обозначенные ранее — в лексическом значении и НКРЯ — свойства тумана. Туман теряет бесформенность, приобретает очертания (*туманное облако*), способность укрывать (*обволакивало*) и сенсорные оценки-характеристики: температурные (*теплое*), аудиальные (*глушит звуки*), речевые (*слово давалось с трудом*).

Туман как природное явление становится активным, способным изменять видение субъекта, влиять на его восприятие окружающей и воображаемой действительности:

(7) *«На белизне скатерти свежие букеты тепличных роз, три бутылки водки и германские узкие бутылки белых вин. <...> Качается туман в головах, то в сторону несет на золотой остров беспричинной радости, то бросает в мутный вал тревоги. Глядят в тумане развязные слова: Голым профилем на ежа не сядешь! <...> Водка, водка и туман»* (М. А. Булгаков. Белая гвардия) (Булгаков, 1990, с. 50).

Глаголы движения *качается, несет, бросает*, обозначающие активные действия, репрезентируют эмоциональные состояния и чувства с противоположными знаками: радость (*золотой остров*) — отчаяние (*мутный вал тревоги*). Слова приобретают «телесность» и способность видеть: *глядят в тумане слова*. Однородный ряд номинативного предложения (*Водка, водка и туман*) имеет обуславливающий характер: стихия предопределена спиртным (*водка, водка*). Возникает еще один стихийный метафорический образ переживаемых эмоций — *вал* («высокая волна») (МАС, 1999, т. 1, с. 134): туман, «покрывающий» сознание, связывается с водной стихией.

Как уже отмечалось ранее, *пары* являются частным проявлением тумана, способом их «удаления» становится воздушная стихия — ветер, вербализованный в глаголах *выветриться, проветрить*:

(8) «*Дак ведь то в ресторане мы сидели, без паров в голове, а как прореагируют, когда мы середка ночи к этим самым артисточкам закатимся? <...> У Евдокима Поликарповича <...> еще вчерашние пары из головы не выветрились»* (Ф. Абрамов. Братья и сестры) (Абрамов, 1987, с. 181–182).

(9) «*Он был словно в похмелье, невыветрившемся и еще дурманящем голову, — когда еще не очнулся настолько, чтобы вспомнить, что было вчера»* (З. Прилепин. Обитель) (Прилепин, 2021, с. 501).

(10) «*Мы <...> собрались и отправились смотреть город, проветривать головы — его, недавно снятую с верхней полки купейного вагона, и мою, получившую семидесятиградусный ожог»* (З. Прилепин. Герой рок-н-ролла) (Прилепин, 2023, с. 309).

Следует также обратить внимание на такой компонент значения лексемы *туман*, как ‘способность (быстро) исчезать’, который используется в составе сравнительного оборота *как туман; испариться*, причем в последнем случае органом, через который осуществляется испарение, становятся глаза:

(11) «*Утром белоголовый, с испарившейся из глаз хреновухой, уверял...*» (З. Прилепин. Ботинки, полные горячей водкой) (Прилепин, 2023, с. 341).

(12) «*В двух-трех комнатках сидели <...> офицеры. <...> Пьяный чад унесся, как туман, не оставив и следа...*» (Н. С. Лесков. Интересные мужчины) (Лесков, 1958, т. 8, с. 86).

Наряду с приведенными высказываниями, в которых в большей степени туман связывается с ментальным и эмоциональным состояниями, встречается контекст, в котором данное природное явление характеризует образ жизни героя в целом, его постоянное времяпрепровождение:

(13) «*...Ганувер умирает. Он окружил свой конец пьяным туманом, ночной жизнью»* (А. С. Грин. Золотая цепь) (Грин, 1986, с. 345).

Итак, выражения (*ощущать*) *туман в голове / качается туман в головах, туманить (вином), затуманиться, пьяный туман, голова туманится* и т. п. экплицируют прежде всего ментальное состояние нетрезвого человека. Подчеркивается неясность восприятия, присутствие (винных) паров, средством изменения состояния на противоположное является воздушная природная стихия — *ветер* (глаголы *выветриться, испариться*). Следует отметить, что характеристика вакхического состояния приводится в комплексе с эмоциональным: *туман* в большей степени становится репрезентантом не столько интеллектуальных способностей, сколько эмоций.

Заслуживают внимания и номинации других природных явлений, задействованных в описании внутренних изменений человека. Это такие природно-метеорологические и астрономические феномены, как *молния, шторм и черная дыра*, возникающие в текстах XX–XXI веков:

(14) «*...ему [Степе Лиходееву] казалось, что он не может открыть глаз, потому что, если он только это сделает, сверкнет молния и голову его тут же разнесет на куски»* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита) (Булгаков, 1988, с. 77).

(15) «...Кеша <...> налил темную жидкость в пинтовую колбу классической формы. Ухаживая за первой колбой, он совсем ни о чем не думал. Он как бы заколачивал черную сосущую дыру в солнечном сплетении» (В. О. Пелевин. Любовь к трем цукербринам) (Пелевин, 2016, с. 114).

В отличие от предыдущих примеров, во фрагментах 14–15 описывается не состояние опьянения и сопутствующие ему перцептивные изменения, а самочувствие героя после праздника. Смена одного метеорологического явления (тумана) другим (в примере 14 *молния* — «электрический искровой разряд атмосферного электричества» (МАС, 1999, т. 2, 290); в примере 15 *черная дыра* — «астрон. область в пространстве, <...> в которой гравитационное притяжение так велико, что ни вещество, ни свет, ни другие носители информации не могут ее покинуть» (Мостицкий, URL)) маркирует негативные физиологические последствия. В последнем фрагменте накладываются друг на друга две метафорические модели: представление о человеке как о космическом пространстве (*черная сосущая дыра*) и об организме человека как о механизме/артефакте (глагол со значением активного физического воздействия *заколачивать* отображает проводимые героем «ремонтные работы» в организме).

Поведение вакхического человека, в частности его движения, осмысливаются с помощью иного погодного явления — *шторма*. Глагол *штормить* имеет следующую словарную дефиницию: «*Мор.* Быть бурным, волноваться при шторме (о море). <...> *безл.* О шторме, штормовой погоде» (МАС, 1999, т. 4, с. 732). При описании походки добавляются характеристики, эксплицирующие образ действия, манеру (*из стороны в сторону; едва держался на ногах*) и количественные показатели (*немного*):

(16) «...двое молодых, красивых мужчин <...> вели под руки пьяного доктора Фадеева. Его *штормило из стороны в сторону; он едва держался на ногах*» (И. Быков. Разговор над покойником) (НКРЯ);

(17) «*Превращение в бабочку закончилось первым в жизни похмельем. Штормило. Шуша без конца умывалась холодной водой, наконец решила отравиться*» (Дарья Симонова. Легкие крылышки) (НКРЯ);

(18) *Христина курила <...>. Ее немного штормило, немного тошнило, немного ломило в виске, а она смотрела на тёмное небо*» (Ирина Бахтина. Зачем я тебе?) (НКРЯ).

В примерах 16–18 используется глагол *штормить* в безличном предложении. Рассуждая о сущности безличных конструкций, А. Л. Шарандин пишет о самодостаточности в них глагольного признака, который «оказывается <...> концептуально полноценным для описания, как правило, событийной, природной статальной ситуации» (Шарандин, 2021, с. 315). В таких конструкциях «действие, — отмечает Э. Н. Осипова, — происходит произвольно, не зависит от воли субъекта, действуют природные, стихийные <...> силы, состояния субъекта не осознанны, безотчетны» (Осипова, 2009, с. 86). Таким же образом осмысливается физическое состояние пьяного человека в русской картине мира:

непринадлежность самому себе и нарушение координации, выражаемые посредством употребления «стихийной» лексики (глагола *штормить*) в безличных конструкциях.

Возможно употребление развернутой метафоры, в которой непосредственно изображается морская стихия:

(19) «...к исходу дня у стены выстраивались шеренги бутылок с “Ячменным колосом” или дорогими “Хамовниками”. Это **разливанное море, чтобы не штормило**, он напоследок обязательно лакировал еще водочкой» (Михаил Бутов. Свобода) (НКРЯ).

Введение фразеологической единицы (*разливанное море*), ее буквализация и переход в вакхическую сферу, осуществляемый через артефактный код, — все это можно проследить в приведенном фрагменте. Расхожее выражение *море разливанное*, согласно фразеологическим словарям, изначально имеет непосредственное отношение к ситуации винопития. Приведем значение: «*Экспрес.* 1. чего. О спиртных напитках: очень много. <...> 2. Шумный пир; попойка» (Федоров, 2008, с. 379); «*Об обилии чего-л.* <...> Собственно русское выражение. Первоначально употреблялось по отношению к разлитому в бокалы вину» (Мокиенко, 2005, с. 448).

Редким исключением является следующий отрывок (пример 20), в котором для характеристики пьяного человека используется небесное светило — *солнце*:

(20) «*Забрали в солдаты Андрейку Ермолова аккурат с началом германской* <...> *Провожали до ростани во ржи, рожь стояла в голову выше головы, **пьяное солнце бурлило в хмельной голове***» (О. Копытов. Долгая дорога) (НКРЯ).

При образной номинации компоненты, характеризующие алкогольное состояние, переходят и в невакхическое изображение жизни человека:

(21) «*Много было прожито весен, но никогда с такой силой **не бродило в нем вино жизни**... Да еще в самое неподходящее и непоказанное время... **Туманилась голова** неясными предчувствиями...*» (А. Н. Толстой. Хождение по мукам) (Толстой, 2005, с. 746).

В приведенном фрагменте метафора *вино жизни* раскрывается в окружающем контексте посредством глагола *бродить* (о вине) и *туманиваться* (о ментально-эмоциональном состоянии).

Таким образом, интерпретация состояния опьянения часто осуществляется посредством природно-метеорологического кода, причем метеорологические явления осмысливаются как отдельные сущности, оказывающие активное влияние на человека, его перцептивную, интеллектуально-эмоциональную и физическую сферы.

Вакхическая сфера как источник образной номинации для стихийной лексики. Вакхическая лексика, в частности атрибутивы *пьяный, пьянящий, опьяняющий*, характеризует стихию *воздуха*, небесные светила — *луну* и *солнце* — и такие «непогодные» метеорологические явления, как *метель* и *вьюга*.

Чаще всего связь между погодным явлением и человеком не прерывается: введение вакхического кода в описание природы обусловлено восприятием человека. Во-первых, таким способом подчеркивается влияние природы на человека; во-вторых, происходит очеловечивание природы и придание ей качеств и свойств человека.

Субъектно-объектные отношения ситуации винопития переносятся на природу: валентность напитка заполняется наименованием природно-метеорологического явления или сезона года (*воздух, ветер, жара, оттепель, весна*) и новый объект принимает на себя свойства спиртного, оказывает подобное влияние на человека:

(1) *Хотелось спать, голова кружилась от пьяного воздуха* (В. Андреев. Волки); *Чистый, напоенный лесными ароматами карпатский воздух действовал на него опьяняюще* (А. Маринина. Иллюзия греха); *Тем более дачный свежий воздух действует опьяняюще* (Г. М. Артемьева. Фата на дереве); *А мы уселись и набросились на еду с яростью, понятной каждому, кто несколько часов подряд мерил ногами дорогу на опьяняюще свежем воздухе* (В. М. Санин. Мы — псковские!); *Весь день гуляет тяжелый, опьяняющий ветерок и ласково закрывает людям ресницы* (В. П. Катаев. Весенний звон); *Город молчал, <...> лишь изредка по улице тихо, нерешительно шаркали чьи-то шаги, — должно быть, проходили в поисках милостыни мужики, очумевшие от голода и опьяняющей жары* (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина); *Дни, когда на смену дряхлой зиме является молодая, свежая, как пятнадцатилетняя школьница, опьяняющая весна* (Р. Сенчин. Афинские ночи); *«Я не хотел, простите,» — и, припав к колесу, жадно кусал, схватывал, тянул ноздрями воздух, свежий, пьяный воздух марта...* (А. Иличевский. Матисс) (НКРЯ).

В приведенной группе примеров (1) используются: наречие *опьяняюще*; прилагательное *пьяный*; причастие *опьяняющий* в сочетании со словами *воздух (свежий, марта), ветерок, жара, весна*; глаголы *действовать, кружиться (о голове), очуметь*, несущие каузальную нагрузку.

Внутренний мир человека проецируется вовне, находит в окружающей природе подтверждение своим переживаниям: природа в таких ситуациях является зеркалом состояния человека. Мотив вьюги в литературе архетипически связывается с «универсалией хаоса» (Синякова 2019, с. 97), как и мотив вина, а также является «знаком возможных изменений судеб» (Нагина, 2011, с. 47). Так, луна и вьюга становятся образными параллелями для передачи мысли царевича Алексея о возможном царствовании и вызванного ею состояния:

(2) *«Сани быстро неслись по пустынному бору <...> Снег не падал сверху, а снизу клубился по ветру столбами, курился как дым. И светлая лунная вьюга играла, точно пенилась, в голубовато-мутном небе, как вино в чаше. Он [царевич Алексей] вдыхал морозный воздух с наслаждением. Ему было весело, словно в душе его тоже играла светлая вьюга, буйная, пьяная и опьяняющая»* (Д. С. Мережковский. Петр и Алексей) (Мережковский, 2004, с. 175);

(3) *Была зимняя ночь, мороз и вьюга. Он [царевич Алексей] — в одном кафтане, без шубы. На лице слезы и кровь замерзали. Вьюга выла, кружилась, точно пела и плясала, пьяная. И за освещенными окнами дома, тоже плясала и пела пьяная старая шутиха, князь-игуменья Ржевская* (Там же) (Мережковский, 2004, с. 229).

Действия, обозначаемые глаголами *играть*, *пениться*, уподобляются типичным проявлениям вина в бокале; цвет неба — *голубовато-мутный* — сравнивается с цветом материала чаши. Внутреннее эмоциональное состояние царевича Алексея также соотносится со стихией (пример 2). Если в первом отрывке вьюга сравнивается с объектом питания, то во втором фрагменте (пример 3) она становится субъектом, «арсенал» действий непогоды приравнивается к действиям пьяного человека (*шутихи, князь-игуменьи Ржевской*) — *выла, кружилась / пела, плясала*.

Некоторые контексты не передают параллели *природа vs эмоциональное состояние героя*, становятся менее эмоционально насыщенными, но в то же время ракурс осмысления ситуации дан сквозь призму ее восприятия человеком, сторонним наблюдателем:

(4) *«Я даже протолкнулся <...> к столу — Чубик там крутился, как пьяный солнцем шмель»* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени) (НКРЯ);

(5) *«Огромная, мутно-оранжевая, <...> как пьяное солнце, как лживое солнце, смотрела она [луна] своим единственным и еще теплым глазом без зрачка...»* (Б. Ю. Поплавский. Аполлон Безобразов) (НКРЯ).

Во фрагментах 4–5 появляется сторонний взгляд, оценка извне, характеризующая человека, его поведение (4) или светило — Луну — через сравнение с солнцем.

Вакхическая сфера, будучи источником образной номинации для природно-метеорологической области, делает явления природы антропоморфными.

Выводы

Таким образом, природно-метеорологический (такие явления, как *туман, шторм, ветер, молния*), астрономический (*черная дыра*) коды используются при описании алкогольного состояния человека, затрагивают его эмоционально-интеллектуальные и физиологические изменения. Одновременно семантика вакхического кода может проявляться для экспликации стихийных сил природы, их очеловечивания и уподобления человеческому поведению.

Список источников

1. Абрамов, Ф. А. (1987). *Братья и сестры*: в 4 кн. Кн. 3–4. Советская Россия.
2. *Русская фразеология: историко-этимологический словарь* (под ред. В. М. Мокиенко). (2005). Астрель.
3. Булгаков, М. А. (1990). *Белая гвардия*. Детская литература.

4. Булгаков, М. А. (1988). *Мастер и Маргарита*. Художественная литература.
5. *Большой фразеологический словарь русского языка* (под ред. В. Н. Телия). АСТ-Пресс.
6. Грин, А. С. (1986). *Алые паруса; Блестящий мир; Золотая цепь; Рассказы*. Художественная литература.
7. Красных, В. В. (2003). «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Гнозис.
8. Лесков, Н. С. (1956–1958). *Собрание сочинений*: в 11 т. ГИХЛ.
9. Леонтьева, Т. В. (2008). *Интеллект человека в русской языковой картине мира*. Российский государственный профессионально-педагогический университет.
10. Маслова, В. А., & Пименова, М. В. (2016). *Коды лингвокультуры*. Флинта.
11. *Словарь русского языка*: в 4 т. (под ред. А. П. Евгеньевой). (1999). Т. 4. Русский язык; Полиграфресурсы.
12. Мережковский, Д. С. (2004). *Петр и Алексей*. Захаров.
13. Мостицкий, И. Л. (2005–2012). *Универсальный дополнительный практический толковый словарь*. https://mostitsky_universal.academic.ru
14. *Национальный корпус русского языка*. <https://ruscorpora.ru>
15. Нагина, К. А. (2011). «Метельный» мир в творчестве А. Блока, А. Белого, В. Брюсова на фоне литературной традиции. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*, 3, 47–55.
16. Осипова, Э. Н. (2009). *Русский синтаксис: односоставность предложения*. Поморский университет.
17. Пелевин, В. О. (2016). *Любовь к трем цукербринам*. Э.
18. Прилепин, З. (2023). *Грех. Ботинки, полные горячей водкой*. АСТ.
19. Прилепин, З. (2021). *Обитель*. АСТ.
20. Синякова, Л. Н. (2019). «Метельный» текст в прозе А. П. Чехова: поэтика и функции. *Сибирский филологический журнал*, 4, 88–100.
21. Толстой, А. Н. (2005). *Хождение по мукам*. Эксмо.
22. *Толковый словарь русского языка*: в 4 т. (под ред. Д. Н. Ушакова). (1940). Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
23. Федоров, А. И. (2008). *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Астрель, АСТ.
24. Чехов, А. П. (2021). *Дама с собачкой*. Рассказы. АСТ.
25. Чехов, А. П. (2020). *Степь*. Сборник. АСТ.
26. Шарандин, А. Л. (2021). *Морфология современного русского языка*. Флинта.

References

1. Abramov, F. A. (1987). *Brothers and sisters*: in 4 books. Books 3–4. Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).
2. *Russian phraseology: a historical and etymological dictionary* (ed. V. M. Mokienko) (2005). Astrel. (In Russ.).
3. Bulgakov, M. A. (1990). *The White Guard*. Children's literature. (In Russ.).
4. Bulgakov, M. A. (1988). *The Master and Margarita*. Artistic literature. (In Russ.).
5. *A large phraseological dictionary of the Russian language* (edited by V. N. Telia). AST Press. (In Russ.).
6. Green, A. S. (1986). *Scarlet sails; The Shining World; The Golden Chain; Stories*. Xudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

7. Krasnykh, V. V. (2003). «*One's own*» among «*strangers*»: myth or reality? Gnosis. (In Russ.).
8. Leskov, N. S. (1956–1958). *Collected works*: in 11 vols. GIXL. (In Russ.).
9. Leontieva, T. V. (2008). *Human intelligence in the Russian language picture of the world*. Russian State Vocational Pedagogical University. (In Russ.).
10. Maslova, V. A., & Pimenova, M. V. (2016). *Codes of linguistic culture*. Flinta. (In Russ.).
11. *Russian Dictionary*: in 4 vols (edited by A. P. Evgenieva). (1999). Vol. 4. Russkij yazyk; Poligrafresursy. (In Russ.).
12. Merezhkovsky, D. S. (2004). *Peter and Alexey*. Zakharov. (In Russ.).
13. Mostytsky, I. L. (2005–2012). *A universal additional practical explanatory dictionary*. https://mostytsky_universal.academic.ru (In Russ.).
14. *The National corpus of the Russian language*. <https://ruscorpora.ru> (In Russ.).
15. Nagina, K. A. (2011). The «blizzard» world in the works of A. Blok, A. Bely, V. Bryusov against the background of literary tradition. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 3, 47–55. (In Russ.).
16. Osipova, E. N. (2009). *Russian syntax: the one-part nature of a sentence*. Pomernian University. (In Russ.).
17. Pelevin, V. O. (2016). *The love of the three Zuckerbreens*. E. (In Russ.).
18. Prilepin, Z. (2023). *Sin. Boots full of hot vodka*. AST. (In Russ.).
19. Prilepin, Z. (2021). *The monastery*. AST. (In Russ.).
20. Sinyakova, L. N. (2019). The «Blizzard» text in prose by A. P. Chekhov: poetics and functions. *Siberian Journal of Philology*, 4, 88–100. (In Russ.).
21. Tolstoy, A. N. (2005). *Walking through the torments*. Eksmo. (In Russ.).
22. *Explanatory dictionary of the Russian language*: in 4 vols (edited by D. N. Ushakov). (1940). Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostranny'x i nacional'ny'x slovaroj. (In Russ.).
23. Fedorov, A. I. (2008). *Phraseological dictionary of the Russian literary language*. Astrel, AST. (In Russ.).
24. Chekhov, A. P. (2021). *The lady with the dog: stories*. AST. (In Russ.).
25. Chekhov, A. P. (2020). *Steppe: collection*. AST. (In Russ.).
26. Sharandin, A. L. (2021). *Morphology of the modern Russian language*. Flinta. (In Russ.).

Информация об авторе

Димитриева Ольга Альбертовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

Information about the author

Olga A. Dimitrieva — PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.112.2'246

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-89-98

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ГЕРМАНИИ

Беляева Мария Вячеславовна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

belyaevamv@mgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

Аннотация. Анализируются актуальные направления развития немецкого языка в Германии: с одной стороны, взаимодействие языковых форм общения в рамках экспансии английского языка в немецкий язык как формирование полилингвальности; с другой стороны, исторически сложившиеся предпосылки к полилингвизму на основе сосуществования носителей немецкого и турецкого языков на территории страны. Немецкий язык сегодня представляет собой гетерогенную форму существования языка, в которой одновременно обнаруживаются характеристики полилингвизма и полилингвальности, причем полилингвальность, представленная особой формой коммуникации — денглиш, отличается от другой, не менее актуальной формы — кицдойч, рассматриваемой как пиджин. Появляется необходимость уточнения содержания понятий *пиджин*, *креольский язык*, *контаминированный*, или *гибридный язык* с тем, чтобы выявить форматы реализации немецкого языка как средства коммуникации в Германии.

Особое внимание в статье уделено денглиш как форме полилингвальности. Приводится иллюстративный материал, который подтверждает обсуждаемые в статье положения. Полилингвальность на примере немецкого языка свидетельствует о новых и, как представляется, необратимых языковых процессах в Германии.

Ключевые слова: полилингвизм, полилингвальность, гибридный язык, денглиш.

Для цитирования: Беляева, М. В. (2025). Современные тенденции развития немецкого языка в Германии. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 89–98. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-89-98>

Original article

UDC 811.112.2'246

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-89-98

**CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF THE GERMAN LANGUAGE IN GERMANY****Maria V. Belyaeva**Moscow City University,
Moscow, Russia,belyaevamv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

Abstract. The current directions of the development of the German language in Germany are considered: on the one hand, the interaction of linguistic forms of communication within the framework of the expansion of the English language into the German language as the formation of polylingualism, on the other hand, the historically established prerequisites for polylingualism based on the coexistence of native speakers of German and Turkish in the country. The German language today is a heterogeneous form of language existence, in which the characteristics of polylinguism and polylingualism are simultaneously revealed, and the polylingualism represented by a special form of communication «Denglish» differs from another equally relevant form of «Kitzdeutsch», considered as a pidgin. There is a need to clarify the content of the concepts of *Pidgin*, *Creole*, *contaminated*, or *hybrid language* in order to identify the formats of the implementation of the German language as a means of communication in Germany. The article pays special attention to Denglish as a form of multilingualism. Illustrative material is provided, which confirms the provisions discussed in the article. Using the example of the German language, multilingualism testifies to new and, as it seems, irreversible linguistic processes in Germany.

Keywords: polylingualism, polylingualism, hybrid language, Denglish.

For citation: Belyaeva, M. V. (2025). Current trends in the development of the German language in Germany. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 89–98. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-89-98>

Введение

Процессы мировой глобализации стали причиной более тесных межкультурных связей, взаимовлияния и взаимопроникновения языков, на которых говорят народы контактирующих стран. Любой язык сегодня как никогда является динамической структурой, в которой наблюдаются преобразования структурного, лексического, когнитивного, интеграционного характера. Современное поликультурное пространство Германии сформировалось на основе определенных цивилизационных сдвигов в европейских государствах (о соотношении культуры и цивилизации см.: Викулова и др., 2023). В результате таких изменений сложилась ситуация, которая характеризуется доминированием английского языка (преимущественно его американского варианта) как средства международного общения и его проникновением

в другие языки в виде терминов, обозначений, заполнения смысловых лакун и т. д., что приняло уже необратимый характер. В лингвистической литературе прочно укоренились термины *рунглиши*, *денглиши*, *спанглиши*, *франкглиши*, *хиндиши*, *чинглиши* и др., представляющие гибридные языки на основе английского и родного языков.

В результате миграционной политики в современной Германии наблюдается смешивание языков носителей различных культур (западных и восточных), что сформировало особенности межличностной коммуникации. При этом наблюдается достаточно широкий диапазон терминов, в котором осуществляется описание явлений в зависимости от подходов и ракурсов их изучения. Речь идет о таких терминах (о понятии «термин» см.: Гринев-Гриневиц, 2022), как *гибридность*, *гетерогенность*, *полилингвизм*, *полилингвальность*. Этот ряд могут продолжить мультиэтнология, пиджин, креольские, или контаминированные языки как гетерогенные языковые формы.

Попробуем в рамках статьи, насколько нам позволяет избранный формат, представить языковую ситуацию в Германии и охарактеризовать современный немецкий язык как средство межличностной коммуникации.

Методология исследования

В исследовании использован аналитико-прагматический метод, с помощью которого осуществляется дифференциация следующих понятий: полилингвизм и полилингвальность, гибридность и гибридный язык, контаминированные языки и мультиэтнология. Метод описания лингвистических явлений, которому уделено значительное внимание в статье, помогает сфокусироваться на отдельных характеристиках и деталях данных понятий, что, в свою очередь, позволяет разграничить их функциональные пространства. С помощью методов наблюдения, анализа и синтеза устанавливаются особенности полилингвальности в языковом пространстве Германии как реализации принципа гетерогенности немецкого языка.

Результаты и дискуссия

В связи с наличием достаточно большого количества терминов следует начать с уточнения их содержания, прежде всего уделим внимание соотношению понятий полилингвальности и полилингвизма. З. Г. Прошина в своей статье «Транслингвизм и его прикладное значение» (Прошина, 2017) указывает на дифференциацию терминов с многочисленными аффиксоидами типа *поли-*, *транс-*, *би-*, *мульти-*, *кросс-* и др., размежевывая их по значению. Действительно, огромное количество употребляемых сегодня терминов может привести определенную путаницу в понимании сути языковых процессов. Как отмечает автор публикации, наиболее

устоявшимся аффиксоидом выступает приставка *поли-*, что в принципе соответствует русскому наименованию *много-*, т. е., говоря о полилингвальности, мы имеем в виду многоязычие. Поскольку существуют два близких друг другу понятия — *полилингвизм* и *полилингвальность*, необходимо их разграничить, чтобы уточнить наш терминологический выбор. Итак, полилингвизм (многоязычие) отражает, с одной стороны, равно одинаковое владение несколькими языками, а с другой — присутствие нескольких самостоятельно используемых языков на той или иной территории, а также существование нескольких языков в пределах конкретной социальной общности для коммуникации между ее представителями (Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило, URL). В качестве примера полилингвизма можно привести Швейцарию, страну с несколькими официальными языками.

В Германии сложилась весьма интересная ситуация с турецким языком. Страна, где проживают более чем 4 миллиона граждан турецкой национальности, обладающая соответственно огромной диаспорой, говорящей на турецком языке, показывает пример того, как язык мигрантов может завоевать статус полноправного второго языка в государстве. Интересно, что второе и третье поколения турок обычно говорят по-турецки уже с немецким акцентом и даже с влиянием немецких диалектов. В некоторых землях Германии турецкий язык официально утвержден в списке предметов для сдачи при окончании школы. Важно отметить, что во многих немецких школах, где преобладают ученики ненемецкого происхождения, предоставляется возможность изучать немецкий как иностранный (Халина, Торев, 2013, URL). Ссылаясь на приведенный факт, можно говорить о полилингвизме внутри Германии, т. е. о параллельном существовании некоего двуязычия для отдельной категории населения.

Полилингвальность — тоже многоязычие, но отличие состоит в том, что речь идет не о параллельном владении несколькими языками, а о переключении языковых кодов, демонстрирующем коммуникативную мобильность, т. е. о способности адаптироваться в языковой ситуации (Быкова, URL). Казалось бы, грань различия практически невидима (и в том и в другом случае имеется в виду коммуникативный навык общения), но это приводит во многих проанализированных нами публикациях к подмене понятий *полилингвизм* и *полилингвальность*.

В нашем понимании полилингвальность подразумевает не только переключение, но и включение языковых кодов одной системы в другую, что приводит к интеграционному сосуществованию языковых кодов, т. е. полилингвальность предполагает наличие какой-то единой языковой системы с включенными особенностями двух языков (проще говоря, смешивание двух языков для каких-то коммуникативных целей), а принцип смешивания лежит как раз в основе гибридности. Теперь мы подошли к следующему актуальному для нас понятию — *гибридный язык*, или *гибридизация в лингвистике*. Гибридные языки имеют несколько параллельных обозначений: пиджин, креольские, или контаминированные языки. Кратко остановимся на них.

Термином *пиджин* принято обозначать систему грамматически упрощенных средств общения, используемых некоторыми группами людей, не имеющих общего языка: словарный запас и грамматика пиджина ограничены и часто представляют собой переплетение заимствованных из нескольких языков лексических и грамматических форм (Уметалиева-Баялиева, 2016). В качестве примера можно привести так называемый кицдойч (*Kiezdeutsch*), представляющий собой смесь немецкого и по большей части турецкого и других языков мигрантов в Германии, при этом языковая ситуация складывается так, что немецкий язык как официальный язык страны обязателен для всех, проживающих на данной территории, но недостаточный уровень владения немецким языком и коммуникативные затруднения вследствие этого приводят к возникновению гибридного языка общения жителей урбанистических окраин — кицдойч. Это форма коммуникации, которую трудно классифицировать как язык, поскольку используется в основном подростками, которые в школе говорят на немецком языке, а на улице — на кицдойч, поскольку он грамматически и лексически проще нормативной формы немецкого языка. Однако кицдойч не развился до статуса креольского языка. Последний рассматривается как дальнейшая ступень эволюции пиджина, который постепенно становится родным для значительной части смешанного по происхождению населения и превращается в самостоятельный язык. Эти оба термина в принципе подходят для обозначения языка межличностного общения людей внутри страны, но принадлежащих различным языковым культурам. Как отмечает Н. Ф. Михеева в своей публикации, посвященной названной проблематике, «пиджины и креольские языки почти всегда имеют низкий статус, даже когда они являются языками большинства» (Михеева, 2014). Таким образом, кицдойч существует как форма определенной социальной группы — подростков-тинейджеров, приобретая черты сленга (*Morgen isch geh Schule, lan / завтра в школу я иду, приятель* — весьма приблизительный перевод, в немецком предложении нарушен порядок слов, отсутствует предлог, а слово *lan* — заимствование из турецкого), примеры кицдойч см.: Pohle, Schumann, 2014.

Если кицдойч в Германии — средство общения преимущественно среди подростков, то другой вариант смешанного (гибридного) языка — денглиш — используется как в повседневном общении молодежи более широкой возрастной группы, так и в сфере рекламы, IT-технологий и т. д. Таким образом, в Германии наряду с полилингвизмом существует и полилингвальность, которая выражается в существовании смешанных, или гибридных языков.

Нельзя обойти вниманием понятие контаминации как языкового инструмента для объединения в одно целое структурных элементов двух языковых единиц на базе функциональной или семантической близости. Контаминация может иметь место внутри одного языка, например в немецком языке известны такие примеры, как: *Kurlaub* = *Kur* + *Urlaub* (отпуск на курорте), контаминация возможна и между двумя языками, например в немецком языке *das Großevent* = *groß* + *event* (первая часть — нем. большой, вторая часть — англ. событие).

Гибридный язык денглиш не является, на наш взгляд, ни пиджином, ни креольским языком, а вот контаминация как способ структурирования слов и предложений вполне отвечает тем преобразованиям, которые характеризуют гибридный язык. Мы будем использовать термин «гибридный язык» как общее обозначение языкового феномена с учетом того, что контаминация часто выступает формой организации языкового материала в рамках гибридности, в том числе и формой полилингвальности как способности переключения языковых кодов.

Перейдем к рассмотрению денглиш и дадим его основные характеристики как гибридного языка / формы полилингвальности носителей немецкого языка.

Обозначение смешивания немецкого и английского языков словом «денглиш» впервые зафиксировано в 1965 году. Интенсивное влияние английского языка на немецкий с течением времени в результате процесса глобализации набирает обороты; впрочем, аналогичные процессы англо-американизации языков отмечены во всем мире, просто между немецким и английским языками гораздо больше точек соприкосновения, чем, например, между английским и русским языками.

Необходимо различать между собой процесс заимствования англицизмов и гибридизацию языков как смежные, но далеко не идентичные лингвистические феномены. Заимствования приходят в принимающий язык как функционально необходимые слова для обозначения тех или иных инновационных явлений и ситуаций, для которых либо нет терминов в принимающем языке, либо их обозначение сопряжено с определенными языковыми трудностями.

Немецкий язык содержит многочисленные случаи английских заимствований, которые в настоящее время полностью адаптировались как немецкие слова, например *Dampfmaschine* — паровой двигатель, *Pferdestärke* — лошадиная сила, *Wolkenkratzer* — небоскреб и многие другие (здесь и далее примеры — Банщикова, 2009).

Можно отметить существенное влияние английского языка на немецкий язык через поп-культуру США, через развитие и внедрение новейших технологий, в том числе компьютерных. Это привело к формированию определенного делового жаргона в принимающем языке (Банщикова, 2009). Многие из более поздних заимствований появились прежде всего в разговорном языке, поэтому их орфография сохраняется на письме в немецком языке, что приводит к смешиванию языков, сочетающему немецкие морфемы с английскими основами слов, как в широко известных контаминированных формах: *gebootet* («загруженный» компьютер), *gecrasht* или *gecrashed* («разбившийся» компьютер), *downgeloadet*, *gedownloadet* или *gedownloaded* («загруженный»). Подобные словоформы, как нам представляется, находятся на пути превращения заимствований в лексико-структурные компоненты денглиш — гибридного языка, поскольку это уже не только номинативные словарные единицы, а синтаксически адаптированные

единицы, встраиваемые в немецкие предложения по грамматическим нормам принимающего языка.

Важно подчеркнуть, что границы между заимствованиями и денглиш не являются жесткими, они позволяют интегрировать английские слова на определенной стадии динамического развития в принимающий язык. Главным критерием разграничения можно считать наличие или отсутствие обусловленного функциональной необходимостью употребления англицизма как заполнителя понятийной лакуны, например хорошо известные англицизмы: *jeans, netbook, Biker, Snowboard, Image*. Данные слова — интернационализмы, они без труда понимаются носителями не только немецкого, но и русского языка. Тем не менее для наименования многих видов деятельности используются собственные немецкоязычные обозначения, хотя, казалось бы, проще применять интернационализмы, например дайвинг — *Tauchen* (ныряние) или копирайтер — *Texter* (обработчик текстов).

Если в языке нет соответствующего понятного обозначения, т. е. налицо понятийная лакуна, то английское слово будем считать заимствованием. А если английское слово появляется в языке как параллельное и понятийно не обусловленное, а, скорее, как дань моде или как разговорный аналог какому-то наименованию родного языка, то речь идет о гибридизации языковых форм.

Анализируя ситуацию с современным немецким языком, лингвисты обращаются к понятию *мультиэтнOLEKTA*, объединяющему носителей турецкого, арабского, курдского, немецкого и других языков (Вечканова, 2022), представляя их гибридизацию в немецком языке, т. е. своеобразный микс, который грамматически и фонетически проще немецкого языка и включает в себя лексические единицы из перечисленных языков. Основываясь на этом определении, кицдойч можно рассматривать как мультиэтнOLEKTA в немецком языке, так как он базируется на ряде особенностей языков, на которых говорят мигранты в Германии, что и лежит в основе их коммуникативного поведения, в отличие от коммуникативного поведения немцев, для сравнения см.: Карданова-Бирюкова, 2018. Денглиш же используется сегодня определенными группами носителей немецкого языка (в значительной степени молодежью) для реализации коммуникативных целей в различных областях и сферах жизнедеятельности, о чем говорилось ранее.

Заключение

Современный немецкий язык существует в гетерогенной форме: об этом свидетельствует наличие литературного письменного и устного языка, разговорной речи, диалектов — того, что является общеизвестными формами его существования. Гетерогенный характер немецкого языка сегодня дополнен рассмотренными здесь форматами реализации как средствами коммуникации различных слоев населения: денглиш и — в меньшей степени — кицдойч.

В принципе, и кицдойч, и денглиш являются примерами гибридизации языков, но денглиш более последовательно проявляет особенности данного процесса. Гибридизация языков представляет собой другой уровень языковой ассимиляции, которая приводит, образно говоря, к подстраиванию языков одного к другому. Это не вкрапления слов английского языка в немецкий или иной язык, а полноценные грамматические/синтаксические построения на смешанном языке. В немецком языке, например: *Du musst den Computer rebooten* (англ. reboot вместо нем. neustarten — перезагрузить). *Hast du schon das Update gedownloadet?* (англ. update download вместо нем. die Aktualisierungen heruntergeladen — скачать обновления). Примеры хорошо известны широкому кругу пользователей интернет-пространства.

В денглиш речь идет об интеграции в структуру предложений принимающего языка английских слов в той грамматической форме, которая свойственна немецкому языку: для существительных написание с заглавной буквы, склонение и употребление с артиклями, спряжение глаголов и их изменение по временным формам в части образования претерита и перфекта. Не менее важным показателем гибридности языков в денглиш служит наличие псевдоанглицизмов, например: *Handy* (англ. mobilephone (UK) или cellphone (US)), *Mailbox* (англ. voicemail), *Beamer* (англ. projector), *Timer* (англ. diary, personalorganizer) и др. (Денглиш..., URL). Полилингвальность при этом как раз и есть главная составляющая, организующая объединение немецко-английских лексико-грамматических единиц в единый коммуникативный контекст. Кицдойч, в отличие от денглиш, имеет менее широкий диапазон применения и больше ограничений в своем использовании как средства коммуникации (определенная возрастная и социально детерминированная группа жителей Германии), что предопределено преднамеренным снижением уровня грамматической правильности речи.

Список источников

1. Викулова, Л. Г., Ермоленко, Г. А., Жукоцкая, А. В., Змазнева, О. А., Кожевников, С. Б., Михайлова, С. В., Рянская, Э. М., Тарева, Е. Г., Тройникова, Е. В., Смирнова, А. И., & Черненькая, С. В. (2023). *Язык, культура, социум: essentiaetexistentia*. Монография. С. В. Черненькая (Отв. ред.). МГПУ; Книгодел.
2. Гринев-Гриневич, С. В., Сорокина, Э. А., & Молчанова, М. А. (2022). Еще раз к вопросу об определении термина. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика*, Т. 13, 3, 710–729.
3. Прошина, З. Г. (2017). Транслингвизм и его прикладное значение. *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, Т. 14, 2, 155–170.
4. *Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило*. (2024, 10 октября). https://lingvistics_dictionary.academic.ru/
5. Халина, Н. В., & Торov, Я. В. (2013). Гибридизация языков как одна из особенностей языковой ситуации современной Европы. *Международный научно-исследовательский журнал*, 7(14). <https://research-journal.org/archive/7-14-2013-july/language-hybridization-as-a-feature-of-language-situation-in-modern-europe>

6. Быкова, Н. О. *Переключение языковых кодов как характеристика полилингвальности*. (2024, 1 октября). <https://cyberleninka.ru/article/n/pereklyuchenie-yazykovyh-kodov-kak-harakteristika-polilingvalnosti/viewer>
7. Уметалиева-Баялиева, Ч. (2016). *Рождение языков: жаргон, пиджин, смешанные языки, креольские языки*. (2024, 1 октября). <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-yazykov-zhargon-pidzhin-smeshannyye-yazyki-kreolskie-yazyki/viewer>
8. Михеева, Н. Ф. (2014). Пиджины и креольские языки: перспективы развития. *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, 2, 5–9.
9. Pohle, M., & Schumann, K. (2014). Keine Angst vor Kiezdeutsch! Zum neuen Dialekt der Multikulti-Generation. *Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe*, 3, 216–224.
10. Банщикова, М. А. (2009). О влиянии основных вариантов английского языка на немецкий язык. *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, 2, 29–33.
11. Вечканова, Э. Ю. (2022). Современные трансформации в мультикультурном пространстве: формирование новых вариантов германских языков. *Международный научно-исследовательский журнал*, 6(120), Ч. 3, 33–35.
12. Карданова-Бирюкова, К. С. (2018). Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование). *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание*, Т. 17, 1, 85–97.
13. Денглиш: как в немецком языке используют английские слова. (2024, 10 октября). <https://deseite.ru/denglish-kak-v-nemeczkom-yazyke-ispolzuyut-anglijskie-slova/?ysclid=lp3vk033g3823346891>

References

1. Vikulova, L. G., Ermoolenko, G. A., Zhukotskaya, A. V., Zmazneva, O. A., Kozhevnikov, S. B., Mikhailova, S. V., Ryanskaya, E. M., Tareva, E. G., Troynikova, E. V., Smirnova, A. I., & Chernenkaya, S. V. (2023). *Language, culture, society: essentiaetexistential*. Monograph. S. V. Chernenkaya (Ed.). MCU; Knigodel. (In Russ.).
2. Grinev-Grinevich, S.V., Sorokina, E. A., & Molchanova, M. A. (2022). Reconsidering the definition of the term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, Vol. 13, 3, 710–729. (In Russ.).
3. Proshina, Z. G. (2017). Translinguism and its applied significance. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, Vol. 14, 2, 155–170. (In Russ.).
4. *Dictionary of linguistic terms T. V. Zhrebilo*. (2024, October 10). https://lingvistics_dictionary.academic.ru/ (In Russ.).
5. Khalina, N. V., & Torov, Ya. V. (2013). Hybridization of languages as one of the features of the language situation in modern Europe. *International Research Journal*, 7(14). <https://research-journal.org/archive/7-14-2013-july/language-hybridization-as-a-feature-of-language-situation-in-modern-europe> (In Russ.).
6. Bykova, N. O. *Language code switching as a characteristic of multilingualism*. (2024, October 1). <https://cyberleninka.ru/article/n/pereklyuchenie-yazykovyh-kodov-kak-harakteristika-polilingvalnosti/viewer> (In Russ.).
7. Umetalievva-Bayalievva, Ch. (2016). *The birth of languages: slang, pidgin, mixed languages, creoles*. (2024, October 1). <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-yazykov-zhargon-pidzhin-smeshannyye-yazyki-kreolskie-yazyki/viewer> (In Russ.).

8. Mikheeva, N. F. (2014). Pidgins and Creole Languages: development prospects. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 2, 5–9. (In Russ.).
9. Pohle, M., & Schumann, K. (2014). Keine Angst vor Kiezdeutsch! Zum neuen dialekt der multikulti-generation. *Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe*, 3, 216–224.
10. Bانشchikova, M. A. (2009). On the influence of the main variants of the English Language on the German Language. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 2, 29–33. (In Russ.).
11. Vechkanova, E. Yu. (2022). Modern transformations in the multicultural space: formation of new variants of Germanic Languages. *International Research Journal*, 6(120), 33–35. (In Russ.).
12. Kardanova-Biryukova, K. S. (2018). Features of communicative behavior of native Russian speakers in interpersonal communication (experimental study). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, Vol. 17, 1, 85–97. (In Russ.).
13. Denglish: how English words are used in German. (2024, October 10). <https://deseite.ru/denglish-kak-v-nemeczkom-yazyke-ispolzuyut-anglijskie-slova/?ysclid=lp3vk033g3823346891> (In Russ.).

Информация об авторе

Мария Вячеславовна Беляева — кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Maria V. Belyaeva — PhD (Philology), Professor, Full Professor at German Language and Linguistic Didactics Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.134.2-92:394.24

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-99-119

**ЛЕГИТИМАЦИЯ И ДЕЛЕГИТИМАЦИЯ КОРРИДЫ
В ИСПАНСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ****Горностаева Юлия Андреевна**Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия,yulyatald@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления специфики языковой (де) легитимации корриды в испанском массмедийном пространстве. Исследование характеризуется научной новизной в силу того, что впервые коррида рассматривается как объект (де)легитимации. Цель исследования — выявить стратегии и субстратегии легитимации и делегитимации корриды в испанском массмедийном дискурсе, а также проанализировать актуализирующие их языковые средства. Результаты анализа позволяют заключить, что коррида легитимируется посредством стратегии рационализации, реализация которой происходит с помощью инструментальной субстратегии, субстратегий «определение» и «предсказание». Легитимность корриды конструируется: 1) через вынесение положительной оценки корриде посредством указания на ее культурно-историческую значимость; 2) позиционирование корриды как прибыльного бизнеса; 3) предсказание негативных экономических последствий отмены корриды; 4) определение корриды через право человека на свободу. Делегитимация корриды наиболее эффективно осуществляется при помощи стратегии моральной оценки, актуализация которой направлена на дискредитацию корриды через формирование представления о жестокости и бессмысленности данной культурной традиции. При этом (де)легитимирующий эффект усиливается стратегией апелляции к авторитету, в качестве которого выступают эксперты, государственные структуры и мнение большинства. Проведенный анализ указывает на то, что в массмедийном пространстве Испании наблюдается взаимопроникновение двух противоположных друг другу процессов — легитимации и делегитимации корриды, что, в свою очередь, свидетельствует о различии взглядов современного испанского общества на данную культурную традицию.

Ключевые слова: коррида, легитимация, делегитимация, массмедийный испанский дискурс, рационализация, моральная оценка, апелляция к авторитету.

Для цитирования: Горностаева, Ю. А. (2025). Легитимация и делегитимация корриды в испанском массмедийном дискурсе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 99–119. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-99-119>

Original article

UDC 821.134.2-92:394.24

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-99-119

LEGITIMATION AND DELEGITIMATION OF BULLFIGHTING IN THE SPANISH MASS MEDIA DISCOURSE

Yulia A. Gornostaeva

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia,yulyatald@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Abstract. The article is devoted to the problem of identifying the specifics of linguistic (de)legitimation of bullfighting in the Spanish mass media space. The study is characterized by scientific novelty due to the fact that for the first time bullfighting is considered as an object of (de)legitimation. The purpose of the study is to identify the strategies and tactics of legitimation and delegitimation of bullfighting in the Spanish mass media discourse, as well as to analyze the linguistic means that actualize them. The results of the analysis of the empirical material allow us to conclude that bullfighting is legitimized through the rationalization strategy, the implementation of which occurs with the help of instrumental tactics, the tactics of «definition» and «prediction». Thus, the legitimacy of bullfighting is constructed: 1) through a positive assessment of bullfighting by pointing to its cultural and historical significance; 2) positioning bullfighting as a profitable business; 3) predicting the negative economic consequences of the abolition of bullfighting; 4) defining bullfighting through a human right to freedom. The delegitimization of bullfighting is most effectively carried out using the strategy of moral evaluation, the actualization of which is aimed at its discrediting through the formation of an idea of the cruelty and senselessness of this cultural tradition. At the same time, the (de)legitimizing effect is always enhanced by the strategy of appealing to authority, which is represented by experts, government agencies and the opinion of the majority. The conducted analysis indicates that in the mass media space of Spain, there is an interpenetration of two opposing processes — the legitimation and delegitimation of bullfighting — which, in turn, indicates the difference in views of modern Spanish society regarding this cultural tradition.

Keywords: bullfighting, legitimation, delegitimation, Spanish mass media discourse, rationalization, moral evaluation, appealing to authority.

For citation: Gornostaeva, Yu. A. (2025). Legitimation and delegitimation of bullfighting in the spanish mass media discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 99–119. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-99-119>

Введение

Для многих коррида — это традиционное испанское искусство, берущее начало в иберийской культуре, пронизанное соревновательным духом наследие страны, что привлекает множество туристов со всего мира. Однако в последнее время вокруг этого неотъемлемого элемента

испанской культуры развернулись непримиримые споры, повлекшие за собой запрет корриды в некоторых автономных сообществах Испании. Наложение разного рода ограничений обусловило необходимость восстановления легитимности корриды. Так, в современном испанском массмедийном пространстве одновременно разворачиваются противоположные друг другу процессы — легитимации и делегитимации корриды.

Актуальность тематики обусловлена обострившимися в последнее время дебатами относительно целесообразности проведения корриды в Испании, а также стремлением властей некоторых автономных сообществ запретить данную традицию. Так, в ряде автономных сообществ Испании — в Каталонии, на Канарских и Балеарских островах — коррида полностью запрещена на законодательном уровне, или введены ограничения. Таким образом, современное испанское общество разделилось на тех, кто считает корриду бессмысленной и жестокой расправой над быками, и тех, кто настаивает на чрезвычайной значимости данной культурной традиции. Кроме того, работа актуальна в силу набирающих все большую популярность исследований процессов языковой (де)легитимации.

Материалом анализа являются массмедийные тексты о корриде на испанском языке общим объемом более 120 000 знаков. Тексты извлечены с сайтов таких периодических изданий Испании, как *El País*, *El Mundo*, *La Vanguardia*.

К методам исследования относятся: дискурсивный, лексико-семантический и контекстный анализ, а также элементы общенаучных методов обобщения и систематизации.

Легитимация и делегитимация в СМИ как обратные процессы придания и лишения легитимности

Легитимация как научный термин, получивший сегодня широкое распространение в рамках сразу нескольких научных направлений, обозначает «признание или подтверждение законности» (Колмогорова, 2018, с. 33), что мотивировано внутренней формой самого слова, восходящего к *лат.* *lex, legis* (закон). В процессе легитимации некоторый феномен приобретает правомерность и начинает восприниматься членами социума как приемлемый и легитимный (Suchman, 1995), а языковое конструирование положительной ценностной ориентации объекта легитимации и вписывание его в систему существующих норм и культурных паттернов позволяют определить легитимацию в более узком смысле — как дискурсивную стратегию (Fairclough, 2003; Francesconi, 1982; Vaara, 2008).

Легитимация как дискурсивная стратегия реализуется главным образом посредством формирования положительного образа объекта легитимации, в качестве него могут выступать центральные политические деятели, общественные институты или новые социально значимые феномены (Screti, 2013, с. 212), что, в свою очередь, позволяет оправдать их в глазах большей части социума (Deerhouse, 2008).

Выделяется несколько ключевых стратегий легитимации.

I. Апелляция к авторитету предполагает привлечение социального ресурса для представления определенной точки зрения и реализуется при помощи следующих субстратегий: 1) обращения к личному авторитету человека с высоким социальным статусом; 2) обращения к авторитету эксперта в сфере, в которой происходит легитимация; 3) использования авторитета известной личности, чья деятельность широко освещается в СМИ; 4) обращения к безличному авторитету структуры, общественного института или нормы; 5) обращения к авторитету традиции; 6) обращения к авторитету большинства (Колмогорова, 2018; Van Leeuwen, 2008).

II. Стратегия моральной оценки заключается в установлении ценности объекта в рамках категорий «хорошо – плохо» и включает в себя такие субстратегии, как: 1) оценочная субстратегия, используемая для выражения моральной оценки объекта; 2) субстратегия абстрагирования, предполагающая проведение оценки объекта через обобщения на более абстрактном уровне; 3) субстратегия аналогии, направленная на обоснование ценности объекта по аналогии с другим объектом, имеющим неоспоримую ценность и значимость (Van Leeuwen, 2008).

Стратегия рационализации позволяет структурировать и концептуализировать объект легитимации (X) в языковом сознании целевой аудитории и актуализируется посредством следующих субстратегий: 1) целевой субстратегии, основанной на представлении о том, что X необходим для получения Y ; 2) инструментальной субстратегии, предполагающей достижение Y при помощи X ; 3) субстратегии, ориентированной на результат, где Y — это всегда результат X ; 4) субстратегии «определение», с помощью которой объект легитимации X определяется через призму другой социально значимой деятельности или категории; 5) субстратегии «разъяснение», описывающей объект легитимации X с точки зрения оправданности и необходимости в данной конкретной ситуации и сфере; 6) субстратегии «предсказание», помещающей объект легитимации X в будущий позитивный или негативный социальный контекст от имени экспертов и позволяющей предсказать некоторые позитивные или негативные социальные изменения (Van Leeuwen, 2008).

Мифопоэтическая стратегия обращена к основам мифопоэтического сознания и реализуется при помощи ряда субстратегий, актуализирующих различные типы повествования: 1) поучительный рассказ, предполагающий, что линия поведения протагониста соответствует определенной общественной модели, что приводит его к успеху и вознаграждению; 2) апокрифический рассказ со свойственным ему развитием событий с трагическим концом, поскольку действия протагониста идут вразрез с существующей общественной моделью; 3) намеренное разворачивание одной сюжетной линии, стиль изложения содержит яркие оценочные суждения и преувеличения; 4) символическое или инвертированное повествование, где объект легитимации наделяется

символической функцией — становится символом новой эпохи (Van Leeuwen, 2008).

Данные формы легитимации могут применяться по отдельности или в комбинации, а также использоваться как для придания легитимности, так и для критики и дискредитации (Van Leeuwen, 2008).

Каждый социальный институт стремится легитимировать себя, т. е. сформировать позитивное отношение к себе и узаконить свой статус (Козачина, 2020). Общество признает право на деятельность того института, который воспринимается как легальный, авторитетный, заслуживающий доверия и вызывающий позитивные эмоции. Так, специалистами разрабатываются целые сценарии легитимации, профессионально воплощаемые в жизнь рекламой, PR и СМИ (Ромашова, 2013, с. 126).

В исследованиях теоретических основ легитимации выделяются: 1) ее **уровни** (прагматический, моральный, когнитивный (Suchman, 1995, с. 574–579)); 2) **стадии** (теоризации, продвижения нововведения, окончательного укоренения (Tolbert, Zucker, 1996, с. 181)); 3) **сферы действия** (педагогический дискурс (Van Leeuwen, 2008; Козачина, 2020)); экономический дискурс (Lepistö, 2014); политический дискурс (Reyes, 2011; Rizwan, 2019; Fairclough, 2008; Abdi, 2018; Poblete, 2011; Колмогорова и Горностаева, 2021a); 4) **условия легитимности** (законность объекта легитимации, согласие членов общества с решениями власти относительно объекта легитимации, соответствие решений власти интересам общества) (Beetham, 1991, с. 78).

Отечественные и зарубежные авторы продолжают развивать теоретические положения легитимации, а также вносить свой посильный вклад в изучение легитимации на практике. Разрабатывается особое понимание легитимации, фокусируемое на нормализации и влиянии речи на формирование общественного восприятия (Simpson, 2021); рассматривается конструирование легитимности в рамках различных политических режимов (Haldenwang, 2017); изучается эмоциональная специфика легитимации и легитимирующий потенциал эмоций (Reyes, 2011; Колмогорова и Горностаева, 2021б); выявляются стратегии легитимации и делегитимации различных социально значимых явлений (Горностаева, 2021), общественных институтов и политических персоналий (Колмогорова и Горностаева, 2021а, 2021б).

Легитимация представляет собой процесс, нацеленный на достижение легитимности социального или политического феномена в некотором сообществе, а делегитимация, в свою очередь, — это противоположный легитимации процесс лишения правомерности (Горностаева, 2021). Легитимирующие стратегии выступают частью борьбы за легитимность и доминирование в информационном пространстве и играют важную роль в формировании общественного мнения о власти.

Коррида в Испании — наследие или насилие

Коррида, известная как искусство боя с быками, представляет собой национальную традицию с многовековой историей, имеющую отражение в различных сферах жизни испанского общества (Соловьева, 2007). Известный поэт Федерико Гарсиа Лорка говорил, что, не поняв корриду, невозможно понять душу испанца.

Наскальные изображения быков, созданные несколько тысяч лет тому назад, свидетельствуют о том, что история корриды началась с иберов, обитавших на Пиренейском полуострове и считавших быка священным животным (Соловьева, 2008). Образ быка встречается в самых древних письменных памятниках Средиземноморья в разнообразных интерпретациях: как объект охоты, тотемное животное, символ плодородия и мужского начала, а в некоторых источниках — женского начала (Соловьева, 2007).

Коррида берет начало в древних свадебных обрядах и обрядах инициации, во время них проводились сакральные игры и жертвоприношения с участием быка, ставшего символом репродуктивной потенции. Испанцы видят сходство между завоеванием женщины и победой над быком, потому что воспринимают женщину как мятежное существо, которое нужно усмирять теми же способами, что и быка во время корриды (Пантелеева, 2006, с. 252). Изначально ритуальное убийство быка совершалось только жрецами, но уже к VIII веку бои с быком стали популярным развлечением испанской знати (Соловьева, 2008).

Для многих Испания и коррида существуют в неразрывном единстве, однако в последние десятилетия различные организации по защите прав животных, некоторые политики и рядовые граждане предпринимают попытки отменить эту традицию, ссылаясь на ее жестокость и бессмысленность. В 2007 году стартовала кампания по запрету трансляции корриды, многие центральные телеканалы добровольно отказались от показа боев, а активисты подписывали петиции с требованиями запретить издевательства над быками. Одним из первых регионов Испании, где был введен запрет на корриду, стала Каталония, но решение ее парламента было отменено Конституционным судом Испании. Так, испанское общество разделилось на два лагеря: одни считают, что коррида — это беспощадное и неразумное развлечение, а другие заявляют, что бои с быками остаются важной частью культуры всего испаноязычного общества, национальным культурным наследием и значительным источником заработка.

Легитимация корриды в испанском массмедийном пространстве

При легитимации корриды журналисты прибегают к использованию двух ключевых стратегий: рационализации и моральной оценки, нередко сочетающихся со стратегией апелляции к авторитету.

В примерах 1–3 посредством субстратегии «определение» актуализируется стратегия рационализации, направленная на определение объекта легитимации через призму некоторой другой социально значимой деятельности: 1) коррида определяется через право человека на свободу, через категорию уважения к культуре; 2) репрезентируется как неотъемлемая часть испанской культуры, которая по своей сути не нуждается в одобрении большинства (подробный разбор лексических единиц, актуализирующих каждую стратегию, представлен в таблице 1).

Таблица 1 / Table 1

Стратегии, субстратегии и языковые средства легитимации корриды в испанской прессе

Strategies, substrategies and linguistic means of bullfighting in the Spanish press

Стратегия	Субстратегия	Контекст	Актуализирующие языковые средства
Стратегия моральной оценки	Оценочная субстратегия	Подчеркивается необходимость и значимость корриды как одного из ключевых элементов испанской культуры	<p>Лексико-тематическая группа «культура»: <i>patrimonio cultural inmaterial</i> (нематериальное культурное наследие), <i>los usos sociales, rituales y actos festivos</i> (социальные обычаи, ритуалы и праздничные мероприятия), <i>tradiciones y expresiones orales</i> (традиции и устные выражения), <i>consideración cultural</i> (культурное значение).</p> <p>Лексемы с семантикой объединения: <i>actos participativos</i> (совместное мероприятие), <i>todos</i> (все).</p> <p>Перечисление возрастных групп: <i>jóvenes, adultos y gente más mayor</i> (молодежь, взрослые и люди постарше).</p> <p>Эмотивные существительные <i>emoción y devoción</i> (волнение и благоговение)</p>

Стратегия	Субстратегия	Контекст	Актуализирующие языковые средства
Стратегия рационализации	Инструментальная субстратегия	Направлена на придание корриде правомерности путем указания на важность данного мероприятия как прибыльного бизнеса: создаются новые рабочие места, растет благосостояние граждан, государство пополняет казну налогами	<p>Лексика из экономической сферы: <i>empleos/ puestos de trabajo</i> (рабочие места), <i>ingresos</i> (доходы), <i>impuestos</i> (налоги), <i>IVA</i> (НДС), используемая в сочетании с глаголами с семантикой создания <i>generar</i> (производить), <i>crear</i> (создавать).</p> <p>Числительные: <i>miles de puestos de trabajo</i> (тысячи рабочих мест), <i>300 millones de euros</i> (300 млн евро), <i>80.000 empleos directos</i> (80 000 прямых рабочих мест), <i>146.000 indirectos</i> (146 000 косвенных рабочих мест), <i>132.000 puestos de trabajo</i> (132 000 рабочих мест).</p> <p>Прилагательные и существительные с положительной оценочной семантикой: <i>benéfica</i> (благотворительная)</p>
	Субстратегия «предсказание»	Перечисляются возможные негативные экономические последствия при запрете корриды: разрушение экономики, ухудшение благосостояния граждан	<p>Лексические единицы с семантикой «ухудшение» и «потеря»: <i>pérdida de empleos</i> (потеря рабочих мест), <i>el impacto a la economía de las familias</i> (влияние на экономику семей)</p>
	Субстратегия «определение»	<p>Определение объекта легитимации через призму некоторой другой социально значимой деятельности/категории:</p> <p>1) коррида определяется через право человека на свободу и уважение к культуре;</p> <p>2) коррида приравнивается к культуре, истории и искусству Испании</p>	<p>Лексические единицы с семантикой «свобода» и «уважение»: <i>el respeto por la cultura</i> (уважение к культуре), <i>la libertad cultural</i> (культурная свобода), <i>un terreno de libertad</i> (земля свободы), <i>los ciudadanos libres</i> (свободные граждане), <i>la libertad de ir a los toros</i> (свобода посещать корриду), <i>soberano</i> (обладающие суверенным правом).</p> <p>Лексические единицы из лексико-тематической группы «культура» в конструкциях с глаголом-связкой <i>ser</i>: <i>la tauromaquia es cultura</i> (тавромахия — это культура), <i>los toros son historia y cultura</i> (быки — это культура и история), <i>la corrida es parte de las artes del espectáculo</i> (коррида — это часть зрелищной культуры)</p>

Стратегия	Субстратегия	Контекст	Актуализирующие языковые средства
Стратегия апелляции к авторитету	Субстратегия апелляции к личному авторитету	Среди авторитетных личностей: президент ассоциации «Актуа Балеарес» Хорхе Кампос, министр культуры и спорта Хосе Мануэль Родригес Урибес, профессор классической филологии и французский антрополог Франсуа Зумбиль, премьер-министр Франции Жан Кастекс, майоркинский художник Доминго Сапата, мэр города Истр, президент Национальной ассоциации заводчиков быков Рамиро Алаторре и др.	Прямое цитирование и косвенная речь, выраженная глаголами <i>decir</i> (сказать), <i>pedir</i> (просить), <i>exigir</i> (требовать), <i>finalizar con palabras</i> (завершить словами), <i>defender</i> (защищаться/отстаивать точку зрения), <i>añadir</i> (добавить), <i>considerar</i> (полагать), <i>anunciar</i> (объявить), <i>reivindicar</i> (заявить) и т. п., а также вводными конструкциями, указывающими на источник сообщения — <i>a su juicio</i> (на его взгляд), <i>en su opinión</i> (по его мнению) и т. д.

Так, пресса (пример 1) говорит о том, что политики не имеют права оказывать какое-либо влияние на культурные традиции свободного народа Испании, поскольку запрет корриды — это запрет одного из ключевых прав человека — права на свободу передвижения. Вербализациями данного аспекта легитимации служат конструкции, выражающие призывы и требования по отношению к политикам, выступающим против корриды. На уровне грамматики используется *modo subjuntivo* в сочетании с глаголом *exigir* (требовать), а в подчинительной части сложного предложения употребляется метафорическое выражение *sacar las manos de la cultura* (убрать руки от культуры). Таким образом, журналисты требуют от политиков держаться подальше от культурных традиций испанского народа, в том числе от корриды.

(1) *Y es que los toros, la danza o el teatro no van de gustos, tienen que ver con el respeto por la cultura, por la libertad cultural, sea esta de unos pocos o de una mayoría, la entiendas o no la entiendas, la compartas o no la compartas <...> Estamos a tiempo de exigir a estos políticos que saquen sus manos de la cultura, un terreno que no les pertenece, un terreno de libertad donde solo los ciudadanos libres somos soberanos para decidir* (здесь и далее выделено нами. — Ю. Г.) (Cataluña en su declive: ayer las corridas de toros, hoy los correbous, mañana cualquier cosa. El Mundo. 01.11.2023) / И дело в том, что ни быки, ни танцы, ни театр не зависят

от вкусов, они связаны с **уважением к культуре**, к **культурной свободе**, независимо от того, сколько человек являются ее носителями, понимаете вы ее или нет, разделяете вы ее или не разделяете <...> Сейчас самое время, чтобы **потребовать от этих политиков убрать руки от культуры и земли, которая им не принадлежит, земли свободы**, где только свободные граждане имеют суверенное право принимать решения.

(2) *...otros estados como Hidalgo, Guanajuato, Zacatecas, Querétaro y Tlaxcala, han declarado la tauromaquia como Patrimonio Cultural Inmaterial, una decisión que... obliga además a los gobiernos estatales a invertir en ellas...* (La Ciudad de México ultima la prohibición de las corridas de toros. El Mundo. 08.12.2021) / ...другие штаты, такие как Идальго, Гуанахуато, Сакатекас, Керетаро и Тласкала, объявили корриду **нематериальным культурным наследием**, решение, которое... также обязывает **правительства штатов инвестировать в них...**

Во многих текстах рационализация корриды осуществляется через обращение к мнению эксперта, в качестве которого выступают министры, политики, художники, профессора, президенты ассоциаций. Посредством косвенной речи и прямого цитирования авторы статей ссылаются на мнения экспертов, подчеркивающих необходимость и значимость корриды как одного из ключевых элементов испанской культуры. В примерах 3–5 коррида определяется экспертами как история и культура.

(3) *Tras ser elegido este verano, el primer ministro de Francia, Jean Castex, señaló que los toros son «historia y cultura»* (¿Los políticos franceses respetan más la tauromaquia? «No hay tantos complejos». El Mundo. 25.10.2020) / После избрания этим летом премьер-министр Франции Жан Кастекс отметил, **что быки — это «история и культура»**.

(4) *El artista mallorquín Domingo Zapata ha querido colaborar con la vuelta de los toros a la plaza de Palma para reivindicar que la tauromaquia es cultura y que Mallorca es taurina* (Los toros vuelven a Palma tras la pandemia mal que le pese al ‘Govern’ de la cultura de la cancelación. El Mundo. 01.08.2022) / Художник Доминго Сапата с Майорки намеревался присоединиться к движению по возвращению быков на Пласа-де-Пальма, чтобы заявить, что **коррида — это культура**, а Майорка — это коррида.

(5) *Los aficionados se han mezclado con los profesionales detrás de la pancarta «la tauromaquia es cultura»* (La afición toma Las Ventas y reivindica la tauromaquia: «Tenemos ganas de toros, la empresa debe arriesgarse». El Mundo. 21.06.2020) / Болельщики и профессионалы подняли баннер **«коррида — это культура»**.

В примере 6 коррида определяется через призму такой фундаментальной социально значимой категории, как свобода.

(6) *Simón Casas, el empresario francés de Las Ventas, considera la posición de Iglesias una «falta de respeto a la misión del político, que es respetar la diversidad del pueblo. Va en contra de la libertad y la democracia»* (La campaña al 4-M politiza los toros: Iglesias promete «eliminar las ayudas a la tauromaquia» y Ayuso anuncia un plan de rescate del sector. El Mundo. 09.04.2021) / Симон Касас, французский

предприниматель из компании «Лас Бентас», считает позицию Иглесиаса «неуважением к миссии политика, которая заключается в признании этнического многообразия. Это противоречит **свободе и демократии**».

В примерах 7–8 стратегия рационализации актуализируется посредством **инструментальной** субстратегии, предполагающей достижение цели при помощи инструмента, в качестве которого выступает сам объект легитимации. В приведенных далее примерах целью служит стабилизация экономики страны и создание новых рабочих мест, что достигается при помощи проведения корриды. Инструментальная субстратегия усиливается стратегией апелляции к авторитету: автор статьи приводит мнение большинства и влиятельных лиц, подчеркивающих важность корриды с точки зрения ее вклада в национальную экономику, указывая на то, что люди получают рабочие места и доход при проведении корриды.

(7) *...la afición reivindica su derecho a seguir disfrutando de una tradición que continúa teniendo arraigo y que genera miles de puestos de trabajo en todo el país <...> A nivel nacional, la industria genera ingresos que rondan los 300 millones de euros y es responsable de 80.000 empleos directos y 146.000 indirectos. En declaraciones a El Mundo, el presidente de la Asociación Nacional de Criadores de Toros de Lidia, Ramiro Alatorre, pone en valor estas cifras para exigir la continuidad de las corridas en la capital (La reapertura de la plaza de toros más grande del mundo: lleno en la Monumental de México para silenciar las protestas. El Mundo. 29.01.2024) / ...болельщики заявляют о своем праве пользоваться традициями, которые продолжают укореняться и создают **тысячи рабочих мест** по всей стране <...> На национальном уровне **отрасль приносит доход в размере около 300 миллионов евро и обеспечивает 80 000 прямых и 146 000 косвенных рабочих мест**. Выступая перед Эль Мундо, президент Национальной ассоциации заводчиков быков Рамиро Алаторре приводит эти цифры с требованием возобновления корриды в столице.*

(8) *Celma defiende la tauromaquia por «su economía, no se pueden dejar de lado 132.000 puestos de trabajo porque a algún político no le guste <...> La tauromaquia, por ejemplo, es el espectáculo que más IVA aporta al Estado» (Los políticos que han defendido la tauromaquia: «Está ineludiblemente unida a nuestras raíces». El Mundo. 02.06.2020) / Сельма защищает корриду из-за «ее вклада в экономику: **132 000 рабочих мест** не могут быть оставлены без внимания, потому что какому-то политику это не нравится <...> Коррида, например, — это зрелище, которое **приносит государству больше всего НДС**».*

В период пандемии коронавируса коррида позиционировалась как благотворительное мероприятие, что также позволяло рационализировать ее как инструмент сбора средств на лечение заболеваний, спровоцированных коронавирусом (пример 9).

(9) *El alcalde de Istres ha anunciado este lunes que la ciudad organizará una corrida de toros y una novillada benéficas el 18 de octubre... «Los beneficios irán destinados a una obra relacionada con la enfermedad del COVID-19» (Istres anuncia dos festejos benéficos en octubre. El Mundo. 25.05.2020) / Мэр города Истр объявил*

в этот понедельник, что 18 октября в городе будет организована **благотворительная коррида** и бой быков... «Средства будут направлены на деятельность, связанную с заболеванием COVID-19».

Прибегая к стратегии апелляции к авторитету, а также реализуя субстратегию «предсказание» стратегии рационализации, журналисты утверждают, что даже общественные организации, которые изначально выступали против корриды, признают негативное влияние запрета данной культурной традиции и подсчитывают убытки. Объект легитимации помещается в будущий негативный контекст, чтобы указать на неблагоприятный исход событий при запрете корриды. Так, эксперты заявляют: если запретить корриду, многие испанцы потеряют рабочие места, что приведет к разрушению экономики и ухудшению благосостояния граждан (пример 10).

(10) ...*la propia Comisión de Bienestar Animal* *detuvo su dictamen temporalmente para analizar la pérdida de empleos que genere la decisión y el impacto a la economía de las familias que viven alrededor de la tauromaquia*... (La Ciudad de México ultima la prohibición de las corridas de toros. El Mundo. 08.12.2021) / ...сама Комиссия по защите животных временно приостановила свое постановление, чтобы проанализировать потерю рабочих мест, вызванную этим решением, и **влияние на благосостояние семей, жизнь которых крутится вокруг корриды...**

Стратегия моральной оценки на языковом уровне реализуется при помощи оценочной субстратегии и усиливается мнением эксперта: формируется положительный образ корриды через упоминание ее культурной ценности и способности объединять разные поколения людей (примеры 11–13).

В примере 11 журналисты, ссылаясь на один из законопроектов, легитимируют корриду посредством использования словосочетания *actos participativos* (совместное мероприятие), отмечая, что на него сходятся все возрастные группы — *jóvenes, adultos y gente más mayor* (молодежь, взрослые и люди постарше). Пресса пытается донести до читателя, что коррида является массовым мероприятием, объединяющим поколения, что, в свою очередь, оправдывает ее проведение. Сочетание глагола *presenciar* (наблюдать) с эмотивными существительными *emoción* и *devoción* (волнение и благоговение) придает больше выразительности, подчеркивается, что просмотр корриды — это очень эмоциональный и захватывающий процесс, сопровождающийся переживаниями зрителей.

(11) *La proposición de ley que ha presentado Vox defiende que los espectáculos taurinos son de los actos más participativos durante los meses de verano y añade que acuden a ellos «desde jóvenes, adultos y gente más mayor, presenciando con emoción y devoción este espectáculo»* (PP y Vox cambiarán la ley balear de los toros para permitir la entrada de menores a las corridas. La vanguardia. 17.04.2024) / В своем законопроекте партиицы «Голоса» утверждают, что **коррида — это одно из самых зрелищных мероприятий** в летние месяцы, и добавляют, что на корриду идут все: **«молодежь, взрослые и люди постарше, которые с волнением и благоговением наблюдают за этим зрелищем».**

В примере 12 легитимность корриды конструируется посредством существительного с семантикой «бесконечность» *sinfin* (нескончаемое множество) в сочетании с существительным *tradiciones* (традиции) и притяжательным предлогом *de*. Так, транслируется идея о том, что коррида служит источником огромного числа культурных традиций, без которых невозможно представить испанское общество.

(12) *Con estas palabras finalizó este mediodía el pregón de la Feria taurina de Abril el catedrático de Lenguas Clásicas y antropólogo francés François Zumbiehl <...> A su juicio, los toros forman parte de las artes del espectáculo <...> entran dentro de los usos sociales, rituales y actos festivos <...> están unidos a un sinfin de tradiciones y expresiones orales...* (François Zumbiehl defiende la tauromaquia como patrimonio cultural inmaterial en el pregón de la Feria de Abril. El País. 31.03.2024) / Этими словами завершил сегодня в полдень выступление на апрельской ярмарке корриды профессор классических языков и французский антрополог Франсуа Зумбиль <...> По его мнению, быки являются частью зрелищного искусства, <...> они входят в сферу общественного обихода, ритуалов и праздничных мероприятий, <...> они связаны с бесконечным количеством традиций и устных выражений...

В примере 13, указывая на чрезвычайную важность корриды как источника культуры, министр культуры и спорта Испании Хосе Мануэль Родригес Урибес призывает Льюиса Хэмилтона уважать данную культурную традицию.

(13) *El ministro de Cultura y Deporte, José Manuel Rodríguez Uribes, pidió «respeto» a Lewis Hamilton hacia una práctica que tiene «consideración cultural» en España como son los toros ...* (Uribe pide «respeto» a Hamilton: «La tauromaquia tiene una consideración cultural». El Mundo. 15.06.2020) / Министр культуры и спорта Хосе Мануэль Родригес Урибес призвал Льюиса Хэмилтона «уважать» практику, которая имеет «культурное значение» в Испании, — такую, как бой с быком.

В таблице 1 представлены обнаруженные стратегии и субстратегии легитимации корриды, а также языковые средства их реализации.

Стратегии делегитимации корриды в испанском массмедийном дискурсе

Параллельно с попытками официально признать тавромахию в обществе неотъемлемой частью культуры, важным источником дохода и нематериальным наследием наблюдается обратный легитимации процесс — делегитимация корриды, направленная на лишение ее легитимности и создание представления о том, что убийство быка — бесчеловечный и жестокий акт.

При делегитимации корриды журналисты прибегают к комбинации стратегии апелляции к авторитету, в качестве которого выступают министры, судьи, политические партии, сенат и организации по защите животных, и стратегии

моральной оценки, используя выражения, провоцирующие у читателя сильные негативные эмоции по отношению к данному мероприятию.

Пресса прибегает к косвенной речи, в нарративной функции употребляются глаголы *afirmar* (заявить), *aprobar* (утверждать), *considerar* (рассматривать/считать), *mostrar* (показать/опубликовать). Эксперты характеризуют корриду как жестокое обращение с животными, что, в свою очередь, вербализовано глаголом *maltratar* (плохо обращаться) и образованным от него существительным *maltrato* (жестокое обращение). Использование глаголов с отрицательной семантикой их лексико-тематического поля «жестокое обращение» — *torturar* (мучить/пытать), *privar la vida* (лишать жизни), *matar* (убивать) *picar* (вонзать пики — действие, характерное для всадника с пикой, который злит быка во время корриды), *banderillear* (вонзать бандерильи — действие, характерное для бандерилеро, который вонзает цветные палочки в спину быка) — подчеркивает суровость и безжалостность тореадоров по отношению к быкам (примеры 14–18).

(14) *El ministro afirmó el pasado martes que «hay una mayoría de españoles con cada vez más sensibilidad con los derechos de los animales y que no comparten el maltrato animal»* (La Fundación Toro de Lidia reprende al ministro de Cultura por sus declaraciones sobre la tauromaquia. El País. 09.02.2024) / Министр заявил в прошлый вторник, что «большинство испанцев с каждым разом все более чувствительны к правам животных и не разделяют жестокого обращения с ними».

Министр культуры подчеркивает тот факт, что большая часть испанцев уважают права животных и не терпят безжалостного отношения к быкам, поскольку, они, так же как и люди, чувствуют боль и страдание. Посредством существительного *derechos* (права) быки наделяются теми же социальными ценностями, что и люди. При этом стратегию апелляции к авторитету реализуют сразу две субстратегии — апелляции к авторитету эксперта (министр) и апелляции к авторитету большинства (большинство испанцев).

(15) *La Comisión de Bienestar Animal aprobó la noche del lunes un dictamen para prohibir «espectáculos públicos, en los cuales se maltrate, torture o prive de la vida a los toros, novillos y becerros»* (La Ciudad de México ultima la prohibición de las corridas de toros. El Mundo. 08.12.2021) / Комиссия по защите животных в понедельник вечером приняла постановление о запрете «публичных зрелищ, в ходе которых быки и телята подвергаются жестокому обращению, пыткам или лишаются жизни».

(16) *...11 partidos políticos han registrado una enmienda al proyecto de Ley General de Comunicación Audiovisual <...> para que se considere «contenido perjudicial» las retransmisiones televisadas en las que se maltrate o se mate a un animal en horario de protección infantil* (Proponen impedir por ley que se televisen corridas de toros en horario infantil. La vanguardia. 19.04.2022) / ...11 политических партий зарегистрировали поправку к проекту Общего закона об аудиовизуальных средствах массовой информации <...> с целью признать «**вредным контентом**» телевизионные передачи, в которых транслируется **жестокое обращение с животными или их убийство** в «детские» часы.

Отмечается негативное влияние корриды на детей, телевизионные трансляции данного зрелища относят к вредному контенту — *perjudicial* (вредный).

(17) *El inglés Lewis Hamilton, séxtuple campeón mundial de Fórmula 1, ha mostrado en Instagram su rechazo a la tauromaquia <...> «A los niños en España se les enseña a torturar y a matar toros a la edad de 14 años»* (Cayetano responde a Hamilton tras calificar como «asquerosas» las corridas de toros. El Mundo. 13.06.2020) / Англичанин Льюис Хэмилтон, шестикратный чемпион мира Формулы-1, опубликовал в Instagram (в России признана экстремистской организацией) свое **неприятие корриды** <...> «**Детей в Испании учат пытать и убивать быков** в возрасте 14 лет».

(18) *Grupos animalistas han expresado hoy su disconformidad con la decisión del Tribunal Constitucional de anular los artículos de la ley balear que prohíben picar, banderillar y matar a los toros en las corridas que se celebren en el archipiélago...* (El Constitucional anula los ‘toros a la balear’: la lidia será con muerte. El Mundo. 20.12.2018) / Группы зоозащитников выразили сегодня свое **несогласие** с решением Конституционного суда об отмене статьи Балеарского закона, запрещающей **вонзать пики и бандерильи и убивать быков на корриде**, проводимой на архипелаге...

В примерах 19–21 эксперты прибегают к словосочетаниям *entretenimiento cruel* (жестокое развлечение) и *fiestas crueles* (жестокое вечеринки). Посредством качественного прилагательного *cruel* (жестокий) с отрицательной коннотацией предпринимается попытка вызвать негативный эмоциональный отклик у читателей — спровоцировать эмоцию страха или отвращения. Кроме того, приводится процент испанцев, которые якобы не посещают корриду, благодаря чему происходит отсылка к мнению подавляющего большинства (92 %) и усиливается процесс делегитимации корриды.

(19) *El Senado de Colombia ha aprobado esta madrugada la prohibición progresiva de las prácticas de entretenimiento cruel con animales, señalando directamente a las corridas de toros.* (El Senado de Colombia aprueba la prohibición gradual de las corridas de toros. El Mundo. 15.12.2022) / Сенат Колумбии сегодня рано утром утвердил постепенный запрет на **жестокое развлечение с животными, прямо указывая на корриду**.

(20) *Las organizaciones AnimaNaturalis y CAS Internacional han protagonizado esta mañana una acción antitaurina frente a la Plaza de Toros de Valencia durante la cual han mostrado pancartas con lemas como «El 92 % de España no va a los toros» para reivindicar «una mejor normalidad libre de fiestas crueles» ...* (Grupos animalistas piden que las corridas de toros no vuelvan. El Mundo. 13.09.2020) / Организации AnimaNaturalis и CAS International сегодня утром организовали **акцию против корриды** перед Пласа де Торос в Валенсии, во время которой они вывесили баннеры с лозунгом «**92 % испанцев не ходят на корриду**», чтобы добиться «лучшей жизни без жестоких вечеринок».

Многие журналисты ссылаются на мнения отдельных личностей, которые так или иначе были связаны с корридой. Люди, побывавшие однажды на данном мероприятии, дают следующие номинации тореадорам: *la gente violenta* (жестокое люди), *la gente machista* (мачисты), *personas sádicas* (садисты), конструируя

образ убийцы: жестокого, бесчеловечного и беспощадного злодея. Прилагательное *machista* по своей семантике описывает мужское превосходство, подчеркивая доминирование человека над животными. Использование качественных прилагательных с отрицательной эмоционально-оценочной семантикой *violenta* (жестокий) и *sádica* (садистский) и образного выражения *derramamiento de sangre* (кровапролитие) вызывает у людей сочувствие к животным и усиливает ощущение недопустимости подобных мероприятий. Кроме того, в данном примере обнаружено использование эмотива *odia la tauromaquia* (ненавижу корриду), репрезентирующего эмоцию ненависти и агрессии (пример 21).

(21) *Victoria <...> odia la tauromaquia. «Me di cuenta de que la gente taurina es muy violenta y muy machista, les gusta este tipo de eventos donde hay derramamiento de sangre, son personas sádicas»* (Protestas en el regreso de las corridas de toros a la Monumental: «Me traían con cuatro años a la plaza mis papás y yo salía llorando». El País. 29.01.2024) / Виктория <...> **ненавидит корриду**. «Я поняла, что **люди, занимающиеся корридой, очень жестокие, настоящие мачо**, им нравятся такие мероприятия, где происходит **кровапролитие**, они **садисты**».

В таблице 2 представлены стратегии и субстратегии делегитимации корриды, а также языковые средства их реализации.

Таблица 2 / Table 2

Стратегии, субстратегии и языковые средства делегитимации корриды в испанской прессе

Strategies, substrategies and linguistic means of delegitimation of bullfighting in the Spanish press

Стратегия	Субстратегия	Контекст	Актуализирующие языковые средства
Стратегия моральной оценки	Оценочная субстратегия	Дискредитация объекта легитимации: позиционирование корриды как бесчеловечного и жестокого акта издевательства над быками. Провоцирование сильных негативных эмоций по отношению к корриде	<p>Лексико-тематическая группа «насилие над быками»: <i>picar</i> (вонзать пики), <i>banderillar</i> (вонзать бандерильи), <i>y matar a los toros</i> (убивать быков), <i>torturar toros</i> (мучать быков), <i>maltratar</i> (плохо обращаться), <i>privar de la vida a los toros, novillos y becerros</i> (лишить жизни быков и телят), <i>maltrato animal</i> (плохое обращение с животными).</p> <p>Прилагательные и образные выражения с отрицательной эмоционально-оценочной семантикой, описывающие как саму корриду, так и людей, которым она нравится: <i>fiestas crueles</i> (жестокие праздники), <i>la gente violenta</i> (жестокий) и <i>sádica</i> (садистский), <i>derramamiento de sangre</i> (кровапролитие), <i>la gente machista</i></p>

Стратегия	Субстратегия	Контекст	Актуализирующие языковые средства
			<p>(мачисты), <i>perjudicial</i> (вредный), <i>entretenimiento cruel con animales</i> (жестокое развлечение с животными).</p> <p>Отрицательные эмотивы: <i>odiar</i> (ненавидеть), <i>disconformidad</i> (несогласие)</p>
Стратегия апелляции к авторитету	Субстратегия апелляции к личному авторитету	Среди авторитетных личностей: <i>el inglés Lewis Hamilton</i> (англичанин Льюис Хэмилтон), <i>séxtuple campeón mundial de Fórmula 1</i> (шестикратный чемпион мира «Формулы-1»), <i>ministros</i> (министры)	<p>Прямое цитирование и косвенная речь, выраженная глаголами <i>afirmar</i> (заявить), <i>aprobar</i> (утверждать), <i>considerar</i> (рассматривать/считать), <i>mostrar</i> (показать/опубликовать) и т. п., а также вводными конструкциями, указывающими на источник сообщения, — <i>a su juicio</i> (на его взгляд), <i>en su opinión</i> (по его мнению) и т. д.</p>
	Субстратегия апелляции к авторитету большинства	<i>el 92 % de España no van a los toros</i> (92 % испанцев не ходят на корриду), <i>la mayoría de los españoles</i> (большинство испанцев)	
	Субстратегия апелляции к безличному авторитету структуры, института или нормы	Среди авторитетных структур: <i>organización AnimaNaturalis</i> , <i>organización CAS Internacional</i> , <i>Комиссия по защите животных (la Comisión de Bienestar Animal)</i> , <i>II политических партий</i> , группы зоозащитников (<i>grupos animalistas</i>), <i>el Senado de Colombia</i> (Сенат Колумбии)	

Заключение

Процессы легитимации и делегитимации корриды в испанском массмедийном дискурсе разворачиваются одновременно и проходят две стадии: 1) теоретизации, предполагающей объективацию адекватности или неадекватности данной культурной традиции; 2) продвижения, в рамках которого конструируется позитивное или негативное отношение к объекту (де)легитимации посредством привлечения авторитета, намеренно включающего (или исключаяющего в случае делегитимации) корриду в ценностную картину мира современного испанского общества.

Легитимация корриды актуализируется в языке при помощи стратегий рационализации и моральной оценки. Так, использование стратегии рационализации направлено на придание законной силы корриде посредством разумных доводов и логических аргументов о том, что запрет на корриду ограничивает базовое право человека на свободу передвижения, а также оказывает значительное негативное влияние на экономику Испании. Актуализация журналистами субстратегии «определение» позволяет дать альтернативную дефиницию корриде, приравнять ее к культуре и категоризировать бой с быками через ценности свободы и права выбора. Подобная точка зрения преподносится через включение авторитетного мнения эксперта, известной личности или апелляции к мнению большинства, которые способны усилить легитимирующий потенциал данных дискурсивных стратегий.

Языковая делегитимация корриды в испанском массмедийном дискурсе реализуется главным образом посредством стратегии моральной оценки. Так, журналисты стремятся показать, что бой с быками не может быть ничем оправдан, вербализуя идею о том, что, несмотря на то что коррида — это важный источник дохода населения и национальное наследие для будущих поколений, данная традиция должна приравниваться к пыткам и насилию над животными. Происходит дегуманизация корриды, проведение которой, как пишут испанские СМИ, противоречит центральным гуманистическим идеалам, поскольку быки наделяются важнейшими социальными ценностями и правами наравне с людьми.

Журналисты усиливают процесс делегитимации с помощью включения авторитетных мнений в виде прямого цитирования или косвенной речи, содержащих лексические единицы, характеризующие корриду как жестокое развлечение, а тореадоров сравнивают с убийцами, формируя крайне негативное отношение аудитории к ним. Так, коррида, по мнению авторитетных личностей, должна быть запрещена, чтобы защитить животных от злодеяний со стороны людей.

Результаты исследования позволяют углубить понимание языковых механизмов установления/лишения легитимности какого-либо социального феномена в испанском медиа опосредованном дискурсивном пространстве.

В качестве перспектив дальнейшей исследовательской работы отметим возможность расширения материала исследования и изучения невербальных (визуальных) средств (де)легитимации корриды в массмедийном пространстве Испании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колмогорова, А. В. (2018). Легитимация как социополитический феномен и объект дискурса-анализа. *Политическая лингвистика*, 1, 33–40.
2. Suchman, M. C. (1995). Managing legitimacy: strategic and institutional approaches. *Academy of Management Review*, 20(3), 571–610.
3. Fairclough, N. (2003). *Analysing discourse textual analysis for social research*. Routledge.
4. Francesconi, R. A. (1982). James Hunt, the Wilmington 10, and institutional legitimacy. *Q. J. Speech*, 68, 47–59.
5. Vaara, E., & Tienari, J. (2008). A discursive perspective on legitimation strategies in multinational corporations. *Academy of Management Review*, 33(4), 985–993.
6. Screti, F. (2013). Defending Joy against the Popular Revolution: legitimation and delegitimation through songs. *Critical Discourse Studies*, 10(2), 205–222.
7. Deephouse, D., & Suchman, M. (2008). Legitimacy in Organizational Institutionalism. *Sage handbook of organizational institutionalism*, 49–77.
8. Van Leeuwen, T. (2008). *Discourse and practice: new tools for critical discourse analysis*. Oxford University Press.
9. Козачина, А. В. (2020). Реализация мифопоэтической стратегии легитимации институционализированных ценностей в японском педагогическом дискурсе. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 6, 20–26.
10. Ромашова, И. П. (2013). Легитимность как когнитивно-прагматическая дискурсивная категория. *Вестник Челябинского государственного университета*, 84, 126–128.
11. Tolbert, P. S., & Zucker, L. G. (1996). The institutionalization of institutional theory. *Handbook of Organization Studies*, 175–190.
12. Lepistö, L. (2014). Taking information technology seriously: on the legitimating discourses of enterprise resource planning system adoption. *Journal of Management Control*, 25, 193–219.
13. Reyes, A. (2011). Strategies of legitimization in political discourse: From words to Actions. *Discourse & Society*, 22(6), 781–807.
14. Rizwan, S. (2019). Legitimation strategies and theistic worldview in socio-political discourse: A systematic functional critical discourse analysis of Pakistani social media discussions. *Text & Talk*, 39(2), 235–260.
15. Fairclough, I. (2008). Legitimation and strategic maneuvering in the political field. *Argumentation*, 22, 399–417.
16. Abdi, R., & Basarati, A. (2018). Legitimation in discourse and communication revisited: A critical view towards legitimizing identities in communication. *International Journal of Society, Culture and Language*, 6, 86–100.
17. Poblete, C. (2011). Estrategias de legitimación del discurso de los diputados en la Acusación Constitucional en contra de la Ministra de Educación de Chile. *Revista Signos*, 44(76), 168–182.
18. Колмогорова, А. В., & Горностаева, Ю. А. (2021). Все ли могут короли? *Политическая лингвистика*, 1, 41–49.
19. Beetham, D. (1991). *The Legitimation of Power*. Macmillan. Basingstoke.
20. Simpson, R. M. (2021). Language and legitimation. *The Routledge Handbook of Social and Political Philosophy of Language* (pp. 341–361). Routledge.
21. Haldenwang, C. (2017). The relevance of legitimation — a new framework for analysis. *Contemporary Politics*, 23(3), 269–286.

22. Колмогорова, А. В., & Горностаева, Ю. А. (2021). Дискурсивная специфика эмоциональной легитимации монархии в испанских СМИ. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3, 79–94.
23. Горностаева, Ю. А. (2021). Репрезентация фемцида в латиноамериканских СМИ: от легитимации к делегитимации насилия над женщинами. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 8, 2567–2572.
24. Соловьева, Н. И. (2007). Коррида как эротическая метафора в лингвокультурном пространстве. *Полилингвильность и транскультурные практики*, 4, 70–73.
25. Соловьева, Н. И. (2008). Метафоризация терминов корриды в лингвокультурном пространстве. *Известия российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*, 85, 251–254.
26. Пантелеева, О. О. (2006). Лакунарный концепт «Коррида» в русском переводе романа Б. Ибаньеса «Кровь и песок». *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, 128–135.

References

1. Kolmogorova, A. V. (2018). Legitimation as a sociopolitical phenomenon and object of discourse analysis. *Political Linguistics*, 1, 33–40. (In Russ.).
2. Suchman, M. C. (1995). Managing legitimacy: strategic and institutional approaches. *Academy of Management Review*, 20(3), 571–610.
3. Fairclough, N. (2003). *Analysing discourse textual analysis for social research*. Routledge.
4. Francesconi, R. A. (1982). James Hunt, the Wilmington 10, and institutional legitimacy. *Q. J. Speech*, 68, 47–59.
5. Vaara, E., & Tienari, J. (2008). A discursive perspective on legitimation strategies in multinational corporations. *Academy of Management Review*, 33(4), 985–993.
6. Screti, F. (2013). Defending Joy against the Popular Revolution: legitimation and delegitimation through songs. *Critical Discourse Studies*, 10(2), 205–222.
7. Deephouse, D., & Suchman, M. (2008). Legitimacy in organizational institutionalism. *Sage handbook of organizational institutionalism* (pp. 49–77).
8. Van Leeuwen, T. (2008). *Discourse and practice: new tools for critical discourse analysis*. Oxford University Press.
9. Kozachina, A. V. (2020). The implementation of the mythopoetic strategy of legitimation in Japanese Pedagogical Discourse. *TSPU Bulletin*, 6, 20–26. (In Russ.).
10. Romashova, I. P. (2013). Legitimacy as a cognitive and pragmatic category. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 84, 126–128. (In Russ.).
11. Tolbert, P. S., & Zucker, L. G. (1996). The institutionalization of institutional theory. *Handbook of organization studies* (pp. 175–190).
12. Lepistö, L. (2014). Taking information technology seriously: on the legitimating discourses of enterprise resource planning system adoption. *Journal of Management Control*, 25, 193–219.
13. Reyes, A. (2011). Strategies of legitimization in political discourse: from words to actions. *Discourse & Society*, 22(6), 781–807.
14. Rizwan, S. (2019). Legitimation strategies and theistic worldview in socio-political discourse: A systematic functional critical discourse analysis of Pakistani social media discussions. *Text & Talk*, 39(2), 235–260.

15. Fairclough, I. (2008). Legitimation and strategic maneuvering in the political field. *Argumentation*, 22, 399–417.
16. Abdi, R., & Basarati, A. (2018). Legitimation in discourse and communication revisited: a critical view towards legitimizing identities in communication. *International Journal of Society, Culture and Language*, 6, 86–100.
17. Poblete, C. (2011). Estrategias de legitimación del discurso de los diputados en la Acusación Constitucional en contra de la Ministra de Educación de Chile. *Revista Signos*, 44(76), 168–182. (In Spanish).
18. Kolmogorova, A. V., & Gornostaeva, Yu. A. (2021). Legitimation of the spanish monarchy in the political media discourse: the strategy of appeal to authority and polyphony of voices. *Political Linguistics*, 1, 41–49. (In Russ.).
19. Beetham, D. (1991). *The Legitimation of Power*. Macmillan. Basingstoke.
20. Simpson, R. M. (2021). Language and legitimation. *The Routledge Handbook of Social and Political Philosophy of Language* (pp. 341–361). Routledge.
21. Haldenwang, C. (2017). The relevance of legitimation — a new framework for analysis. *Contemporary Politics*, 23(3), 269–286.
22. Kolmogorova, A. V., & Gornostaeva, Yu. A. (2021). The discursive specificity of the emotional legitimation of the monarchy in the spanish media. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3, 79–94. (In Russ.).
23. Gornostaeva, Yu. A. (2021). Evolution of femicide representation in the Latin-America Mass Media: from legitimation to delegitimation. *Philology. Theory & Practice*, 8, 2567–2572. (In Russ.).
24. Solovieva, N. I. (2007). Bullfighting as an erotic metaphor in the linguacultural space. *Polylinguality and Transcultural Practices* 4, 70–73. (In Russ.).
25. Solovieva, N. I. (2008). Metaphorization of bullfighting terms in the linguocultural space. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 85, 251–254. (In Russ.).
26. Panteleeva, O. O. (2006). The lacunary concept of corrida in the russian translation of B. Ibanez's novel «Blood and Sand». *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2, 128–135. (In Russ.).

Информация об авторе

Юлия Андреевна Горностаева — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации СФУ.

Information about the author

Yulia A. Gornostaeva — PhD (Philology), Associate Professor at the Department of the Theory of Germanic and Romance Languages and Applied Linguistics, Institute of Philology and Language Communication, SFU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК [811.161.1+811.111]*367.625*25

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-120-132

ЛИНГВОТОПОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМАТИЗАЦИЯ ДВИЖЕНИЯ ГЛАГОЛАМИ *ИДТИ* И *БЕЖАТЬ* В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Сулейманова Ольга Аркадьевна¹,
Ильясова Джавгарат Абдуллаевна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ souleimanovaoa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4972-0338>

² iljasovada@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6764-1710>

Аннотация. В работе рассматривается лингвотопологическая схематизация движения базовыми глаголами движения *идти* и *бежать* и их английскими коррелятами *go* и *run*. Актуальность исследования обусловлена общим интересом лингвистов к ключевым проблемам современной лингвистики: префиксальной глагольной семантике в русском языке и анализу ее корреляции с английскими составными глагольными структурами, что предопределяет необходимость выстраивания переводческих стратегий в области предикатов. Актуальной является также необходимость оптимизировать цифровые переводческие платформы через алгоритмизацию перевода посредством выявления того, как работает механизм перевода, в частности при передаче префиксальных форм составными английскими глагольными структурами. Цель работы — лингвотопологическая схематизация движения предикатами движения *идти* и *бежать* в переводческой перспективе. Вытекающие из поставленной цели задачи предполагают создание эмпирической базы исследования для каждого этапа анализа: сформировать выборки из префиксальных дериватов для выбранных русских глаголов, выборку из их английских коррелятов; построение топологических схем для обеих языковых

систем, проведение их сравнительного анализа. Схемы строятся на основе следующей методики: формируется выборка из префиксальных дериватов русских глаголов *идти* и *бежать*, в значении физического перемещения, анализируются семантические компоненты в значениях глаголов; выстраивается топологическая схема движения в русских предикатах; далее рассматриваются их словарные переводы на английский язык, строится соответствующая схема и выстраиваются переводческие корреляции. Словарные переводы соотносятся с реально выполненными переводами высказываний из двуязычного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), выявляются топологические схемы обеих выбранных групп глаголов и устанавливается характер их корреляции. В качестве материала работы выступают, во-первых, словарные дефиниции выбранных глаголов, переводные словари, а также данные из двуязычного подкорпуса НКРЯ. Перспективу исследования может составить анализ прочих глаголов движения в данной паре языков, а также на материале иных языковых объективаций.

Ключевые слова: перевод, лингвотопология, префиксальные глаголы движения, русский язык, английский язык.

Для цитирования: Сулейманова, О. А., Ильясова, Д. А. (2025). Лингвотопологическая схематизация движения глаголами *идти* и *бежать* в русско-английском переводе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 120–132. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-120-132>

Original article

UDC [811.161.1+811.111]’367.625’25

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-120-132

LINGUA-TOPOLOGICAL SCHEMATIZATION OF MOVEMENT VERBS *IDTI* AND *BEZHAT* IN RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION

Olga A. Suleimanova¹,
Dzhavgarat A. Piyasova²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ souleimanovaoa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4972-0338>

² iljasovada@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6764-1710>

Abstract. The paper focuses on lingua-topological schematization of movement using basic Russian movement verbs *idti* and *bezhat*’ and their English counterparts. This research perspective is determined by the linguists’ general concernment with the key issues related to the semantics of pre-fixed verbs derivatives, through the lens of their correlation with their English compound verbs. The correlations are established via schematizing topology of the movement, represented by the couples of verbs in question, and comparing the typologies. At issue is also the need to support and develop digital translation engines through calculating the algorithm to be relied on in translating pre-fixed Russian verbs into English. The research objective is lingua-topological schematizing of movement with predicates denoting movement *idti* and *bezhat*’

in translation perspective. The tasks to attend to are as follows: generating empirical base to include pre-fixed Russian movement verbs, relating them to their English counterparts, and building up topological schemes for both. The methods to rely on start with generating the empirical base from dictionaries which is composed of pre-fixed Russian derivatives of verbs *bezhat* and *idti*, in their first meaning conveying physical movement. Their semantics is analyzed, the topological scheme is built, then they are translated into English and their English topology is generated, translation between two typologies to be established. Results are achieved when dictionary-based translations are related to practical RNC — generated translations to check and verify the suggested topologies. Analysis of other verbs of movement, as well as other languages can serve as a promising research vista.

Keywords: translation, linguistic topology, pre-fixed verbs denoting movement, Russian language, English language.

For citation: Suleimanova, O. A., Ilyasova, D. A. (2025). Lingua-topological schematization of movement verbs *idti* and *bezhat* in Russian-English translation. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 120–132. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-120-132>

Введение

В статье рассматривается лингвотопологическая схематизация движения в русско-английском переводе на основе анализа фрагментов системы глаголов движения (*идти* и *бежать*), осуществляется выстраивание системы лингвотопологического расположения и корреляции ее элементов. В данном случае понятие топологии заимствовано лингвистикой из математики, где топология изучает «свойства фигур и их взаимного расположения» (Математическая энциклопедия, т. 5, с. 394), которые не изменяются при деформациях, производимых без разрывов и склеиваний. Анализируются свойства пространств, которые остаются неизменными при непрерывных деформациях, при этом топологические пространства отличают свойства связности, ориентируемости и компактности; «точки рассматриваемой фигуры могут находиться в некотором интуитивно ясном отношении близости, отличном, вообще говоря, от простого отношения принадлежности» (Там же); «практически всякая фигура может... естественно рассматриваться и как топологическое пространство» (Там же, с. 395). Идеи топологии как науки об общих закономерностях организации и развития среды и построения моделей подобия естественной и искусственной среды получают развитие в различных областях знания: физике, химии и биологии, например в разработке теории узлов для расшифровки ДНК и др. В лингвистическом преломлении в рамках лингвотопологии в выделенном пространстве концептуализации движения изучаются свойства фигур (русских и английских глаголов движения) и их постоянные характеристики при переводческих перегруппировках. При этом сохраняется их семантическая связность, ориентированность.

Актуальность исследования определяется тем, что выбранная тема представляет собой средоточие нескольких ключевых для современной лингвистики вопросов: во-первых, неизменным интересом к таким частотным единицам,

как базовые глаголы движения, и их семантике (Ожегов, 1952; Бабенко, 1999; Голубкова, 2002; Сулейманова, 2017), префиксальным образованиям в русском языке (Кронгауз, 1998; Плунгян, 2000) и фразеологическим глаголам в английском (Богданова, 2007; Саламатина, 2020; Ковалев, 2023), а также к проблемам их перевода (Яцович, 2000; Сулейманова, 2012; Коршунова, 2023). Во-вторых, в свете необходимости оптимизировать цифровые переводческие платформы (Методология современных семантических исследований, 2018) неизбежен интерес к проблемам алгоритмизации перевода через выявление того, как работает механизм перевода, в частности при передаче синтетических форм на аналитические (Сулейманова, Нерсесова, 2023; Сулейманова, Карданова-Бирюкова, 2021; Сулейманова, Чернышова, 2024; Шестопалова, 2022).

При этом остается не до конца выясненным, как распределены семантические признаки в переводе при перегруппировке семантических компонентов (ПСК). Не вполне ясно, что в принципе понимается под часто постулируемой ПСК, при том что инвентарь возможных ПСК и ее механизмы не установлены, что также определяет актуальность работы и позволяет сформулировать ее **цель** как лингвотопологическую схематизацию движения предикатами движения *идти* и *бежать* в переводческой перспективе.

Вытекающие из поставленной цели **задачи** включают в себя создание эмпирической базы исследования для каждого этапа анализа, для чего необходимо: сформировать выборки из префиксальных дериватов для выбранных русских глаголов, выборку из их английских коррелятов; построить топологические схемы для обоих языковых систем, провести их сравнительный анализ.

Схемы создаются с помощью следующей **методики**: формируется выборка из префиксальных дериватов русских глаголов *идти* и *бежать* в значении физического перемещения, например *бежать* – *пробежать*, *убежать* (перебираются все возможные префиксальные варианты), анализируются семантические компоненты в значениях глаголов; выстраивается топологическая схема движения в русских предикатах; далее рассматриваются их словарные переводы на английский язык и строится соответствующая схема, а также формируются переводческие корреляции. Анализируются глаголы в двух формах: инфинитив и форма совершенного вида, — поскольку анализ показал семантическую изоморфность данных форм с прочими видо-временными формами. Можно логически предположить несколько стратегий для передачи префиксальных глагольных образований в языке синтетического строя на язык аналитического строя: во-первых, перевод фразовым глаголом (см. далее); во-вторых, перевод составным предикативным сочетанием, в семантике которого содержится компонент, коррелирующий с префиксальной русской семантикой, например: *Вечером Тамара позвонила Оле и сообщила, что собака убежала. In the evening Tamara called Olga to say that the dog had run away.* Словарные переводы соотносятся с реально выполненными переводами высказываний из двуязычного подкорпуса НКРЯ, выявляются топологические схемы для обеих выбранных групп глаголов и устанавливается характер их корреляции. В качестве **материала** работы

выступают словарные дефиниции выбранных глаголов, переводные словари, а также данные из двуязычного подкорпуса НКРЯ.

Глагол *идти* (*ходить*) представляет собой не вполне типичную для современного русского языка супплетивную лексему/форму — *идти* — *шел*) (под лексемой при этом понимается совокупность падежных/видо-временных словоформ, причем во всех значениях слова, а именно: слово как единство формы и содержания описано на семантическом уровне совокупностью своих значений или семантической структурой, тогда как лексема определяет его совокупностью словоформ и отражена в их варьировании на формально-грамматическом уровне). Этот глагол представлен следующими единицами: *войти* — *вошел*, *взойти* — *взошел*, *выйти* — *вышел*, *дойти* — *дошел*, *зайти* — *зашел*, *обойти* — *обошел*, *прийти* — *пришел*, *пойти* — *пошел*, *пройти* — *прошел*, *подойти* — *подошел*, *перейти* — *перешел*, *сойти* — *сошел*, *уйти* — *ушел*. Глагол *бежать* представлен дериватами *вбежать* — *вбежал*, *выбежать* — *выбежал*, *добежать* — *добежал*, *забежать* — *забежал*, *побежать* — *побежал*, *пробежать* — *пробежал*, *перебежать* — *перебежал*, *сбежать* — *сбежал*, *убежать* — *убежал*.

Результаты

1. Топологическая схематизация русских глаголов движения

Топология русского глагола *бежать* выстраивается как начинательное линейное перемещение субъекта (в направлении) — *пойти*: *Чтобы как-то убить время, я решил **пойти** к доске объявлений и почитать, что там написано; преодоление некоторого пути по линейной траектории — *про* (движение через, сквозь, мимо): *Если **пройти** сквозь кампус в северном направлении и повернуть налево, то мы очутимся на короткой улице Махарат, что пролегла параллельно площади Санам Луанг; а также движение с преодолением препятствия — *перейти*: *Во-первых, для того чтобы общегородское вече могло собраться, часть населения города должна была **перейти** через мост*. Таким образом, субъект начинает движение и движется к некоторому пункту через препятствия.**

Затем маркируется способ приближения к цели — *подойти*: *На первом приеме в типичном мавританском дворе гостиницы к принцу и королеве может **подойти** любой человек из народа; достижение некоторого пространства как цели — *дойти* (завершение действия, доведение его до конца): *За те десять минут, которые требовались, чтобы до него **дойти**, мерзнуть начало все; достижение объекта, находящегося выше — *вз-* (*взойти*): *Я решил **взойти** на нее, еще раз оглядеться и, если не узнаю леса, — возвращаться к дому по собственным следам; оказаться в точке назначения — *прийти*. Причем это может быть движение как обход объекта — *обойти*: *Отец, полагая это шуткой, берет деньги, решив **обойти** вокруг машины и вернуть их ему через водительское окно*.***

Далее субъект проникает в достигнутое пространство: *войти, зайти* (движение внутрь, возможно на короткое время или с целью укрыться: *Но без пяти шесть я должен **войти** в театр; Приехав, я вышел из машины, принял у жены дочку и хотел **зайти** в подъезд*; после чего он выходит из него: *вы, с(о)* (совершить движение изнутри, движение предмета вниз, прервать движение по траектории); и даже удаляется из точки пребывания — *уйти*, или может просто отдалиться на некоторое расстояние: *Причем во время пожара мои не могли **выйти** из квартиры (я ехал на работу и был не в курсе) и чуть не задохнулись в вонючем дыму... Гусь все-таки пробовал **уйти**, скрыться, но сил его достало только **сойти** с тропы. До работников потихоньку начинается доходить серьезность положения, они шевелятся, сами спрашивают, что еще нужно сделать, чтобы **уйти** домой хотя бы к утру.*

Глагол *бежать* («двигаться быстро, резко отталкивающимися от земли движениями ног») и его дериваты представляют действие как движение бегом — *бежать*: начинательное линейное движение: *по* (начало движения действия в направлении): *Администратор смотрел ей вслед, думал **побежать** за ней, как в былые годы бегал за женщинами на севере и на юге, но только кашлянул растерянно*; преодоление некоторого пути по линейной траектории: *про* (движение через, сквозь, мимо): *Я хотел было **пробежать** мимо, но папа схватил меня за руку. Мне очень хочется **пробежать** сквозь полосу молочно-белого стелющегося по траве дыма*; преодоление линейного пути от точки начала до некоторого ориентира: *пере* (движение со значением перемещения через какую-либо преграду): *Ей нужно было только **перебежать** наискосок двор и пересечь узкий бульварчик...*; достижение некоторого пространства как цели: *добежать* (завершение действия, доведение его до конца): *Как раз успели **добежать** и скрыться за высоткой: гитлеровцы вдогонку послали несколько гостинцев, но опоздали*; достижение объекта, находящегося выше: *вз-* (*взбежать*); (бегом подняться, прибежать наверх): *Меня пихнули в спину и заставили **взбежать** по ведущим к переходу ступенькам.*

Это может быть глагол *обежать*, с одной стороны, — это значит бегом обойти некоторый объект; с другой стороны, многократное действие, направленное на несколько объектов: *Никто не отпер ему, и, не зная, что это значит, он должен был **обежать** кругом, через двор, по черной лестнице*; приближение к объекту — *подбежать* (приблизиться бегом к кому-, чему-либо): *Я успел **подбежать** и выволочь его за шиворот из-под кузова*; оказаться в точке назначения — *прибежать* (передвигаясь бегом, прибыть куда-либо, достигнуть какого-либо места): *Портнихи у меня нет, я ненавижу шить, куда лучше **прибежать** в магазин, быстро купить, а потом сдать обратно...*; проникновение в пространство: *вбежать* «войти куда-нибудь бегом», за (движение внутрь, возможно на короткое время или с целью укрыться): *Несмотря на раны, ей удалось **вбежать** в квартиру, запереть за собой дверь на все запоры и цепочку, и вот тут-то силы оставили ее, она упала в прихожей.*

Как ни торопился Варенуха, неодолимое желание потянуло его **забежать** на секунду в летнюю уборную, чтобы на ходу проверить, одел ли монтер в сетку лампу; выход из него: **выбежать** (удалиться откуда-нибудь бегом); **с(о)** (совершить движение изнутри, движение предмета вниз, прервать движение по траектории, бегом переместиться вниз или за пределы чего-либо): **Выбежать** во двор мы не успели, потому что распахнулась входная дверь, и в прихожую шагнула целая и невредимая Маня. Этот талантливый парень в 16 лет решает **сбежать** из дому, не желая, чтобы его делили разведенные родители; **отбежать** — перемещение в сторону от объекта: Он хотел идти, уже сделал несколько шагов, вдруг все распирающая волна хлынула снизу к горлу, едва успел прикрыть рот рукой и **отбежать** в сторону.

Отметим, что, во-первых, **бежать** и **идти** практически зеркально отражают топологию движения и только формы от глагола **бежать** включают префиксальную форму, которая отсутствует у глагола **идти** для описания именно движения, например форма **найти** не содержит сему движения и потому не представлена в топологической схеме движения, тогда как глагол **набежать**, напротив: Подобно ханам Орды **набежать** на Запад и вернуться с добычей! Ночью иногда из-за облаков, в отраду нам, выглядывала луна; ходу было по семи узлов в час; в ночную трубу непрерывно смотрели с бака вперед, дабы не **набежать** на льдину.

Таким образом, топологическая схема глаголов **идти** и **бежать** в их прямом значении, обозначая физическое движение, практически совпадает. Можно предположить, что и прочие глаголы данной группы, например **плыть**, **ползти**, **лететь**, будут включены в сходную топологию, хотя и с некоторыми вариациями, в первую очередь по числу значений, поскольку они не настолько частотны и не составляют базовую часть глаголов движения. Анализ таких глаголов может представлять перспективу исследования.

2. Перевод выбранных глаголов на английский язык

Рассмотрим английские корреляты выбранных глаголов и начнем со словарных соответствий глагола **бежать**. (Для анализа отбирались первые варианты переводов, которые соответственно предлагались в качестве первого решения.) Так, чаще всего имеет место прямое соответствие глагола между дериватами русского глагола **бежать** в его корневой части **беж-** и английским полноценным глаголом **run**, русская приставочная часть системно передается в большинстве случаев наречной частицей, значение которой семантически близко к значению русского префикса. Иными словами, русскому приставочному глаголу соответствует составной английский глагол, при этом происходит перегруппировка семантических компонентов следующего вида:

префикс + корень = корень (равен слову) + наречная частица, например: **вбежать** — *run in(to)* (*rush in*); **взбежать** — *run up* (*rise*); **выбежать** — *run out* (*rush out, escape*); **добежать** — *run up to* (*run as far as*); **забежать** — *run in(to)* (*drop in/by, stop by, swing by*); **набежать** — *run in(to)* (*flow into*); **оббежать** — *run around* (*make a quick round, run past, overtake, outrun, pass, avoid*). Ср. переводы данных единиц: *Каким же образом могли вы **вбежать** к служанке Федосье Марковой, имея столь окровавленные руки и, как оказалось потом, лицо? — How came you **to run to the servant, Fedosya Markovna, with your hands so covered with blood, and, as it appears, your face, too?**, где в переводном варианте сохраняется общее указание на движение к объекту, но исчезает сема проникновения в описываемое пространство, или *Вообразите же теперь, что вместо того чтоб **вбежать** в комнату с упреками, вообразите, что вы бы приняли эту весть кротко, со слезами сожаления ... — Now, then, supposing that instead **of rushing into** the room and reproaching, supposing that instead of all this you had received the bad news with composure, with tears of grief, maybe; perhaps even with despair... , где данная сема сохранена, причем представлено более интенсивное движение *rush* вместо менее интенсивного *run*.**

Следующие четыре высказывания в наибольшей степени отражают семантические компоненты исходных единиц: *И не успели мы еще **взбежать** на лестницу, как раздался в воротах пьяный крик и посыпались ругательства. — And before we had time to **run up** the stairs we heard a drunken shout and a shower of oaths at the gate. Как потом оказалось, летчики, услышав звуки тревоги, успели **выбежать** во двор и скрыться в щели. — Later they learned that the airmen had heard the alert and had managed to **run out to** the slit. План Берлиоза следует признать правильным: нужно было **добежать** до ближайшего телефона-автомата и сообщить в бюро иностранцев о том, что вот, мол, приезжий из-за границы консультант сидит на Патриарших прудах в состоянии явно ненормальном. — Berlioz's plan must be acknowledged as correct: he had **to run up to** the nearest public telephone and inform the foreigners' bureau, thus and so, there's some consultant from abroad sitting at the Patriarch's Ponds in an obviously abnormal state. Если вы всё это съедите, вам хватит сил **оббежать** весь мир! — If you ate all that, you'd have enough energy to **run around** the whole world!*

Перевод высказывания: *Продюсеру удалось **выбежать** из дома вместе со вторым заложником. — The owner managed to **escape** along with the hostess* — основан на использовании синонимичного глагола, который метонимически акцентирует сему удачного выхода из проблемной ситуации, однако базовая сема не эксплицирована.

Еще одна возможная переводческая стратегия может быть проиллюстрирована в следующем случае: *Она решила быстро **забежать** за забытой сумкой. — She decided to **run in quickly** to grab her forgotten bag*, где три семы представлены раздельно, причем одна из них акцентирует краткость события

через наречие *quickly*. Сходная стратегия имеет место в следующем отрывке, где появляется дополнительная единица *running*, акцентируя сему быстрого движения, а базовым глаголом выбран глагол широкой семантики *come*, вносящий информацию о движении, без конкретизации быстроты передвижения: *Ну, тут набежали фотографы и начали щелкать, за ними набежали еще какие-то ребята и оттащили меня назад, к подполковнику Гучу. — Well, all them photographer fellers rush up an start to take pichers, an several folks come running over an I am hustled away to where Colonel Gooch is waiting.*

Он было остановился, испуганно уставившись в темную воду, но сзади на него набежали, затолкали. — Went down like a stone, poor lad! For a moment he stared horrified into the dark water, but the men running up from behind pushed him on.

Отметим одинаковый перевод слов *вбежать*, *забежать* и *набежать* как *run in(to)*, что нивелирует разницу между описанием действий как *проникновения в пространство / проникновение на короткое время* и *прибытие в одно место сразу с нескольких направлений* многочисленными субъектами.

В следующих случаях также предложен преимущественно совпадающий английский вариант на различающие русские слова, а именно: *отбежать* — *run off/away/back/aside*; *сбежать* — *run away/off* (*escape, flee, get away/out, evade*); *убежать* — *run away/off* (*escape, outrun, flee, get away/out, evade*), что означает потерю компонентов *отдалиться на небольшое расстояние* и *покинуть (часто неожиданно, предательски)*, ср.: *Необходимо покинуть танк и до взрыва успеть отбежать на безопасное расстояние. — They need to escape the tank and run off to a safe distance. Двое успели отбежать и не пострадали. — Two of the boys managed to run away and were not hurt. Одно время я хотела убежать от мамы назад в детдом. — There was a time where I wanted to run away from my mother and go back to the orphanage. Девочка смогла вырваться и убежать в школу. — The girl was able to break free and run off to school.*

Глаголы *подбежать* — *run up* (*rush up*) и *вбежать* — *run up* (*rise*) переводятся одинаково, разумеется при этом, что в соответствующих контекстах разница в их значениях (как и в прочих случаях) понятна и обусловлена многозначностью наречной частицы. Обратим внимание также на многовариантность перевода, однако первым в подавляющем числе случаев как словарное соответствие предлагается однокоренной глагол. В одном случае он отсутствует: *прибежать* — *come running* (*flow in*), где имеет место иная перегруппировка семантических компонентов, а именно: констатируется прибытие (информация представлена корнем) и далее модификатором прибытия (не главным элементом) выступает *ing*-форма. Таким образом, происходит перегруппировка, меняются семантикой префикс и наречная частица, а также структурная частеречная перегруппировка иного типа. Глагол *непобежать* — *run across/past/over* (*step over, cross, jump ship, dart*) представлен несколькими вариантами перевода. Вторые и последующие варианты перевода чаще всего выражены лексическими словарными соответствиями,

в семантике которых заложен тот иной компонент движения, например частотен глагол *escape* — *убежать* (здесь это первый вариант!), *rise* и *drop in*, которые, казалось бы, точнее передают композиционную семантику русского оригинала и более экспрессивны при этом, однако акцент с перемещения именно бегом уступает место сопутствующему обстоятельству: *escape* как *удаление с намерением уклонения от возможной неприятности*, или *drop in* как *появление на короткий период времени, часто по пути к иной цели*. В таких случаях имеет место, во-первых, метонимическое представление описываемого действия через обстоятельственную метонимию в рамках оригинала, когда побочное обстоятельство принимает на себя роль главного репрезентанта события и наряду с этим механизм переноса работает и в переводе. Подчеркнем, что в своем основном значении — передача движения — данные глаголы не запрашивают в качестве коррелята каких-либо фразовых глагольных эквивалентов, оставляя такую возможную стратегию перевода своим производным значениям, а используют составные глагольные единицы.

Для глагола *идти* ситуация перевода определяется иными принципами, а именно: идея прибытия и направления к точке назначения отражена в специальном глаголе *come*, системно противопоставленном глаголу *go*, который передает общее значение движения как такового, однако при этом не маркирован как обязательно передающий движение от некоторого объекта. Отметим, что топология движения в русском языке глаголами *идти* и *бежать* практически совпадает, в том числе и с английским глаголом *run*, тогда как глагол *идти* в переводе, по всей видимости, в силу более широкой семантики — он обозначает движение, не указывая на характер перемещения, который, в свою очередь, получает специальное лексическое выражение типа *walk, by plain / train / on foot / in a car*; занимая нишу, отведенную в русском языке глаголу *идти*. Ср., например: *уйти* — *leave, go*; *подойти* — *come up*; *дойти* — *reach, walk, go*; *сойти* — *get off, pass, leave, come down/off*; а также *пройти* — *come*; *зайти* — *go, enter*; *выйти* — *get out, leave*. Во всех случаях, даже если предлагается коррелят *go* (у глагола *зайти*), он не является первым переводческим вариантом, в предикат сразу закладывается конкретизация характеристик движения. Наличие вариантов *пройти* — *go through*, и *пойти* — *go*, т. е. передача факта перемещения без уточнения его характера, составляет скорее исключение, чем правило.

Заключение

Предложена модель лингвотопологического описания предикатов движения в переводческой перспективе, которая в дальнейшем может быть экстраполирована на прочие глаголы движения и в принципе на предикатную лексику в переводческой перспективе. Проведенное исследование показало, что русские приставки порождают у глаголов *идти* и *бежать* широкий спектр значений, модифицирующих характер движения. При этом топологическая схема движения

у данной пары в значительной степени совпадает, их переводческие английские корреляты отличны, во-первых, в структуре: в русском языке это префиксальный глагол, тогда как в английском в подавляющем большинстве случаев это составной глагол, в структуре которого содержится глагол — носитель информации о движении как таковом, плюс наречная частица, семантика которой дополняет значение и в принципе соответствует семантике русского префикса. Во-вторых, распространенное представление о частотности корреляции русских приставочных образований с фразовыми глаголами не получает подтверждения на материале базовых частотных глаголов, напротив, русские единицы системно соответствуют составным глаголам, в случаях перевода глагола *идти* имеет место конкретизация, и широкозначному глаголу *идти* ставятся в соответствие глаголы не с корнем *go*. Таким образом, в русской топологической схеме происходит уточнение параметров движения: перемещение, достижение цели, направленное движение к цели, в том числе и по разным траекториям, ее достижение, пребывание в точке назначения и выхода из нее, в английском языке возникает аналитическая форма, а лексическое содержание уточняется за счет наречной частицы. То есть топологическая английская схема выстраивается по иным основаниям: словообразовательный механизм *префикс- + глагол*, в английском — аналитическая форма глагола + семантический постуточнитель. В сущности, имеет место актуализация фрагмента синтетического строя языка в русском языке, тогда как в английском — аналитического.

Список источников

1. Богданова, С. Ю. (2007). *Концептуализация и реконцептуализация пространственных отношений: на материале английских фразовых глаголов* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград].
2. Голубкова, Е. Е. (2002). *Фразовые глаголы движения: (когнитивный аспект)*. ГЕОС.
3. Ковалев, С. (2023). Структурная классификация фразеологических единиц с глаголами движения в английском языке. *Сопоставительное изучение германских и романских языков и литератур* (с. 175–178). Материалы XXI Международной студенческой научной конференции.
4. Коршунова, Е. С. (2023). Особенности употребления фразовых глаголов в английской художественной литературе и трудности их перевода с английского на русский язык (на материале романа Сомерсета Моэма «Up at the villa»). *Вестник Череповецкого государственного университета*, 6(117), 54–68.
5. Кронгауз, М. А. (1998). *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. Школа «Языки русской культуры».
6. *Математическая энциклопедия*: в 5 т. (1985). Т. 5. Слу – Я. И. М. Виноградов (Гл. ред.). Советская энциклопедия.
7. *Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе*. (2018). Флинта.
8. *Национальный корпус русского языка*. (2003). <https://ruscorpora.ru>
9. Плунгян, В. А. (2000). *Общая морфология: Введение в проблематику*. Едиториал УРСС.

10. Саламатина, Ю. В. (2020). Классификация фразовых глаголов в английском языке. *МНКО*, 1(80), 280–282.
11. Сулейманова, О. А. (2017). Семантика безличных моделей со словами категории состояния. *Контекстуальные аспекты языка: константность и вариативность* (с. 43–66). Сборник статей к юбилею О. А. Сулеймановой. 2-е издание, стереотипное. Флинта.
12. Сулейманова, О. А., Беклемешева, Н. Н., & Карданова, К. С. (2012). *Грамматические аспекты перевода*. Учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования. 2-е издание. Академия.
13. Сулейманова, О. А., & Карданова-Бирюкова, К. С. (2021). Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксических структур в переводческой перспективе. *Русистика и компаративистика*. Вып. 15, 297–315. <https://www.doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.17>
14. Сулейманова, О. А., & Нерсесова, Э. В. (2023). Принцип неслучайной связи в переводческих практиках. *История, теория и дидактика переводческой деятельности* (с. 73–89). Коллективная монография. Флинта.
15. Сулейманова, О. А., & Чернышова, А. И. (2024). Перевод синтаксических композитов при помощи программ машинного перевода и переводчика. *Вестник МГПИУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 91–104. <https://www.doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.07>
16. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы (под ред. проф. Л. Г. Бабенко). (1999). АСТ-Пресс.
17. Шестопалова, А. М. (2022). Работа с поисковыми цифровыми ресурсами при анализе синтаксических структур. *Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация* (с. 243–250). Альфа Принт.
18. Яцович, И. А. (2000). *Когнитивный аспект словарного перевода английских фразовых глаголов* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа].

References

1. Bogdanova, S. Yu. (2007). *Conceptualization and reconceptualization of spatial relations: based on English phrasal verbs* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.04. Volgograd]. (In Russ.).
2. Golubkova, E. E. (2002). *Phrasal verbs of motion: (cognitive aspect)*. GEOS. (In Russ.).
3. Kovalev, S. (2023). Structural classification of phraseological units with motion verbs in English. *Comparative study of Germanic and Romance languages and literatures* (pp. 175–178). Proceedings of the XXI International Student Scientific Conference. (In Russ.).
4. Korshunova, E. S. (2023). Features of the use of phrasal verbs in English fiction and the difficulties of their translation from English into Russian (based on Somerset Maugham's novel «Up at the villa»). *Cherepovets State University Bulletin*, 6(117), 54–68. (In Russ.).
5. Krongauz, M. A. (1998). *Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar*. School «Languages of Russian Culture». (In Russ.).
6. *Mathematical encyclopedia*: in 5 vols. (1985). Vol. 5. Slu – Ya. I. M. Vinogradov (Chief Ed.). Sovetskaya e`nciklopediya. (In Russ.).
7. *Methodology of modern semantic research in development and perspective*. (2018). Flinta.
8. *National Corpus of the Russian Language*. (2003). <https://ruscorpora.ru> (In Russ.).
9. Plungyan, V. A. (2000). *General morphology: Introduction to the problematic*. Editorial URSS. (In Russ.).

10. Salamatina, Yu. V. (2020). Classification of English phrasal verbs. *MNKO*, 1(80), 280–282. (In Russ.).
11. Suleimanova, O. A. (2017). Semantics of impersonal models with words of the category of state. *Contensive aspects of language: constancy and variability* (pp. 43–66). A set of papers for the anniversary of O. A. Suleimanova. 2nd edition, stereotyped. Flinta. (In Russ.).
12. Suleimanova, O. A., Beklemesheva, N. N., & Kardanova, K. S. (2012). *Grammatical aspects of translation*. A tutorial for students of higher professional education institutions. 2nd ed. Academy. (In Russ.).
13. Suleimanova, O. A., & Kardanova-Biryukova, K. S. (2021). Contrastive analysis of Russian and English «peripheral» syntactic structures in a translation perspective. *Russian studies and comparative studies*, Issue 15, 297–315. <https://www.doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.17> (In Russ.).
14. Suleimanova, O. A., & Nersesova, E. V. (2023). The principle of non-random connection in translation practices. *History, theory and didactics of translation activity* (pp. 73–89). Collective monograph. Flinta. (In Russ.).
15. Suleimanova, O. A., & Chernyshova, A. I. (2024). Translation of syntactic components using machine translation programs and a translator. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 91–104. <https://www.doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.07> (In Russ.).
16. *Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms* (Ed. by prof. L. G. Babenko). (1999). AST-Press. (In Russ.).
17. Shestopalova, A. M. (2022). Working with digital search resources in the analysis of syntactic structures. *Linguistics, translation and intercultural communication* (pp. 243–250). Alpha Print. (In Russ.).
18. Yatsoyich, I. A. (2000). *Cognitive aspect of dictionary translation of English phrasal verbs* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.20. Ufa]. (In Russ.).

Информация об авторах

Ольга Аркадьевна Сулейманова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ.

Джавгарат Абдуллаевна Ильясова — аспирант кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Olga A. Suleimanova — D. Sc. (Philology), Professor at Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, MCU.

Dzhavgarat A. Ilyasova — Postgraduate of Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 655.4:004.7

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-133-147

ЦИФРОВАЯ РЕПУТАЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ САЙТА

Зоидзе Элла Амирановна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

zoidzeea@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0290-986X>

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики цифровой репутации ранее не изученного с этой точки зрения социального института. На примере официального сайта одного из старейших в современной России издательств — «Молодая гвардия» — описываются способы формирования и поддержания репутации, важнейшим из которых является формирование образа настоящего за счет преемственности традиций и выдвижения результатов и достижений прошлого в качестве репутационной базы. Неотделимость настоящего от прошлого в лингвистическом плане выражается за счет использования форм настоящего исторического времени для описания этапов деятельности издательства, а также за счет применения различных прецедентных имен (названия книжных серий, журналов, выпуск которых не прерывается). Управление репутацией издательства происходит в том числе благодаря опоре на авторитет популярности (при выборе героев для биографических изданий) и компетентности — при выборе авторов. Ценностные ориентиры также способствуют укреплению репутации издательства как профессионального и прогрессивного представителя социального института. Методы лингвистического, семиотического и дискурс-анализа, а также автоматического анализа текста (частотный анализ слов) позволили получить комплексное представление о том, что в вербально-визуальном единстве дискурсивного пространства сайта визуальная составляющая в форме вторичного цифрового наследия играет не меньшую роль, чем языковые средства, применяемые для информирования адресатов о деятельности организации, для ее продвижения и создания цифрового языкового портрета (репутации). Наблюдения и выводы, полученные в результате исследования, могут быть масштабированы посредством привлечения примеров других сайтов издательств, а также посредством сравнительного анализа с иноязычными сайтами или сайтами представителей иных социальных институтов, применяющих ретроспективный подход при создании цифровой репутации.

Ключевые слова: цифровая репутация издательства, дискурсивное пространство, книгоиздательский дискурс, сайт издательства.

Для цитирования: Зоидзе, Э. А. (2025). Цифровая репутация издательства в дискурсивном пространстве сайта. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование*, 1(57), 133–147. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-133-147>

Original article

UDC 655.4:004.7

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-133-147

**DIGITAL REPUTATION
OF A PUBLISHING HOUSE
IN THE DISCOURSE SPACE
OF ITS OFFICIAL WEBSITE****Ella A. Zoidze**Moscow City University,
Moscow, Russia,zoidzeea@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0290-986X>

Abstract. The paper analyzes the features of digital reputation on the example of previously understudied social institution. Addressing a website of one of the oldest Russian publishing houses — «Molodaya Gvardiya» — there are means of creating and maintaining reputation described. The majority of these means is shaping the image of the present through the continuity of traditions and placing achievements and positive results of the past in the foreground. The inseparability of the present and the past is linguistically manifested in the use of the present preterit forms of verbs to describe different stages in the activity of the publishing house as well as in the use of precedent names (names of book series and magazines that are still published). Digital reputation is managed by adherence to the authority principles of popularity and competence (in the choice of figures for biographical series and in the choice of authors). Axiological principles also contribute to the reinforcement of the publishing house reputation as a professional and progressive representative of a social institution. Methods of linguistic, semiotic, and discourse analysis in combination with automatic text analysis (word frequency analysis) helped to get a complex understanding of the fact that in the verbal-visual entity of the website's discourse space the visual component in the form of secondary digital heritage plays an equally important role as language means used to inform the addressees about the work of the publishing house, to promote it and to create its digital linguistic portrait (reputation). The observations and conclusions obtained in the study can be scaled by analysing other similar examples of websites or by crosslinguistic comparative studies of foreign publishing houses' sites or the sites of other social institutions that are also using retrospective approach to the creation of their digital reputation.

Keywords: digital reputation of a publishing house, discourse space, book publishing discourse, site of a publishing house.

For citation: Zoidze, E. A. (2025). Digital reputation of a publishing house in the discourse space of its official website. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 133–147. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-133-147>

Введение

Цифровая трансформация затрагивает все сферы деятельности человека, не обходя стороной коммуникативные практики и социальные институты. В последние годы все чаще в поле зрения социальных и гуманитарных наук, в том числе лингвистических, попадают такие феномены, как цифровая идентичность и цифровая репутация. Стоит отметить, что в большинстве случаев данные явления цифровой эпохи изучаются с точки зрения экономики и бизнеса, в то время как лингвистическое и дискурсивное измерение процессов и результатов формирования цифровой репутации освещается в сравнительно небольшом количестве научных публикаций. Среди имеющихся на данный момент работ (многие из которых нелингвистической направленности) можно выделить те, которые в качестве объекта рассмотрения используют как отдельных субъектов коммуникации в цифровом пространстве (персональная репутация / *personal reputation*) (Carrillo-Duran, 2023), так и организации: СМИ (Имбер, 2022), культурные (Лисенкова, 2022), коммерческие (Diez-Arroyo, 2023), научные (Викулова, 2023), образовательные (Чернявская, 2019; Голова, 2022) сообщества.

Анализ работ, посвященных цифровой идентичности и репутации, а также связанному с ними цифровому наследию, показывает, что данные феномены предстают как то, что необходимо формировать/конструировать (идентичность, репутация), поддерживать (репутация), сохранять (наследие), а также чем необходимо управлять (репутация). Настоящее исследование сосредоточено на изучении одного из инструментов формирования и управления цифровой репутацией, а именно официального сайта организации. В связи с тем, что институт книгоиздания и «издательская деятельность как дискурсивная практика» (Викулова, 2012, с. 64) нечасто становятся объектом анализа при изучении цифровой репутации, мы обратились к одному из старейших из ныне действующих в России издательств — «Молодая гвардия». Сайт издательства наравне с другими каналами онлайн-коммуникации (социальные сети, видеохостинги) решает задачи, связанные не только с формированием, управлением цифровой репутацией, сохранением цифрового наследия организации, но и с маркетингом и продвижением, с PR и просветительской деятельностью (Зоидзе, 2024). Таким образом, деятельность издательств сегодня не ограничивается выпуском книг и их реализацией, в нее также входят различные социально значимые задачи, что, по нашему мнению, должно находить отражение на официальном сайте и, следовательно, участвовать в формировании и поддержании цифровой репутации.

Цифровая репутация как «социально-принятый знак» (Пеннер, 2023, с. 67) поддерживает цифровую идентичность, которая представляет собой продукт, конструируемый обществом (Там же). Выбор интернет-сайта в качестве инструмента создания, поддержания и управления цифровой репутацией

издательства связан с тем, что именно сайт выступает основным современным каналом осуществления взаимодействия между участниками процесса книгораспространения, а также ключевым посредником в диалоге коллективного адресанта (издателя) и массового или индивидуального читателя (Викулова, 2023).

Официальный сайт как витрина (online storefront) (Diez-Arroyo, 2023, p. 103) издательства обладает такими общими для интернет-сайтов характеристиками, как интерактивность, динамичность, гипертекстуальность. Еще одна значимая черта современного сайта книжного издательства — его дискурсивная конвергенция: интернет-дискурс, книгоиздательский дискурс, просветительский, а также маркетинговый и PR-дискурс пересекаются в коммуникативном пространстве сайта, образуя дискурс гибридного типа (Карасик, 2022). Таким образом, сайт издательства является дискурсивным пространством, т. е. средой сосуществования дискурсов, объединенных по какому-либо признаку (Плотникова, 2011, с. 156), в данном случае дискурсы объединены вокруг такого синтетического продукта, как книга.

Применительно к объекту настоящего исследования под термином «цифровая репутация издательства» мы будем понимать всю совокупность информации (вербальной и невербальной), публикуемой на официальных информационно-коммуникационных цифровых ресурсах издательства, главным из которых мы считаем интернет-сайт. Цифровая репутация, или «цифровой портрет» (Охупкина, 2021, с. 46), — это «приобретенная и поддерживаемая долговременно общественная оценка институции, следствие и результат ее практической деятельности» (Чернявская, 2019, с. 941; Викулова, 2023), отраженной на интернет-сайте; это — «институциональный ресурс, формирующийся за счет фактора узнаваемости во внешней и внутренней среде» (Сафиуллин, 2023, с. 45).

Выбор издательства для изучения цифровой репутации исходил из двух условий: издательство должно выпускать продукцию для массовой аудитории, а не для какой-либо определенной группы читателей; издательство должно быть на рынке как можно более длительное время, желательно с периода Советской России и по настоящее время. На данном этапе стал очевидным тот факт, что в России практически не осталось крупных издательств, сумевших пережить сложные постперестроечные годы. Единичные предприятия сохранились и продолжили работу после 1991 года, однако далеко не все из них эффективно реализуют кросс-канальную стратегию (cross-channel strategy) (Dохее, Publishing industry..., 2021) коммуникации, т. е. активно ведут деятельность офлайн и онлайн. Сам факт наличия официального веб-сайта (см., например, издательство «Прогресс-традиция») не гарантирует того, что данный канал соответствует критериям интерактивности, динамичности, информационной привлекательности (Маркетинговая лингвистика, 2019). Среди выживших и активно работающих на рынке сегодня издательств,

направленных на массовую аудиторию, выделяется издательство «Молодая гвардия», которое отметило столетие в 2022 году. В связи с таким объективным фактором в оценке результатов деятельности общественного института, как время существования и работы на рынке, мы предполагаем, что в создании цифровой репутации, а также цифрового наследия издательства значимую роль будет выполнять вторичное цифровое наследие (в форме оцифрованных объектов культурного наследия) (Борисов, 2023, с. 115) и в целом ретроспектива многолетней успешной профессиональной и общественно значимой деятельности (Чернявская, 2019).

Методология исследования

Для анализа официального сайта издательства с точки зрения создаваемой цифровой репутации был осуществлен выбор российского издательства, официальный сайт которого является активно действующим и обновляемым. Кроме того, издательство должно было соответствовать критерию массовой направленности издаваемой литературы, а также иметь продолжительную историю работы на рынке, желательна начиная с советского периода. Анализ сайта выбранного издательства «Молодая гвардия» (основано в 1922 году) состоял в применении комплекса методов: лингвистического, лингвопрагматического, дискурсивного, семиотического, аксиологического анализа вербально-визуального единства. На этапе теоретического описания проблемы использовался прием словарных дефиниций, а также аналитико-синтетический метод для формулировки определения цифровой репутации. При работе с некоторыми рубриками сайта применялся автоматический анализ текста с помощью онлайн-ресурса Voyant Tools (элемент оценки частотности слов). Помимо обозначенных аналитических методов, был задействован так называемый метод *close reading* (медленное чтение) для интерпретации значения текстов и входящих в их состав языковых единиц.

Результаты и дискуссия

В целях характеристики и оценки создаваемой на сайте издательства «Молодая гвардия» цифровой репутации были рассмотрены: главная страница сайта, рубрики «История», «Столетие», «Медиа», «СМИ об издательстве», «Клуб читателей ЖЗЛ» (в последнюю рубрику входят рубрики второго уровня: Газета «Вселенная ЖЗЛ», «Форум», «Знаменитые люди — о серии ЖЗЛ»). Стоит отметить, что на сайте нет рубрики «О нас» или «Миссия», в которых обычно различные организации излагают свои цели, обозначают ведущие ценности, указывают на отличия, уникальность и вообще характер

своей деятельности. На сайте издательства «Молодая гвардия» (МГ) цель деятельности как таковая не заявлена. Однако на основании текстов из рубрик «История» и «Столетие» можно прийти к выводу, что данное издательство избрало в качестве ведущей стратегии формирования и поддержания репутации, а также продвижения опору на традиции и ценности, заложенные в годы становления организации как кооперативного издательства при Центральном комитете Российского коммунистического союза молодежи (позже — ВЛКСМ). Аксиологический вектор (Vikulova, 2020; Викулова, 2020), направленный на социокультурные ценности, отражающие преемственность поколений как в самой издательской среде, так и в масштабах государственной политики, присутствует в дискурсивном пространстве сайта и проявляет себя в единстве вербальных и визуальных знаков.

Начать обсуждение результатов исследования стоит с обращения к имени/названию издательства, которое осталось неизменным, несмотря на смену государственного устройства. Если в годы создания издательства название не требовало объяснения его значения и происхождения, то спустя столетие мотивированность может стираться. То, что издательство не было переименовано, говорит о том, что интеллектуальные и духовные ценности, заложенные в начале XX века, намеренно переносятся и продвигаются в XXI веке. Адресованное советской молодежи в годы создания, название издательства интересно своей двухслойностью. С одной стороны, оно является прецедентным текстом: слова из песни на стихи комсомольского поэта А. Безыменского (1922), а с другой — гвардия — это военный термин, обозначающий отборную, привилегированную часть войск (Большая российская энциклопедия). Название стало символом эпохи, брендом, «лексико-фразеологическим памятником истории и культуры» (Год литературы, 2022). В дальнейшем словосочетание прочно вошло в культуру: роман А. Фадеева, название комсомольской антифашистской организации во время Великой Отечественной войны, книжного магазина в Москве, одной из современных молодежных организаций. Безусловно, «гвардия» в контексте издательской деятельности — это аудитория читателей, а на заре развития МГ — те молодые авторы, которые только начинали свой путь в литературе, данная традиция продолжается и по сей день, так как издательство работает как с выдающимися авторами, так и с начинающими писателями.

Цифровая идентичность и репутация издательства МГ формируется на позициях преемственности и внимания к отечественным традициям и ценностям, которые бережно переносятся в современную российскую действительность, прирастают нововведениями, в основе которых — те же высокие стандарты качества, культуры, науки и в целом просветительской деятельности. Неслучайно вместо традиционных рубрик с самопрезентацией издательство МГ выбирает рубрику «История», где отражена хронологическая ретроспектива работы издательства с года основания до настоящего момента. На временной шкале

отмечены ключевые вехи в деятельности издательства, а в рубрике «Столетие» обозначены основные ценности, среди которых: воспитание и просвещение молодого поколения, научная достоверность, доступность изложения, яркая подача материала, а также любовь (*Книги «Молодой гвардии» соответствуют высочайшему профессиональному уровню, сочетая научную достоверность с доступностью изложения, яркой подачей материала. Но достоянием, не менее важным, чем книги, стали для «Молодой гвардии» человеческие взаимоотношения, складывавшиеся и укреплявшиеся в атмосфере доброжелательности, уважения, творческого азарта. Недаром Расул Гамзатов назвал «Молодую гвардию» не издательством книг, а издательством любви. И потому вся наша история — встречи, общение, память...*).

Легитимация деятельности издательства в настоящем происходит за счет событий из прошлого (Чернявская, 2019, с. 940). Вековая история издательства развивалась параллельно с историей нашей страны, такие ключевые события, как, например, полет Ю. Гагарина в космос, фиксируются книгоиздательской практикой посредством издаваемых книг и книжных серий.

Помимо оценки, репутация подразумевает также узнаваемость; издательство МГ обладает такой узнаваемостью благодаря своим книжным сериям и периодическим изданиям, которые стали прецедентными именами: «Юный натуралист», «Мурзилка», «Вокруг света» и т. д. Так, появление каждой новой книжной серии отмечено на временной шкале, которая на сайте дополнена текстовым описанием и архивными изображениями обложек книг и журналов. Присутствие информации разного семиотического характера, в том числе изображений обложек, страниц из советских газет, архивных фотографий, маркирует исторический (советский) ландшафт, порождает определенный воздействующий эффект на ту часть аудитории, для которой такая внушительная по продолжительности история успеха является признаком высокого статуса институции, надежности, репутации, проверенной временем.

Использование символов, распознаваемых в социуме коллективным адресатом, а также регулярно повторяющихся семиотических ресурсов, в качестве которых на сайте выступают широко известные названия книжных серий, таких как ЖЗЛ (аббревиатура не нуждается в расшифровке, так как имя стало нарицательным: «*Вселенная ЖЗЛ*» — это общение с авторами *жэзэловских* книг), участвует в конструировании репутации. Как показал автоматический анализ частотности слов, как минимум в трех разделах сайта: на главной странице (13 вхождений из 367 уникальных словоформ), в рубрике «Столетие» (14 вхождений из 380 уникальных словоформ) и «Знаменитые люди — о серии ЖЗЛ» (29 вхождений из 637 уникальных словоформ) аббревиатура ЖЗЛ входит в тройку самых частотных слов. Помимо аббревиатуры, узнаваем также и логотип серии, который присутствует на корешках изданий. Факел — символ света, жизни, правды, разума, знания, эмблема прогресса и просвещения (Вовк, 2006, с. 499–500); исходя

из значений, данный логотип одновременно выступает знаком-символом и знаком-индексом.

Если репутация неотделима от оценки и оценивания извне, то контингент авторов, которые сотрудничали в прошлом и сотрудничают сейчас с издательством, также может служить знаком качества, то же самое можно сказать и о выборе персоналий для издания биографических серий. Появление отрицательных или неоднозначных героев (Распутин, Колчак, Чингисхан и т. д.) в серии ЖЗЛ говорит о прогрессивном характере издательства, которое признает заметный след в истории, оставленный данными личностями («замечательные люди» — это, скорее, не форма положительной оценки, а указание на заметность фигуры).

В рубрике «Авторы» представлен весьма внушительный и разнообразный список фамилий, например известный биограф, литературовед и критик Павел Басинский, историк, библиограф, писатель Феликс Лурье, писатель и публицист, исследователь истории русской литературы XX века Алексей Варламов. В рубрике «История» именам выдающихся писателей, деятелей науки, спорта, искусства, сотрудничавших в разные годы с издательством, также отводится значительное место. Данную практику можно отнести к опоре на «авторитет популярности и авторитет компетентности» (Рябцева, 2020, с. 260).

Изучение текстов, сопровождающих точки (годы) на протяженной хронологической шкале, показало, что описания событий часто вводятся фазовыми глаголами (начало действия) и глаголами с семантикой появления/возникновения (*выходит, открывается, выпущена, издана*). С лингвистической точки зрения примечателен также тот факт, что при представлении событий прошлых лет в рубрике употребляются формы глаголов в настоящем времени (1932: *Издательство «Молодая гвардия» выпускает роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь»*; 2002: *Выходит первая книга серии «Проза века» — Иван Бунин «Тёмные аллеи»*. *Начинается выпуск новой мемуарной серии «Близкое прошлое»*). Настоящее историческое, используемое вне художественного стиля, вне разговорного стиля речи, возможно, призвано подчеркнуть непрерывность развития издательства и его достижений.

Текст, графика и динамические элементы на сайте издательства формируют содержательно-смысловое единство. Историческая проекция, положенная в основу репутации издательства МГ, представляет собой поликодовую структуру, включающую в себя разные жанры и типы текстов, разные вербально-визуальные форматы (Чернявская, 2019; Викулова, 2023). Безусловно, такой показатель, как возраст, для издательства весьма значим; полагаем, что именно поэтому даже спустя два года после столетнего юбилея на главной странице сайта все еще представлен баннер, стилизованный под советскую типографику. Размещение на главной странице сайта данного динамического элемента с характерной цветовой гаммой (золотые буквы на красном фоне) и шрифтом,

также типичным для «исторического времени, является по сути лингвистическим сигналом» (Чернявская, 2023, с. 92), который безошибочно считается.

Один из важных шагов формирования цифровой репутации — систематическая актуализация данных на сайте, а также налаженная система обратной связи с адресатами. Помимо отражения на сайте информации о новинках издательства (слово *new* — второе по частотности употребления на главной странице сайта), есть также разделы «Новинки», «Анонсы», «Наш эксклюзив» и «Акции». Диалог с аудиторией ведется на сайте в разделе «Форум», расположенном в рубрике «Клуб читателей ЖЗЛ», который позиционируется как интеллектуальный (*Не пропусти. Расскажи родным и близким — вступи в наш интеллектуальный клуб!*). На форуме пользователи сайта задают вопросы, предлагают идеи для новых изданий биографий и т. д. Диалог происходит между индивидуальным адресантом (авторизованный пользователь) и коллективным издателем. Таким образом, коллективный издатель, будучи агентом дискурса и инициатором диалога с читателем (индивидуальным), выступает на форуме как адресат, к которому обращается пользователь сайта с вопросом или предложением. Для примера приведем один из последних вопросов пользователя и ответ издательства «Молодая гвардия» на сайте (орфография и пунктуация сохранены):

Здравствуйте,

В майском анонсе 7 из 8 книг являются переизданием переизданного, причем по несколько раз за последнее время. Что это — кризис жанра?

04 МАЯ 2024, 04:19

Евгений

Здравствуйте! Нет, кризиса жанра нет. Просто те книги, которые Вы имеете в виду, переиздавались не очень большим тиражом. Однако приятно констатировать спрос на них. А раз есть спрос — должно быть и предложение. Переиздавая эти книги, мы идем навстречу читателям, которые также хотели бы их приобрести.

В то же время мы, безусловно, будем предлагать Вам и всем нашим читателям и абсолютные новинки. Надеемся, они заинтересуют Вас в самом ближайшем будущем.

06 МАЯ 2024, 13:03

Молодая гвардия

Становясь инструментом репутации, прошлое определяет образ настоящего, это прослеживается в сохранении названия издательства, серии ЖЗЛ, издания биографий знаменитых людей разных эпох и т. д. Кроме этого, интеграция прошлого в актуальную практику заметна по тем названиям новых серий, которые предлагает издательство: «Близкое прошлое», «ЖЗЛ: биография продолжается», «МГ – NEXT» — своего рода реинкарнация ЖЗЛ и т. д.

Помимо имен, дат, архивных изображений и фото, необходимо сказать и о значении цифр, которые, кроме обозначения определенной даты, используются для количественной оценки деятельности издательства. В рубрике «Столетие» дается некий отчет в цифрах, о масштабе работы можно судить по переносу количественного измерения в единицы расстояния и протяженности в пространстве (*Общее количество наименований, выпущенных «Молодой гвардией» за ее вековую историю, превышает 50 тысяч, а их совокупный тираж — 3 миллиарда экземпляров. Если эти книги составить в стопку, ее высота достигнет 400 тысяч километров, что превышает расстояние от Земли до Луны*).

Формирование цифровой репутации на сайте издательства, особенно в условиях рынка и конкуренции, неизбежно связано со стратегиями продвижения, как собственного бренда, так и продукции. Продвижение книги и предприятий — представителей института книгораспространения невозможно помыслить без оценочной стратегии. В этой связи лингвистически значимы языковые единицы, выражающие высокую степень качества и положительную оценку: *Основанная в 1922 году, «Молодая гвардия» является **старейшим** (здесь и далее выделено нами. — Э. З.) из ныне существующих российских издательств; Книги «Молодой гвардии» соответствуют **высочайшему** профессиональному уровню; В СССР оно было одним из **крупнейших** издательств; **Легендарными** стали молодогвардейские серии; В этом же году выходит «Лирика» Константина Симонова, по праву считающаяся одним из **самых ярких и значительных** произведений советской литературы; Клуб читателей «ЖЗЛ» — это возможность встретиться с **лучшими** авторами старейшей российской книжной серии; Это — **серьёзная** площадка для диалога; С «Молодой гвардией» сотрудничали **известные** писатели, классики русской литературы XX века — прозаики <...> многие **выдающиеся** спортсмены, деятели искусств и т. д.* Как показывают примеры, оценка в основном сосредоточена в синтетических или аналитических формах превосходной степени сравнения, а также прилагательных с мелиоративной семантикой.

Говоря о репутации и результатах практической деятельности институции, признаваемых широкой общественностью и представителями власти, нельзя не упомянуть о такой форме оценки работы, как премии и награды. Хронология деятельности издательства в рубрике «История» включает в себя те годы, когда издательству или конкретной книге, вышедшей в нем, присуждались различные награды. Всего упоминается 11 наград/премий/орденов и других свидетельств признания: *Поздравительные телеграммы прислали Президент России В. В. Путин, председатель Государственной думы Г. Н. Селезнёв и другие официальные лица.* Данный пример, содержащий инверсию дополнения и однородных подлежащих, выносит в семантически сильные позиции (начало и конец предложения) знак внимания высокопоставленных государственных деятелей (телеграмма-поздравление с юбилеем) и имена самих деятелей.

Наименования премий советского периода (Сталинская премия (1946), Премия Ленинского комсомола (1979)), при наличии достаточных фоновых знаний у адресата, интерпретируются, создавая содержательно-смысловое единство, демонстрирующее выдающиеся достижения.

Заключение

Подводя итог, подчеркнем, что опредмеченный динамичным, интерактивным и современным интернет-сайтом издательства образ настоящего служит продолжением долгого и богатого на события, открытия и достижения прошлого. Опора на традиции, ценности и их перенос в современную практику издательства действует как своего рода маркетинговый прием, когда новые продукты (книги и книжные серии) позиционируются как продолжающие многолетние традиции. События из прошлого наравне с современным состоянием и деятельностью сегодняшнего дня выступают как фактор конкурентоспособности и устойчивости, а память о прошлом как символ преемственности традиций в книгоиздательской практике — все вместе работает на формирование, укрепление и поддержание цифровой репутации современного издательства. В создании цифровой репутации на сайте издательства участвуют не только элементы ретроспективного обзора, но и абсолютно современные элементы, имплицитно связанные с интернет-каналом информации, а именно гибридный характер дискурса. Посредством сайта издательство инициирует прямой диалог с аудиторией, рекламирует и продвигает просветительские проекты, информирует о текущей деятельности и приглашает к участию в ней активных читателей — пользователей сайта. Налаженная коммуникация в установленных институциональным дискурсом рамках также является эффективным инструментом формирования и поддержания цифровой репутации.

Список источников

1. Carrillo-Duran, M. V., Cabrera-Gala, R., & Sanchez-Baltasar, L. B. (2023). What is known about personal reputation? A systematic literature review. *Heliyon*, 9(5). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15680>
2. Имбер, С. Ю. (2022). Роль комментариев пользователей в формировании цифровой репутации СМИ (на примере немецкоязычного журнала SPIEGEL). *Общество. Коммуникация. Образование*, 13(1), 18–27. <https://doi.org/10.18721/JHSS.13102>
3. Лисенкова, А. А. (2022). Управление цифровой репутацией учреждений культуры. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 6(110), 106–112. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-6110-106-112>
4. Diez-Arroyo, M. (2023). Epistemic vigilance and persuasion: The construction of trust in online marketing. *Journal of Pragmatics*, 215, 101–112. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2023.07.007>

5. Викулова, Л. Г., Короленко, О. И., & Макарова, И. В. (2023). Цифровая репутация научного сообщества: сайт Французской академии. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 1, 234–250. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2023_1_234
6. Викулова, Л. Г., & Плотникова, А. В. (2023). Диалогические стратегии образовательного пространства сайта Национального института корейского языка. *Теоретическая и прикладная лингвистика*, 9(2), 39–49. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_39
7. Чернявская, В. Е. (2019). Дискурсивный анализ репутации университета: выдвигание прошлого в актуальной практике. *Коммуникативные исследования*, 6(4), 940–958. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2019.6\(4\).940-958](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2019.6(4).940-958)
8. Голова, А. Г. (2022). От концепции «Университет 3.0» к триаде репутационного капитала вуза. *Цифровизация как фактор повышения качества высшего образования в России* (с. 97–101). Сборник материалов XXVI Всероссийской научно-методической конференции заведующих кафедрами маркетинга, рекламы, связей с общественностью и смежных направлений по теме, Москва, 28–30 апреля 2022 года. Ассоциация коммуникационных агентств России.
9. Викулова, Л. Г. (2012). Издательский дискурс в системе общения «автор – издатель – читатель». *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 2s(18), 63–69.
10. Зойдзе, Э. А. (2024). Текст на обложке книги: о сущности жанра аннотации. *Научный диалог*, 13(2), 73–95. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-73-95>
11. Пеннер, Р. В. (2023). К проблеме идентичности в эпоху постмодерна. *Региональные культурные стратегии в современном мире* (с. 62–68). Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Пермь, 11–12 мая 2023 года. Пермский государственный институт культуры.
12. Карасик, В. И. (2022). Дискурсивная конвергенция. *Лингвистическая лимнология* (с. 32–39). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 16 декабря 2021 года. Московский государственный областной университет.
13. Плотникова, С. Н. (2011). Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия. *Magister Dixit*, 2, 152–158.
14. Охупкина, Е. П., & Роганов, А. А. (2021). Цифровая самоидентификация: цель, способы, риски. *Взаимодействие вузов, научных организаций и учреждений культуры в сфере защиты информации и технологий безопасности* (с. 44–54). Сборник статей по материалам Международной конференции, посвященной памяти профессора А. А. Тарасова и О. В. Казарина, Москва, 21–22 апреля 2021 года. Д. А. Митюшина (Ред.). Российский государственный гуманитарный университет.
15. Сафиуллин, М. Р., & Павлова, Х. А. (2023). Репутация: содержание основных понятий. *Электронный экономический вестник Татарстана*, 4, 41–47.
16. Doxee. *Publishing Industry: The importance of marketing for publishing houses*. (2024, 22 апреля). <https://www.doxee.com/blog/digital-marketing/the-importance-of-marketing-for-publishing-industry/>
17. *Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста* (под ред. Е. Г. Борисова, Л. Г. Викулова). (2019). Флинта.
18. Борисов, Н. В., Захаркина, В. В., Мбого, И. А., Прокудин, Д. Е., & Щербаков, П. П. (2023). Веб-сайт как объект цифрового наследия: проблемы идентификация и систематизации. *International Journal of Open Information Technologies*, 11(12), 115–127.

19. Vikulova, L. G., Tareva, E. G., Gerasimova, S. A., Rayskina, V. A., & Serebrennikova, E. F. (2020). Retrospective semiometrics of the sign Valeur. *Xlinguae*, 13(1), 169–183. <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.01.13>
20. Викулова, Л. Г., Серебренникова, Е. Ф., Вострикова, О. В., & Герасимова, С. А. (2020). Лексемы identite/идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиометрический и аксиологический аспекты интерпретации. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2(831), 30–42.
21. Гвардия. Большая российская энциклопедия. (2004–2017). (2024, 22 апреля). <https://old.bigenc.ru/search?q=гвардия>
22. Год литературы. (2022). Издательство «Молодая гвардия» отмечает 100-летие. (2024, 22 апреля). <https://godliteratury.ru/articles/2022/10/10/izdatelstvo-molodaia-gvardiia-otmechaet-svoe-100-letie>
23. Вовк, О. В. (2006). *Энциклопедия знаков и символов*. Вече.
24. Рябцева, Э. Г. (2020). Модель жанра рекламной аннотации к художественному тексту. *Филология в контексте коммуникации и современной культуры* (с. 256–264). С. С. Бычков, В. В. Катермина, А. М. Прима, А. В. Самойлова (Ред.). *Материалы Международного филологического конгресса, Краснодар, 19–22 мая 2020 года*. Т. 1. Кубанский государственный университет.
25. Чернявская, В. Е. (2023). Типографический ландшафт и прагматика типографической вариативности. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*, 22(5), 89–100. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.6>

References

1. Carrillo-Duran, M. V., Cabrera-Gala, R., & Sanchez-Baltasar, L. B. (2023). What is known about personal reputation? A systematic literature review. *Heliyon*, 9(5). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15680>
2. Imber, S. Yu. (2022). The role of Spiegel readers' comments in shaping the reputation of news media. *Society. Communication. Education*, 13(1), 18–27. <https://doi.org/10.18721/JHSS.13102> (In Russ.).
3. Lisenkova, A. A. (2022). Managing the digital reputation of cultural institutions. *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 6(110), 106–112. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-6110-106-112>
4. Diez-Arroyo, M. (2023). Epistemic vigilance and persuasion: The construction of trust in online marketing. *Journal of Pragmatics*, 215, 101–112. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2023.07.007>
5. Vikulova, L. G., Korolenko, O. I., & Makarova, I. V. (2023). Digital reputation of the scientific community: website of the French academy. *Crede Experto: transport, society, education, language*, 1, 234–250. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2023_1_234 (In Russ.).
6. Vikulova, L. G., & Plotnikova, A. V. (2023). Dialogue strategies of the educational space of the National Institute of the Korean language website. *Theoretical and Applied Linguistics*, 9(2), 39–49. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_39 (In Russ.).
7. Chernyavskaya, V. E. (2019). Discursive approach to university reputation: foregrounding the past in the actual practice. *Communication Studies*, 6(4), 940–958. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2019.6\(4\).940-958](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2019.6(4).940-958) (In Russ.).

8. Golova, A. G. (2022). From the concept of «University 3.0» to the triad of university reputation capital. *Digitalisation as a factor of raising the quality of higher education in Russia* (pp. 97–101). Collection of materials of the XXVI All-Russian Scientific and Methodological Conference of Heads of Departments of Marketing, Advertising, Public Relations and related areas of technology, Moscow, April 28–30, 2022. Conference proceedings, Association of Russian communication agencies, 97–101. (In Russ.).
9. Vikulova, L. G. (2012). Publishing discourse in the communication system «author – publisher – reader». *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2s(18), 63–69. (In Russ.).
10. Zoidze, E. A. (2024). Text on book cover: blurb as a genre. *Nauchnyi dialog*, 13(2), 73–95. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-73-95> (In Russ.).
11. Penner, R. V. (2023). On the problem of identity in the postmodern era. *Regional cultural strategies in the modern world* (pp. 62–68). Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation), Perm, May 11–12, 2023. Perm State Institute of Culture. (In Russ.).
12. Karasik, V. I. (2022). Discursive convergence. *Linguistic limology* (pp. 32–39). Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Moscow, December 16, 2021. Moscow State Regional University. (In Russ.).
13. Plotnikova, S. N. (2011). Discourse as space: a new approach. *Magister Dixit*, 2, 152–158. (In Russ.).
14. Okhapkina, E. P., & Roganov, A. A. (2021). Digital self-identification: purpose, methods, risks. *Interaction of universities, scientific organizations and cultural institutions in the field of information protection and security technologies* (pp. 44–54). A collection of articles based on the materials of the International Conference dedicated to the memory of Professor A. A. Tarasov and O. V. Kazarin, Moscow, April 21–22, 2021. Russian State University for the Humanities. (In Russ.).
15. Safiullin, M. R., & Pavlova, Kh. A. (2023). Reputation: the content of the basic concepts. *Electronic Economic Newsletter of the Republic of Tatarstan*, 4, 41–47. (In Russ.).
16. Doxee. *Publishing Industry: The importance of marketing for publishing houses*. (2024, April 22). <https://www.doxee.com/blog/digital-marketing/the-importance-of-marketing-for-publishing-industry/>
17. *Marketing linguistics. Patterns of the advancing text* (ed. by E. G. Borisov, L. G. Vikulov). (2019). Flinta. (In Russ.).
18. Borisov, N. V., Zakharkina, V. V., Mbogo, I., Prokudin, D. E., & Shcherbakov, P. P. (2023). Website as an object of digital heritage: problems of identification and systematization. *International Journal of Open Information Technologies*, 11(12), 115–127. (In Russ.).
19. Vikulova, L. G., Tareva, E. G., Gerasimova, S. A., Rayskina, V. A., & Serebrennikova, E. F. (2020). Retrospective semiometrics of the sign Valeur. *XLinguae*, 13(1), 169–183. <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.01.13>
20. Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Vostrikova, O. V., & Gerasimova, S. A. (2020). Lexemes identité/identity as elements of the human and language universes: ethno-semiometric and axiological aspects of interpretation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(831), 30–42. (In Russ.).
21. The Guard. *The Big Russian Encyclopedia* (2004–2017). (2024, April 22). <https://old.bigenc.ru/search?q=гвардия> (In Russ.).

22. *The year of literature*. (2022). The publishing house «Molodaya Gvardiya» celebrates its 100th anniversary. (2024, April 22). <https://godliteratury.ru/articles/2022/10/10/izdatelstvo-molodaia-gvardiia-otmechaet-svoe-100-letie> (In Russ.).
23. Vovk, O. V. (2006). *The encyclopedia of signs and symbols*. Veche. (In Russ.).
24. Ryabtseva, E. G. (2020). A model of the genre of advertising annotation to a literary text. *Philology in the context of communication and modern culture* (pp. 256–264). S. S. Bychkov, V. V. Katerina, A. M. Prima, A. V. Samoilova (Eds.). Proceedings of the International Philological Congress, Krasnodar, May 19–22, 2020. Vol. 1. Kuban State University. (In Russ.).
25. Chernyavskaya, V. E. (2023). Typographic Landscape: Pragmatics of Typographic Variation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 22(5), 89–100. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.6> (In Russ.).

Информация об авторе

Элла Амирановна Зойдзе — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Ella A. Zoidze — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of the Department of English Studies and Cross-Cultural Communication, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.581'367.627

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-148-165

КИТАЙСКИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ДВА» (二 И 兩): ФИЛОСОФСКИЙ, ДИАХРОНИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Банкова Людмила Львовна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

bankovall@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6021-0331>

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена трудностями в разграничении и употреблении двух числительных со значением «два» (二 и 兩) в рамках одного комплекта обычных цифр в китайском языке на фоне отсутствия работ, рассматривающих прагматический аспект наряду с философским и историческим (диахроническим). Существование анализируемых числительных основывается на том, что посредством китайского языка мир предстает дифференцируемым не на индивиды и множества ввиду отсутствия грамматической категории числа, а разграничивается на множества и подмножества. В такой трактовке 兩 ‘два’ представляется как самодовлеющее целое, а 二 ‘два’ — как его часть. С древности до наших дней иероглиф 二 ‘два’ обозначал обычное число или сумму, а также порядковость. В отношении иероглифа 兩 ‘два’ можно констатировать его способность в качестве числительного обозначать парные природные предметы и явления уже в древнекитайском языке. Затем к этому добавилась функция обозначения схожих, равнозначных предметов и явлений. На современном этапе развития китайского языка наблюдается тенденция изменения устоявшихся ранее норм разграничения и употребления числительных 二 ‘два’ и 兩 ‘два’. Так, в некоторых случаях одно из рассматриваемых числительных может заменяться другим согласно древнекитайским правилам употребления. Развитием средств массовой коммуникации обусловлено размытие диалектных различий, когда данные лексемы начинают использоваться в несвойственных им ареалах употребления. В работе проводится анализ случаев практического применения числительных 二 ‘два’ и 兩 ‘два’ наряду с критическим осмыслением связанных с данным аспектом вопросов.

Ключевые слова: китайский язык, китайские числительные, запись китайских чисел.

Для цитирования: Банкова, Л. Л. (2025). Китайские числительные со значением «два» (二 и 兩): философский, диахронический и прагматический аспекты. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 148–165. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-148-165>

Original article

UDC 811.581'367.627

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-148-165

**CHINESE NUMERALS
DENOTING «TWO» (二 AND 两):
PHILOSOPHYCAL, DYACHRONICAL
AND PRAGMATIC ASPECTS****Ludmila L. Bankova**Moscow City University,
Moscow, Russia,bankovall@mgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6021-0331>

Abstract. The study proves relevant due to the complications in differentiating and using the two numerals denoting «two» — 二 and 两 — within the set of rod numbers in the Chinese language in the absence of works considering pragmatic, philosophical and historical (diachronic) aspects of the subject matter. The existence of the numerals under analysis rests on the fact that due to the absence of the grammatical category of number the Chinese language segments the world into sets and subsets of things as opposed to multitudes of things and individual things. Within such a rendition 两 («two») is seen as a self-sustained whole whereas 二 («two») — as its constituent element. Since ancient times character 二 («two») has been denoting a rod number, a sum and orderliness. With regard to character 两 («two») one may note its ability, as a numeral, to identify naturally coupled things and phenomena already in Old Chinese. Later, another function was added: to denote similar and equal things and phenomena. The contemporary stage of the Chinese language development observes a tendency to change the earlier-established norms of differentiating between and using numerals 二 («two») and 两 («two»). Indicatively, in some cases one of the analyzed numerals may be replaced by the other under the Old Chinese rules of application. The development of mass-communication media determines the blurring of dialectic differences wherein these lexical items begin to be used in their unusual areas of application. The paper analyzes the cases of practical application of numerals 二 («two») and 两 («two») along with the critical evaluation of the issues arising therefrom.

Keywords: the Chinese language, Chinese numerals, Chinese numbers' written form.

For citation: Bankova, L. L. (2025). Chinese numerals denoting «two» (二 and 两): philosophycal, dyachronical and pragmatic aspects. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 148–165. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-148-165>

Введение

В китайском языке число *два* может быть записано двумя разными иероглифами в рамках одного комплекта обычных цифр — 二 ‘два’ и 两 ‘два’ (Банкова, 2017, 2018). Тема их различия характеризуется неослабевающей актуальностью благодаря непрерывному развитию языка и сопутствующим этому процессу изменениям. Китайские авторы, чьи статьи посвящены интересующей нас проблематике, обосновывают актуальность своих работ большим количеством ошибок в использовании анализируемых числительных. Как следствие, в китайских научных кругах при обсуждении темы 二 ‘два’ и 两 ‘два’ значительно преобладают публикации сугубо прагматической направленности, сконцентрированные на разнице в употреблении данных числительных (Бай Цинъю, 2002; Е Юнь, 2002; Жэнь Ци, 2010; Ли Фубу, 2005; Ли Хан, 2016; Лю Чжэньхай, 2007; Люй Шусян, 1998; У Чжэн, 1998; Цзинь Юцзин, 2007; Цзэн Цинсюань, 2008; Чжу Аньи, 1998).

Среди прочих аспектов, связанных с проблематикой 二 ‘два’ и 两 ‘два’, проведен их обзор с диахронического (Линь Жуйин, 2013; Сюй Сююа, 2010; Чжу Ли, 2013) и культурологического (Ли Фэньинь, 2019) ракурсов, рассказано о нюансах их употребления при обозначении кратных чисел (Лан Ечэн, 1983), рассмотрен вопрос соотношения числительного 两 ‘два’ и его дублета 俩 ‘оба’ (Чжан Даоцзюнь, 2006), проанализировано функционирование первого в сочетании с существительными (Чэнь Шипин, 2002; Чжан Сунин, 2006), затронута проблема диффузной семантики числительного 两 ‘два’ и его роли в обозначении приблизительного количества (Чжан Циюнь, 2008). Также изучена разница в употреблении 二 ‘два’ и 两 ‘два’ в современном китайском интернет-дискурсе (Чэн Цзинь, 2010) и юридическом дискурсе (Чжао Хайсян, 1993; Сунь Цзя, 2023).

Ранее мы уже обращались к теме иероглифа 两 ‘два’ в китайском языке, сфокусировавшись на вопросе его графической эволюции (Банкова, 2018). В настоящей работе проблемное поле включает в себя такие аспекты, как философский, исторический (диахронический) и прагматический, а ее актуальность определяется отсутствием комплексных исследований числительных 二 ‘два’ и 两 ‘два’ с данных ракурсов в отечественном китаеведении.

Философские предпосылки

По словам исследователей, наблюдаемая в китайском языке детализация обозначений числа *два* (二 ‘два’, 两 ‘два’, 俩 ‘оба’ и 双 ‘пара’) «обязана любовью к нему китайского этноса» (Чэн Цзинь, 2010, с. 400). Это те самые слова,

¹ Оба хороши (лат.).

которые «могут способствовать пониманию каких-то важных особенностей культуры народа» (Попова, 2015, с. 143), и которые передают от поколения к поколению закреплённые в языке знания, являющиеся своеобразной формой культурной памяти этноса (Авербух, 2018, с. 16).

У А. А. Драгунова отличия между 二 ‘два’ и 两 ‘два’ сформулированы следующим образом: «Основное смысловое отличие *лян* от *эр* заключается в том, что *лян* всегда мыслится как самодовлеющее целое, вне обязательной связи с числовым рядом, тогда как *эр*, наоборот, всегда мыслится как часть целого, как одно из звеньев числового ряда» (Драгунов, 1952, с. 197). Сяо Гочжэн и Ли Инчжэ объясняют различие между 二 ‘два’ и 两 ‘два’ тем, что первое служит для обозначения суммы, а второе — для передачи схожести и однородности предметов (Сяо Гочжэн, 1997, с. 42).

Разумеется, все это верно и все эти мнения — суть грани одного явления. Однако наиболее полно сущность феномена наличия в китайском языке двух лексем для обозначения числа *два* описана в энциклопедии «Духовная культура Китая». Так, в Китае свой специфический вид обобщения действительности, когда один репрезентативный элемент выделяется в качестве символа всего множества, что выражается в понятийном синкретизме единого и многого. Данное обстоятельство коррелирует с такой особенностью китайского языка, как отсутствие грамматической категории числа, когда мир не представляется дифференцированным на индивиды и множества, а разграничение проходит по принципу деления множеств и подмножеств, в отличие от европейских языков, в которых водораздел проходит по линии противопоставления собирательных и количественных числительных порядковым числительным, что «является лексическим коррелятом грамматическому различению множественного и единственного числа» (ДКК..., 2009, с. 46–47). В китайском языке собирательные числительные (两 ‘два’) противопоставлены количественным (二 ‘два’) и порядковым (第二 ‘второй’), в отличие от русского языка, в котором собирательные (двое) и количественные (два) числительные противопоставлены порядковым (второй) (Там же). Таким образом, «два — это множество всех двойных объектов, а двое в нем — подмножество самостоятельных пар (двоиц), чему соответствует стандартное словарное определение “лян [2] — это эр [2]”» (Там же).

Историческая справка

Исследование более сорока неродственных и разнотипных языков показало, что среди 15 слов, которые использовались 12 тысяч лет назад и используются сейчас, иероглиф 二 ‘два’ является единственным числительным и находится на втором месте в данном своеобразном рейтинге из 15 позиций (Чжан Циюнь, 2008, с. 23).

В древнекитайском языке иероглиф идеографической категории 二 ‘два’ обозначал обычное число или сумму (Сюй Сяухуа, 2010, с. 65; Ван Сяопэн,

2000, с. 19), а также порядковость (Чжан Яньчэн, 2009, с. 1), что подтверждается примерами:

...一日二日萬幾。《尚書·皋陶謨》...за один—два дня постигнет множество несчастий². «Канон записей. Рассуждения Гао Яо»

生丈夫，二壺酒，壹犬。《国語·越語上》При рождении мальчика из казны выделялось два сосуда вина и одна собака. «Речи царств. Речи владения Юэ. Раздел первый»

...見其二子焉。《論語·微子》...и представил [ему] двух своих сыновей. «Суждения и беседы. Владетель Вэй»

二人同心，其利斷金；同心之言，其臭如蘭。《周易·繫辭上》Если два человека единокорны, то их сильные стороны вместе сокрушают металл. Единокорные речи подобны благоухающей орхидее. «Чжоу и. Сици. Раздел первый»

一、五行：一曰水，二曰火，三曰木，四曰金，五曰土...《尚書·洪範》...Первый раздел — пять стихий: первая — вода, вторая — огонь, третья — дерево, четвертая — металл, пятая — земля. «Канон записей. Великий закон»

В современный период развития китайского языка иероглиф 二 ‘два’ «вступил», добавив к указанным выше значениям (обозначение суммы и порядковости) возможность выступать в функции прилагательного со значениями ‘двуличный’ и ‘глупый’^{3, 4}.

Что касается иероглифа 兩, то представляется, что его способность обозначать число *два* в ретроспективе требует пояснения, поскольку на этот счет имеются некоторые заблуждения. Так, нам встретился пассаж, повествующий о том, что «современный китайский вариант 兩 *liǎng* практически не использовался для обозначения точных чисел до XX века и иероглиф-цифра 二 *èr* был единственным способом выразить число *два* в “Книге по арифметике”» (перевод наш. — Л. Б.) (Anicotte, 2017, с. 4). По этому поводу отметим, что в «Книге по арифметике» это действительно могло иметь место, поскольку, как будет подробно рассказано далее в настоящей статье, математические действия, обозначение различных видов дробей, кратность, приблизительность — все то, что представляет собой предметную область арифметики, — действительно связано с употреблением 二 ‘два’. Однако утверждение о том, что это был единственный способ выразить число *два*, является в корне неверным, что мы и аргументируем далее.

Как указывает классик китайского языкознания профессор Ван Ли (Ван Ли, 1957, с. 248, 251), а также другие китайские лингвисты (Сюй Сюэуа, 2010, с. 65; Чжу Ли, 2013; Ван Сяопэн, 2000, с. 19), в древнекитайском языке

² Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — Л. Б.

³ В настоящем исследовании мы рассматриваем только те случаи, когда 二 ‘два’ и 兩 ‘два’ выступают в качестве числительных, оставляя за скобками те случаи, когда они могут функционировать в качестве иных частей речи.

⁴ Словарь современного китайского языка. = 现代汉语词典. URL: <https://cidian.bmcx.com/>

иероглиф 两 ‘два’ обозначал парные природные предметы и явления. Существует уточнение, что такие предметы или явления должны быть объективно сформированными (Сяо Гочжэн, 1997, с. 40). В качестве иллюстрации данного положения приведем следующие примеры:

願君堅塞兩耳，無聽其談也。刘向，《戰國策·趙策》 Надеюсь, Вы крепко зажмете оба уха и не будете верить его словам. Лю Сян, «Планы сражающихся царств. Чжао цэ»

兩造具備。《尚書·周書·呂刑》 [Когда] две стороны полностью подготовлены... «Канон записей. Записи [государства] Чжоу. Наказания, о [которых поведал] Люй»⁵

易生太極，是生兩儀。《易·系辭下》 Перемены рожают Великий предел, который рождает двоицу образов. «Ицзин. Сицзычуань. Раздел второй»

В процессе эволюции иероглиф 两 ‘два’ приобрел способность указывать на схожие, равнозначные предметы и явления (Сюй Сюхуа, 2010, с. 65; Чжу Ли, 2013; Сяо Гочжэн, 1997, с. 40):

楚人有兩妻者。《戰國策·秦策》 Один чусец имел двух жен. «Планы сражающихся царств. Цинь цэ»

相看兩不厭，只有敬亭山。李白，《獨坐敬亭山》 Смотреть друг на друга (букв. вдвоем) // вовек нам не надоест... Ли Бо, «Один сижу на горе Цзинтиншань»⁶

В современном китайском языке иероглиф 两 ‘два’, помимо уже имеющихся возможностей обозначать число и сумму, а также традиционную китайскую единицу измерения веса лян, приобрел способность определять парные родственные связи (两夫妻 ‘оба: муж и жена’, 两姐妹 ‘две сестры’, 两父子 ‘оба: отец и сын’, 两弟兄 ‘два брата’) и делать акцент на двустороннем характере явлений (两便 ‘обоюдovýгодный, обоудоудобный’, 两利 ‘обоюдovýгодный’, 两边 ‘двусторонний’, 两立 ‘сосуществование двух предметов’, 两难 ‘дилемма’, 两全 ‘обоудо-приемлемый’, 两头 ‘оба конца’)⁷. Также к настоящему моменту 两 ‘два’ обладает диффузным значением «несколько» (Банкова, 2022, с. 105). Кроме того, иероглиф 两 ‘два’, в отличие от 二 ‘два’, может функционировать в качестве фамилии Лян.

Практическое применение 二 ‘два’ и 两 ‘два’

Сфера употребления комплектов цифр в Китае регулируется ГОСТом⁸, который определяет целесообразность использования арабских цифр в противопоставлении обычным (小写) и формальным (大写), а также циклическим знакам (天干地支) и т. п. Однако ввиду отсутствия в данном нормативном

⁵ Перевод Г. С. Поповой (Шу-цзин (Канон записей) / Исслед., пер. с кит., коммент. и указатели Г. С. Поповой; Ин-т востоковедения РАН. М.; СПб.; Нестор-История, 2020. 355 с.).

⁶ Перевод В. М. Алексева. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=1460

⁷ 汉语大辞典. Большой словарь китайского языка. URL: <http://m.hydc.com>

⁸ ГОСТ 15835-2011. Правила записи чисел в публикациях. = 中华人民共和国国家标准GBT 15835-2011. 出版物上数字用法的规定

документе указаний по использованию числительных 二 ‘два’ и 两 ‘два’ возникает ряд вопросов, которые китайские лингвисты разрешают в своих научных трудах. Результаты их обобщения и осмысления мы представим далее.

Числительное 二 ‘два’ используется в следующих случаях:

- при счете: 一 二 三 四 五 ‘один, два, три, четыре, пять’;
- при выполнении математических действий: 一加一等于二 ‘один плюс один равно два’, 二二得四 ‘дважды два — четыре’, 二九一十八 ‘два умножить на девять, равно восемнадцати’, 三的二次方是九 ‘три в квадрате — девять’;
- при обозначении десятичных и обычных дробей, а также процентов: 三分之二 ‘две трети’, 零点二 ‘нуль целых две десятых’;
- при произнесении номеров телефонов, помещений, групп: 二零七号 ‘номер 207’, 二班 ‘группа два’;
- в качестве порядкового числительного: 第二 ‘второй’, 初二 ‘второй’, 二楼 ‘второй этаж’, 二姐 ‘вторая старшая сестра’, 星期二 ‘вторник, второй день недели’ (букв. неделя + второй). На исключение указывает Чжу Ли: 两点 ‘два часа’ (Чжу Ли, 2013);
- в середине или конце записи многозначного числа (кроме тех случаев, когда после разряда 万 ‘десять тысяч’ следует разряд 千 ‘тысяча’, о чем будет сказано далее): 十二 ‘двенадцать’, 一百零二 ‘сто два’, 三百二 ‘триста двадцать’, 二十二亿 2 200 000 000 ‘два миллиарда двести миллионов’ (Чжу Дэси, 1982, с. 47–48).

Числительное 两 ‘два’ используется:

- перед словом 半 ‘половина’: 两半 ‘обе половины’ (Сюй Сюэуа, 2010, с. 66).
- в функции мнимого числа⁹. Числительное 两 ‘два’ обладает диффузной семантикой, обозначая «несколько» (от двух до девяти), в то время как числительное 二 ‘два’, употребленное отдельно, без соположения с другими числительными, имеет точное значение: 过两天我来看你 ‘через несколько (букв. пару) дней приду к тебе’, 我跟你讲两句话 ‘я тебе скажу несколько (букв. пару) фраз’ (Банкова, 2022; Е Юнь, 2002; Чжу Ли, 2013). При этом диффузная функция 两 ‘два’ проявляется только в утвердительных предложениях, в отличие от его функционального аналога 几 ‘несколько’ (Лю Юэхуа, 2001, с. 123). Примечательно, что про диффузную семантику числительного 两 ‘два’ у китайцев середины XX века упоминание отсутствует (Чжу Дэси, 1982; Дин Шэншу, 1961; Ч. Ф. Хокет, 1947; А. А. Драгунов, 1952), за что они подвергаются критике (на наш взгляд, совершенно необоснованной) последователей (Чэн Цзинь, 2010, с. 400), которые упускают из внимания тот факт, что диффузная лингвистика начала развиваться в Китае в 70-е годы XX века после публикации статьи профессора У Тепина «Первые шаги в исследовании диффузного языка» (《模糊语言初探》) (У Тепин, 1979).

⁹ Не следует путать мнимые числа с приблизительными. Подробнее об этом см.: Банкова, 2022, с. 98. В «Описательной грамматике современного китайского языка» (《现代汉语描写语法》) под редакцией Чжан Биня числительное 两 ‘два’ относится к приблизительным числительным (概数词) (Чжан Бинь, 2010, с. 134), в то время как мы считаем, что это количественное числительное с диффузной семантикой.

Употребление обоих числительных (二 ‘два’ и 两 ‘два’) допустимо:

- во фразеологии, где оно четко фиксировано: 二流子 ‘бездельник, ту-неядец’, 二把手 ‘помощник, подручный’, 二杆子 ‘любитель(ница) закатывать истерики’, 两面派 ‘лицемер, двуличный человек’, 三长两短 ‘несчастье’, 三言两语 ‘лаконичный, в двух словах’;

- при обозначении кратности: 增加了二倍 и 增加了两倍 ‘увеличиться с двух до шести’ (Сюй Сюэуа, 2010, с. 66; Гао Хунбо, 2015, с. 75);

- при обозначении приблизительности: 二三 ‘два-три’ либо 两三 (三两) ‘два-три’. Однако в учебном пособии под редакцией Ли Юэхуа указано, что с числительным 三 может сопоставляться только 两 ‘два’ (Ли Юэхуа, 2001, с. 119). Следует иметь в виду, что сочетание 两 ‘два’ и 三 ‘три’ допустимо в пределах десяти. Если они сочетаются в рамках чисел больше двадцати, то следует употреблять 二 ‘два’ (二三十万 ‘двести-триста тысяч’);

- в военном дискурсе. В данном случае речь идет о производительном аспекте, поскольку запись наименований военной номенклатуры производится арабскими цифрами. По этому поводу возможно констатировать неустоявшуюся норму. Например, нами было зафиксировано произнесение названия американского истребителя F-22 как F-两两 и как F二十二 ‘Эф двадцать два’. В качестве дополнительных примеров приведем следующие: запись арабскими цифрами 02 передается сочетанием иероглифов 洞两 ‘дыра + два’; нумерация военных подразделений требует 两 ‘два’ (325: 叁两五 ‘три-два-пять’) (Сюй Сюэуа, 2010, с. 66; Чжу Ли, 2013);

- при передаче значения «оба» используется как 二者, так и 两者 с преобладанием первого.

Употребление числительных 二 ‘два’ и 两 ‘два’ со счетными словами:

- Со словами, обозначающими меру длины, веса, площади и объема, не являющимися традиционно китайскими, употребляется числительное 两 ‘два’: 两吨 ‘две тонны’, 两公里 ‘два километра’, 两英尺 ‘два (английских) фута’, 两米 ‘два метра’, 两毫升 ‘два миллилитра’.

- С любыми другими счетными словами (кроме обозначения традиционной китайской меры длины, веса, объема и площади) употребляется числительное 两 ‘два’ (两朵 ‘два бутона’, 两支 ‘два небольших продолговатых предмета’). А. А. Драгунов объяснял данное обстоятельство следующим образом: «Числительное 两 употребляется там, где речь идет о самодовлеющем числовом выражении двух однородных предметов: 两个人 ‘два человека’, 两匹马 ‘две лошади’» (Драгунов, 1952, с. 198). Кроме того, отечественный китаевед полагал, что в разговорном языке «两 употребляется при крупных единицах измерения, рассматриваемых как единое самостоятельное целое», 二 употребляется «в более мелких подразделениях, рассматриваемых как часть целого (两块二 ‘два юаня два мао’, 两毛二 ‘два мао два фэня’)»¹⁰ (Драгунов, 1952, с. 198).

¹⁰ Чжу Ли отдельно выделяет употребление 二 ‘два’ и 两 ‘два’ перед денежными единицами. Если перед 毛 (角) ‘мао/цзяо’ отсутствует 块 (元) ‘юань’, то говорят 两毛 ‘два мао’.

Такой же точки зрения придерживался и западный синолог Ч. Ф. Хокет (Хокет, 1947, с. 329).

При этом нужно обратить внимание на то обстоятельство, что в современном интернет-дискурсе растет доля употреблений числительного 二 ‘два’ со счетными словами и круг последних расширяется (二个人的寂寞 ‘одинокость двух людей’; 二个月瘦三十斤最快的方法是什么? ‘Какой самый быстрый способ сбросить пятнадцать килограмм за два месяца?’)¹¹ (Чэн Цзинь, 2010, с. 399–400).

• В отношении употребления 二 ‘два’ и 两 ‘два’ со словами, обозначающими традиционную китайскую меру длины, веса, объема и площади, мнения языковедов делятся на два лагеря, допускающих использование:

а) только 二 ‘два’: 二斤 ‘два цзиня’, 二两¹² ‘два лян’, 二尺 ‘два чи’, 二里 ‘два ли’ (Чжу Дэси, 1982, с. 47; Чжу Яньхун, 2014, с. 71);

б) обоих числительных: 二尺 / 两尺 ‘два чи’, 二斤 / 两斤 ‘два цзиня’, 二亩 / 两亩 ‘два му’, 二升 / 两升 ‘два шэна’ (1,04 л). Исключением является вариант 二两 ‘два лян’, поскольку вариант *两两 (например, *两两酒 ‘два лян спиртного’) недопустим (Сюй Сюхуа, 2010, с. 66; Сяо Гочжэн, 1997, с. 42; Чжу Ли, 2013; Ли Хан, 2016, с. 117; Ли Фэнъинь, 2019, с. 94; Дин Шэншу, 1961; Чэн Цзинь, 2010, с. 399). При этом опущение названия меры при наличии в конце записи числительного 两 ‘два’ не рекомендуется в связи с тем, что в таком случае искажается ее смысл (二丈二 (尺) ‘два чжана два (чи)’, но не *二丈两 (尺), 两丈二 (尺) ‘два чжана два (чи)’, *两丈两 (尺)). Поэтому нам представляется, что более интенсивное использование числительного 二 ‘два’ (Ли Фэнъинь, 2019, с. 94) обусловлено желанием избежать путаницы.

Чэн Цзинь объясняет разницу в употреблении 二 ‘два’ и 两 ‘два’ перед единицами, обозначающими традиционно китайские меры длины, веса, объема и площади, тем, что при акцентировании внимания на числе два в противопоставлении к другому числу (например, два, а не три) уместно использование 二 ‘два’. К такому выводу она приходит на основании анализа современно-го и древнего корпусов китайского языка Центра изучения китайской лингвистики Пекинского университета и приводит из них примеры (первый — из современного корпуса китайского языка, а второй — из древнего):

А если имеется, то используют 二 ‘два’: 一块二 (毛钱) ‘один юань два (мао)’. Нельзя сказать *一块两 (毛钱) (Зу Ли, 2013).

¹¹ Как, впрочем, наблюдается и обратная тенденция употреблять 两 ‘два’ со словами традиционной китайской меры длины, веса, объема и площади (二 / 两里路 ‘путь в два ли’) (Чэн Цзинь, 2010, с. 399).

¹² Интересно отметить, что вес лян в разные периоды истории Китая был неодинаков: в период династии Южная Ци он равнялся 20,8812 г, Восточная Вэй и Северная Ци — 27,841 г, Северная Чжоу — 15,66 г, Суй (581–606) — 41,762 г, Суй (607–618) — 13,9206 г, Тан и пять династий — 37,301 г (ДКК..., 2009, с. 325). Современный вес лян равен 14,93 г (ДКК..., 2009, с. 324). «Вес предметов на практике выражался в цзинях <...> независимо от его величины; ценные предметы, драгоценные металлы, камни, благовония — в лянх (англ. таэль)...» (ДКК..., 2009, с. 325). Примечательно, что у А. А. Драгунова лян переводится как унция (Драгунов, 1952, с. 199).

某油厂女工吴某在菜场买了二斤肉，回家一过秤，发现不到一斤八两，随即返回菜场。Некая работница некоего маслозавода по фамилии У купила на рынке два цзиня мяса. По возвращении домой она его взвесила и обнаружила, что в этом куске нет и одного цзиня восьми лянов, поэтому немедленно вернулась назад на рынок.

作烧饼法：面一斗。羊肉二斤... Как сделать печеные лепешки: на одну меру муки [взять] два цзиня баранины ... (Чэн Цзинь, 2010, с. 399)

Отдельной темой является употребление анализируемых числительных в юридическом дискурсе. В нем их сочетание со счетными словами подчиняется своим правилам. Согласно данным исследования, проведенного Сунь Цзя, по сравнению с прочими сферами, в этой сфере больше счетных слов сочетаются с 二 ‘два’ (二轮摩托车 ‘два мотоцикла’ 二份证据 ‘два доказательства’, 二只手镯 ‘два браслета наручников’), однако сочетаемость с 两 ‘два’ все же преобладает (Сунь Цзя, 2023, с. 66). Мы полагаем, что в других видах дискурса, связанных с социальными институтами (например, в дипломатическом, представляющем собой «динамическое образование» (Викулова, 2016, с. 55)), также есть свои особенности, которые необходимо изучать.

Среди всех китайских исследователей интересующей нас тематики только у Чжу Ли и Гао Хунбо встречаются рассуждения относительно употребления числительных 二 ‘два’ или 两 ‘два’ с со счетным словом 位, указывающим на уважаемую персону. По их мнению, с ним могут употребляться оба числительных (Чжу Ли, 2013; Гао Хунбо, 2015, с. 75). Действительно, из уст дикторов Центрального китайского телевидения — а их речь воспринимается как образцовая — можно услышать оба варианта фразы 欢迎二位 / 欢迎两位 ‘Добро пожаловать, двое уважаемых [господ]’. Однако Гао Хунбо указывает на некую едва ощутимую разницу между 二位 и 两位: второе сочетание имеет нейтральную окраску, а первое — более уважительный и в то же время близкий оттенок (Гао Хунбо, 2015, с. 75).

Запись двузначных и многозначных чисел

- Запись числа *двадцать*. Большинство исследователей занимают непрклонную позицию относительно использования в этом случае перед иероглифом-цифрой 十 ‘десять’ исключительно 二 ‘два’ (二十 ‘двадцать’). Однако Чэн Цзинь говорит о фиксации Корпусом современного китайского языка Центра изучения китайской лингвистики Пекинского университета (北京大学汉语语言学研究中心现代汉语语料库) случаев 两十 ‘двадцать’:

午餐盛放在两十大白铁桶里... Обед был положен в двадцать больших жестяных бидонов... (Чэн Цзинь, 2010, с. 400).

Чэн Цзинь полагает, что это обстоятельство берет начало из древнекитайского языка, и, по данным Корпуса древнекитайского языка Центра изучения китайской лингвистики Пекинского университета (北京大学汉语语言学研究中

心古代汉语语料库), количество употреблений формы записи 两十 ‘двадцать’ в тот период развития китайского языка было в 6 раз больше (Там же).

- Перед иероглифами 千 ‘тысяча’, 万 ‘десять тысяч’, 亿 ‘сто миллионов’ возможно использование как 二 ‘два’, так и 两 ‘два’, и в этом все языковеды единодушны.

- Дискуссионным моментом представляется выбор формы записи цифры два перед разрядом сотен (百 ‘сто’). По данному вопросу можно условно разделить имеющиеся взгляды на три группы. Перед 百 ‘сто’ можно использовать:

- а) оба числительных (Сюй Сюхуа, 2010, с. 66; Чжу Дэси, 1982, с. 47–48; Чжу Ли, 2013; Хокет, 1947, с. 329; Гао Хунбо, 2015, с. 75);

- б) только 二 ‘два’ (Ли Фэнъинь, 2019, с. 94; Ли Хан, 2016, с. 117; Драгунов, 1952, с. 198; Дин Шэншу, 1961, с. 187);

- в) только 两 ‘два’ (Сяо Гочжэн, 1997, с. 41).

Согласно А. А. Драгунову, использование 二 ‘два’ или 两 ‘два’ зависит от величины числа: «существительные *чжао* ‘миллион’¹³ и *вань* ‘десять тысяч’ рассматриваются как крупные единицы, и поэтому говорится *лян чжао* ‘два миллиона’, *лян вань* ‘двадцать тысяч’. При слове *цянь* ‘тысяча’ наблюдаются колебания: в одних диалектах преобладает *лян цянь*, в других — *эр цянь*. В меньших разрядах употребляется *эр*: *эр бай* ‘200’, *эр ши* ‘20’...» (Драгунов, 1952, с. 198).

Действительно, при разграничении сфер употребления 二 ‘два’ и 两 ‘два’ нельзя исключать диалектную обусловленность. Общая тенденция такова, что на юге (в Шанхае) предпочтение отдается 两 ‘два’ (两月 ‘февраль’, 两楼 ‘второй этаж’), а на севере (в Пекине) — 二 ‘два’ (二月 ‘февраль’, 二楼 ‘второй этаж’) (Гао Хунбо, 2015, с. 74). При этом Гао Хунбо отмечает, что диалектная разница ослабляет свои позиции благодаря современным средствам общения (Там же).

- В случае, когда после разряда 万 ‘десять тысяч’ следует разряд 千 ‘тысяча’ (например, 两万二(千) ‘двадцать две тысячи’), перед последним не рекомендуется использовать 两 ‘два’ (Дин Шэншу, 1961, с. 187). С подобным подходом не согласен Гао Хунбо, аргументируя свою позицию тем, что, согласно нормам современного китайского языка, вариант 两万两千 ‘двадцать две тысячи’ не только вполне допустим, но и весьма распространен. Однако в этом случае существует одно ограничение. Если во фразе 两万二(千) ‘двадцать две тысячи’ иероглиф-цифра 千 ‘тысяча’ может опускаться и смысл остается неизменным, то при опущении таковой в записи 两万两千 ‘двадцать две тысячи’ смысл меняется, поскольку в данном случае второе 两 трактуется как мера веса лян и получается 两万两 ‘двадцать тысяч лян’. Число *двадцать две тысячи* в китайском языке может быть записано также в виде 二万二(千) или 二万两千. Впрочем, данные формы записи встречаются реже, чем варианты 两万二(千) и 两万两千 (Гао Хунбо, 2015, с. 75).

¹³ В современном китайском языке разряд *чжао* ‘миллион’ отсутствует.

Заключение

С течением времени изменения в речи носителей китайского языка, закрепляемые в языке, дают повод вновь обращаться к проблеме разграничения употребления числительных 二 ‘два’ и 两 ‘два’. В последние годы наблюдается тенденция сдвига устоявшихся ранее норм. Некоторые эпизоды замены одной из этих лексических единиц на другую кажутся непривычными в данный момент развития языка (например, обозначение ‘двадцать’ в виде 两十, а также употребление числительного 二 ‘два’ со счетными словами, не выражающими традиционную китайскую меру длины, веса, объема и площади), являясь тем временем хорошо забытым старым вариантом употребления. Кроме того, развитие средств коммуникации способствует размыванию диалектных различий, преимущественно между южным и северным вариантами. Наблюдаемое явление выражается не в том, что одна из анализируемых лексических единиц получает доминирующее положение, а в том, что она начинает чаще использоваться в несвойственном ей ареале употребления.

Следует отметить, что по многим вопросам, связанным с употреблением числительных 二 ‘два’ и 两 ‘два’, в среде китайских лингвистов наблюдаются значительные разногласия. Так, отсутствует единое мнение относительно того, какой из вариантов вербализации числа *два* следует употреблять в начале записи многозначного числа и со счетными словами, обозначающими традиционную китайскую меру длины, веса, объема или площади, а также при обозначении приблизительности и некоторых других вопросов.

Помимо этого, проблема функционирования числительных 二 ‘два’ и 两 ‘два’ в рамках институциональных дискурсов к настоящему моменту не получила должного освещения (кроме юридической сферы), и нам представляется перспективной дальнейшая работа в данном направлении.

Список источников

1. Банкова, Л. Л. (2017). Китайские комплекты цифр. *Иностранные языки в высшей школе*, 2(41), 56–60.
2. Банкова, Л. Л. (2018). Комплект китайских обычных цифр «小写». *Вестник Пятигорского государственного университета*, 01, 76–81.
3. 柏庆友. (2002). “两”和“二”. *小学生语文学习* (10), 14. = Бай, Цинъю. (2002). «Лян» хэ «эр». *Сяосюэшэн юйвэнь сюэси* (10), 14. = Bai, Qingyou. (2002). «Liang» he «er». *Xiaoxuesheng yuwen xuexi* (10), 14.
4. 叶云. (2002). 正确使用“二”和“两”. *今日小学生月刊*, 02, 12. = Е, Юнь. (2002). Чжэньцзюэ шиюн «эр» хэ «лян». *Цзиньъжи сяосюэшэн кань*, 02, 12. = Ye, Yun. (2002). Zhengque shiyong «er» he «liang». *Jinri xiaoxuesheng kan*, 02, 12.
5. 任启. (2010). 说“二”. *现代交际*, (11), 102–102. = Жэнь, Ци. (2010). Шо «эр». *Сяньдай цзяоцзи*, (11), 102–102. = Ren, Qi. (2010). Shuo «er». *Xiandai jiaoji*, (11), 102–102.
6. 李弗不. (2005). “二”和“两”的用法. *考试: 新语文*, (2), 1. = Ли, Фубу. (2005). «Эр» хэ «лян» дэ юнфа. *Каоши: синь юйвэнь*, (2), 1. = Li, Fubu. (2005). «Er» he «liang» de yongfa. *Kaoshi: xin yuwen*, (2), 1.
7. 李航. (2016). 编辑校对中汉字数字“二”和“两”的用法辨析. *金融理论与教学*, 05(139), 116–117. = Ли, Хан. (2016). Бяньцзи цзяюудуй чжун ханьцзы шуцзы «эр»

хэ «лянь» дэ юнфа бьяньси. *Цзиньжун лилунь юй цзяосюэ*, 05(139), 116–117. = Li, Hang. (2016). Bianji jiaodui zhong hanzi shuzi «er» he «liang» de yongfa bianxi. *Jinrong lilun yu jiaoyu*, 05(139), 116–117.

8. 刘振海. (2007). 小议数字“两”、“二”和“2”的用法. *中国科技期刊研究*, 18(4), 708. = Лю, Чжэньхай. (2007). Сяо и шуцзы «лянь», «эр» хэ «2» дэ юнфа. *Чжунго кэцзи цикань яньцзю*, 18(4), 708. = Liu, Zhenhai. (2007). Xiao yi shuzi «liang», «er» he «2» de yongfa. *Zhongguo keji qikan yanjiu*, 18(4), 708.

9. 吕叔湘. (1998). “二”和“两”. *语文世界*, (11), 35. = Люй, Шусян. (1998). «Эр» хэ «лянь». *Юйвэнь шицзе*, (11), 35. = Lü, Shuxiang. (1998). «Er» he «liang». *Yuwen shijie*, (11), 35.

10. 吴铮. (1998). 要正确使用“二”和“两”. *中国石油大学胜利学院学报*, 12(03), 89. = У, Чжэн. (1998). Яо чжэнцзюэ шиюн «эр» хэ «лянь». *Чжунго шию дасюэ шэнли сюэюань сюэбао*, 12(03), 89. = Wu, Zheng. (1998). Yao zhengque shiyong «er» he «liang». *Zhongguo shiyou daxue shengli xueyuan xuebao*, 12(03), 89.

11. 金有景. (2007). 谈谈“二”和“两”的用法差别. *汉语学习*, (02), 99. = Цзинь, Юцзин. (2007). Таньтань «эр» хэ «лянь» дэ юнфа чабе. *Ханьюй сюэси*, (02), 99. = Jin, Youjing. (2007). Tantan «er» he «liang» de yongfa chabie. *Hanyu xuexi*, (02), 99.

12. 曾庆璇, 曾旭, & 曾华焱. (2008). 谈“二”和“两”. *网络财富*, 12, 275–276. = Цзэн, Цинсюань, Цзэн, Сюй, & Цзэн, Хуаянь. (2008). Тань «эр» хэ «лянь». *Ванло цайфу*, 12, 275–276. = Zeng, Qingxuan, Zeng, Xu, & Zeng, Huayan. (2008). Tan «er» he «liang». *Wangluo caifu*, 12, 275–276.

13. 朱安义. (1998). “二”和“两”及其他. *昭通师范高等专科学校学报*, (02), 116–117. = Чжу, Аньи. (1998). «Эр» хэ «лянь» цзи цита. *Чжаотун шифань гаодэн чжуанькэ сюэсяо сюэбао*, (02), 116–117. = Zhu, Anyi. (1998). «Er» he «liang» ji qita. *Zhaotong shifan gaodeng zhuanke xuexiao xuebao*, (02), 116–117.

14. 林芮莹. (2013). 从数词“2”的古今变化看文化演变. *文学教育*, (15), 120–121. = Линь, Жуйин. (2013). Цун шуцы «2» дэ гуцзинь бяньхуа кань вэньхуа яньбянь. *Вэньсюэ цзяюй*, (15), 120–121. = Lin, Ruiying. (2013). Cong shuci «2» de gujin bianhua kan wenhua yanbian. *Wenxue jiaoyu*, (15), 120–121.

15. 徐秀花. (2010). 数词“二”和“两”古今用法之比较. *山西大同大学学报 (社会科学版)*, 24(03), 65–66, 74. = Сюй, Сюхуа. (2010). Шуцы «эр» хэ «лянь» гуцзинь юнфа чжи бицзяо. *Шаньси Датун дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань)*, 24(03), 65–66, 74. = Xu, Xiuhua. (2010). Shuci «er» he «liang» gujin yongfa zhi bijiao. *Shanxi Datong daxue xuebao (shehui kexue ban)*, 24(03), 65–66, 74.

16. 朱力. (2013). 论“二”和“两”的异同. *青年文学家*, 03. = Чжу, Ли. (2013). Лунь «эр» хэ «лянь» дэ итун. *Циннянь вэньсюэцзя*, 03. = Zhu, Li. (2013). Lun «er» he «liang» de yitong. *Qingnian wenxuejia*, 03. (2013, 5 февраля). <https://www.docin.com/p-1133270038.html>.

17. 李凤吟, & 张星. (2019). 从二和两看中国数文化. *泉州师范学院学报*, 37(01), 93–97. = Ли, Фэнйинь, & Чжан, Син. (2019). Цун эр хэ лян кань Чжунго шу вэньхуа. *Цюаньчжоу шифань сюэюань сюэбао*, 37(01), 93–97. = Li, Fengyin, & Zhang, Xing. (2019). Cong er he liang kan Zhongguo shu wenhua. *Quanzhou shifan xueyuan xuebao*, 37(01), 93–97.

18. 郎业成. (1983). “倍数”以及“二”和“两”的正确用法. *煤炭经济研究*, (06), 9–34. = Лан, Ечэн. (1983). «Бэйшу» ицзи «эр» хэ «лянь» дэ чжэнцзюэ юнфа. *Мэйтань цзинцзи яньцзю*, (06), 9–34. = Lang, Yecheng. (1983). «Beishu» yiji «er» he «liang» de zhengque yongfa. *Meitan jingji yanjiu*, (06), 9–34.

19. 张道俊. (2006). “俩”与“两个”的句法功能差异及其原因. *孝感学院学报*, 26(02), 20–23. = Чжан, Даоцзюнь. (2006). «Ля» юй «лянь гэ» дэ цзюйфа гуннэн чай цзи ци

- юаньинь. *Сяогань сюэюань сюэбао*, 26(02), 20–23. = Zhang, Daojun. (2006). «Lia» yu «liang ge» de jufa gongneng chayi ji qi yuanyin. *Xiaogan xueyuan xuebao*, 26(02), 20–23.
20. 陈仕平, 朱怀, & 郭家翔. (2002). “两 + N” 结构浅析. *语言研究*, (S1), 136–139. = Чэнь Шипин, Чжу Хуай, & Го Цзясян. (2002). «Лян + N» цзегоу цянъси. *Юйянь яньцзю*, (S1), 136–139. = Chen Shiping, Zhu Huai, & Guo Jiaxiang. (2002). «Liang + N» jiegou qianxi. *Yuyan yanjiu*, (S1), 136–139.
21. 张素宁. (2006). “两 + N” 结构的多角度研究. 硕士学位论文. 湖南师范大学. = Чжан, Сунин. (2006). «Лян + N» цзегоу дэ до цзяоу яньцзю. Шоши сюэвэй лунъвэнь. Хунань шифан дасюэ. = Zhang, Suning. (2006). «Liang + N» jiegou de duo jiaodu yanjiu. *Shuoshi xuewei lunwen*. Hunan shifan daxue.
22. 张其昀, & 谢俊涛. (2008). 二、两、俩和再. *南阳师范学院学报 (社会科学版)*, 08, 23–27. = Чжан, Циюнь, & Се, Цзюньтао. (2008). Эр, лян, ля хэ цзай. *Наньян шифан сюэюань сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань)*, 08, 23–27. = Zhang, Qiyun, & Xie, Juntao. (2008). Er, liang, lia he zai. *Nanyang shifan xueyuan xuebao (shehui kexue ban)*, 08, 23–27.
23. 程锦. (2010). 基于语料库的汉语数词“二”, “两”用法的历史研究. *内蒙古农业大学学报 (社会科学版)*, 12(6), 399–401. = Чэн, Цзинь. (2010). Цзюйюй юйляоку дэ ханьюй шуцы «эр», «лян» юнфа дэ лишн яньцзю. *Нэй Мэнгу Хунъе дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань)*, 12(6), 399–401. = Cheng, Jin. (2010). Jiyu yuliaoku de hanyu shuci «er», «liang» yongfa de lishi yanjiu. *Nei Menggu nongye daxue xuebao (shehui kexue ban)*, 12(6), 399–401.
24. 赵海翔. (1993). “二年”宜改为“两年”. *法学*, (7), 24. = Чжао, Хайсян. (1993). «Эр нянь» и гай вэй «лян нянь». *Фасюэ*, (7), 24. = Zhao, Haixiang. (1993). «Er nian» yi gai wei «liang nian». *Faxue*, (7), 24.
25. 孙佳. (2023). 基于法律文书语料库的数词“二”与“两”用法差异分析. *鲁东大学学报 (哲学社会科学版)*, 40(01), 61–67. = Сунь, Цзя. (2023). Цзюйюй фалюй вэньшу юйляоку дэ шуцы «эр» юй «лян» юнфа чай фэньси. *Лудун дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань)*, 40(01), 61–67. = Sun, Jia. (2023). Jiyu falü wenshu yuliaoku de shuci «er» he «liang» yongfa chayi fenxi. *Ludong daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban)*, 40(01), 61–67.
26. Банкова, Л. Л., & Жань, Л. (2018). Эволюция графической формы иероглифа 两 и его первоначальное значение. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*, 43, 9–16.
27. Попова, Л. Г., & Егорова, В. О. (2015). О сущности и возможностях установления культурной памяти слов (сопоставительный аспект). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 9(51), Ч. 1, 143–145.
28. Авербух, К. Я., Попова, Л. Г., & Шатилова, Л. М. (2018). *Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире. Инновационное развитие науки и образования*. Ю. Г. Гуляева (Гл. ред.). Наука и просвещение.
29. Драгунов, А. А. (1952). *Исследования по грамматике современного китайского языка*. Т. 1. Части речи. АН СССР.
30. 萧国政, & 李英哲. (1997). 汉语确数词的系统构成、使用特点和历史演进. *武汉教育学院学报 (哲学社会科学版)*, 16(01), 34–44. = Сяо, Гочжэн, & Ли, Инчжэ. (1997). Ханьюй цюэ шуцы дэ ситун гоучэн, шиюн тэдянь хэ лишн яньцзинь. *Ухань цзяоюй сюэюань сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань)*, 16(01), 34–44. = Xiao, Guozheng, & Li, Yingzhe. (1997). Hanyu que shuci de xitong goucheng, shiyong tedian he lishi yanjin. *Wuhan jiaoyu xueyuan xuebao*, 16(01), 34–44.
31. ДКК — *Духовная культура Китая*. (2009). Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М. Л. Титаренко (Гл. ред.). Восточная литература.

32. 王晓澎, & 孟子敏. (2000). 数字里的中国文化. 团结出版社. = Ван, Сяопэн, & Мэн, Цзиминь. (2000). *Шуцзы ли дэ Чжунго вэньхуа*. Туаньцзе чубаньшэ. = Wang, Xiaopeng, & Meng, Zimin. (2000). *Shuzi li de Zhongguo wenhua*. Tuanjie chubanshe.
33. 张延成. (2009). 中古汉语表序法. 长江学术, 04, 102–111. = Чжан, Яньчэн. (2009). Чжунгу ханьюй бяосюйфа. *Чанцзян сюэши*, 04, 102–111. = Zhang, Yancheng. (2009). Zhonggu hanyu biaoxufa. *Changjiang xueshu*, 04, 102–111.
34. Anicotte, R. (2017). Fractions in the Suan Shu Shu (China, Beginning of the 2nd Century BCE). *The Journal of Chinese Linguistics*, 45(1), 20–67.
35. 王力. (1980). 汉语史稿 (上册). 中华书局. = Ван, Ли. (1980). Ханьюй шигао (шанцэ). Чжунхуашуцзюй. = Wang, Li. (1980). *Hanyu shigao (shangce)*. Zhonghua shuju.
36. Банкова, Л. Л. (2022). О числительных с диффузной семантикой в китайском языке. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 164(05), 97–109.
37. 朱德熙. (1982). 语法讲义. 商务印书馆. = Чжу, Дэси. (1982). Юйфа цзяньи. Бейцзин: Шаньгу иньшугуань. = Zhu, Dexi. (1982). *Yufa jiangyi*. Shangwu yinshuguan.
38. 现代汉语描写语法. (2010). 张斌主编. 商务印书馆. = Сяньдай ханьюй мяосе юйфа. (2010). Чжан Бинь чжубянь. Шаньгу иньшугуань. = *Xiandai hanyu miaoxie yufa*. (2010). Zhang Bin zhu bian. Shangwu yinshuguan.
39. 实用现代汉语语法. (2001). 刘月华等著. 增订本. 商务印书馆. = Шюан сяньдай ханьюй юйфа. (2001). Лю, Юэхуа дэн чжу. Цзэндинь бэнь. Шаньгу иньшугуань. = *Shiyong xiandai hanyu yufa*. (2001). Liu Yuehua deng zhu. Zengding ben. Shangwu yinshuguan.
40. 现代汉语语法讲话. (1961). 丁声树等著. 商务印书馆. = Сяньдай ханьюй юйфа цзяньхуа. (1961). Дин Шэншу дэн чжу. Шаньгу иньшугуань. = *Xiandai hanyu yufa jianghua*. (1961). Ding Shengshu deng zhu. Shangwu yinshuguan.
41. Hockett, C. F. (1947). Problems of Morphemic Analysis. *Language*, 23, 321–343.
42. 伍铁平. (1979). 模糊语言初探. 上海外国语大学学报, 04, 39–44. = У, Тепин. (1979). Моху юйянь чутань. *Шанхай вайгоуй дасюэ сюэбао*, 04, 39–44. = Wu, Tieping. (1979). Mohu yuyan chutan. *Shanghai waiguoyu daxue xuebao*, 04, 39–44.
43. 高鸿博. (2015). 丁声树《现代汉语语法讲话》中“二”和“两”用法评析. 辽宁广播电视大学学报, 03(136), 74–75. = Гао, Хунбо. (2015). Дин Шэншу «Сяньдай ханьюй юйфа цзяньхуа» чжун «эр» хэ «лян» юнфа пинси. *Ляонин гуанбо дяньши дасюэ сюэбао*, 03(136), 74–75. = Gao, Hongbo. (2015). Ding Shengshu «Xiandai hanyu yufa jiangyi» zhong «er» he «liang» yongfa pingxi. *Liaoning guangbo dianshi daxue xuebao*, 03(136), 74–75.
44. Викулова, Л. Г., Макарова, И. В., & Новиков, Н. В. (2016). Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*, 15(03), 54–65.
45. 朱嫣红. (2014). “二”与“两”的用法及其教学. 文学教育, (01), 71–72. = Чжу, Яньхун. (2014). «Эр» юй «лян» дэ юнфа цзи ци цзяосюэ. *Вэньсюэ цзяоюй (чжун)*, (01), 71–72. = Zhu, Yanhong. (2014). «Er» he «liang» de yongfa ji qi jiaoxue. *Wenxue jiaoyu*, (01), 71–72.

References

1. Bankova, L. L. (2017). Chinese sets of characters for numbers. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 2(41), 56–60. (In Russ.).
2. Bankova, L. L. (2018). The set of the Chinese rod numerals «小写». *Pyatigorsk State University Bulletin*, 1, 76–81. (In Russ.).

3. 柏庆友. (2002). “两”和“二”. 小学生语文学习, (10), 14. = Bai, Qingyou. (2002). «Er» and «liang». *Primary school students learning Chinese*, (10), 14. (In Chinese).
4. 叶云. (2002). 正确使用“二”和“两”. 今日小学生月刊, 02, 12. = Ye, Yun. (2002). The correct use of «er» and «liang». *Today's primary school monthly*, 02, 12. (In Chinese).
5. 任启. (2010). 说“二”. 现代交际, (11), 102–102. = Ren, Qi. (2010). Speaking about «er». *Contemporary communication*, (11), 102–102. (In Chinese).
6. 李弗不. (2005). “二”和“两”的用法. 考试: 新语文, (2), 1. = Li, Fubu. (2005). The use of «er» and «liang». *Examination: new Chinese*, (2), 1. (In Chinese).
7. 李航. (2016). 编辑校对中汉字数字“二”和“两”的用法辨析. 金融理论与教学, 05(139), 116–117. = Li, Hang. (2016). Profound analysis of the usage of Chinese characters “二 / two” and “两 / two” in editing and proofreading. *Finance Theory and Teaching*, 05(139), 116–117. (In Chinese).
8. 刘振海. (2007). 小议数字“两”、“二”和“2”的用法. 中国科技期刊研究, 18(4), 708. = Liu, Zhenhai. (2007). Some comments on the use of numerals «liang», «er» and «2». *Chinese journal of scientific and technical periodicals*, 18(4), 708. (In Chinese).
9. 吕叔湘. (1998). “二”和“两”. 语文世界, (11), 35. = Lü, Shuxiang. (1998). «Er» and «liang». *The world of Chinese literature*, (11), 35. (In Chinese).
10. 吴铮. (1998). 要正确使用“二”和“两”. 中国石油大学胜利学院学报, 12(03), 89. = Wu, Zheng. (1998). Use correctly «er» and «liang». *Journal of Shengli college China university of petroleum*, 12(03), 89. (In Chinese).
11. 金有景. (2007). 谈谈“二”和“两”的用法差别. 汉语学习, (02), 99. = Jin, Youjing. (2007). Speaking about differences in the use of «er» and «liang». *Chinese study*, (02), 99. (In Chinese).
12. 曾庆璇, 曾旭, & 曾华焱. (2008). 谈“二”和“两”. 网络财富, 12, 275–276. = Zeng, Qingxuan, Zeng, Xu, & Zeng, Huayan. (2008). Speaking about «er» and «liang». *Internet fortune*, 12, 275–276. (In Chinese).
13. 朱安义. (1998). “二”和“两”及其他. 昭通师范高等专科学校学报, (02), 116–117. = Zhu, Anyi. (1998). «Er», «liang» and other. *Journal of Zhaotong teacher's college*, (02), 116–117. (In Chinese).
14. 林芮莹. (2013). 从数词“2”的古今变化看文化演变. 文学教育, (15), 120–121. = Lin, Ruiying. (2013). Viewing cultural evolution from the ancient and modern changes of the numeral «2». *Literature Education*, (15), 120–121. (In Chinese).
15. 徐秀花. (2010). 数词“二”和“两”古今用法之比较. 山西大同大学学报 (社会科学版), 24(03), 65–66, 74. = Xu, Xiuhua. (2010). A comparison of the ancient and contemporary usages of the numerals «er» and «liang». *Journal of Shanxi Datong University (Social Science)*, 24(03), 65–66, 74. (In Chinese).
16. 朱力. (2013). 论“二”和“两”的异同. 青年文学家, 03. = Zhu, Li. (2013). Discussing similarities and differences of «er» and «liang». *Young writer*, 03. (2013, February 5). <https://www.docin.com/p-1133270038.html>. (In Chinese).
17. 李凤吟, & 张星. (2019). 从二和两看中国数文化. 泉州师范学院学报, 37(01), 93–97. = Li, Fengyin, & Zhang, Xing. (2019). From er and liang observe Chinese culture. *Journal of Quanzhou Normal University*, 37(01), 93–97. (In Chinese).
18. 郎业成. (1983). “倍数”以及“二”和“两”的正确用法. 煤炭经济研究, (06), 9–34. = Lang, Yecheng. (1983). The correct use of multiple numbers, «er» and «liang». *Coal economic research*, (06), 9–34. (In Chinese).
19. 张道俊. (2006). “俩”与“两个”的句法功能差异及其原因. 孝感学院学报, 第26卷第2期, 20–23. = Zhang, Daojun. (2006). The syntactic functional differences between «lia» and «liang» and their origins. *Journal of Xiaogan University*, 26(02), 20–23. (In Chinese).

20. 陈仕平, 朱怀, & 郭家翔. (2002). “两 + N” 结构浅析. 语言研究, (S1), 136–139. = Chen, Shiping, Zhu, Huai, & Guo, Jiaxiang. (2002). Elementary analysis of «liang + N» structure. *Studies in Language and Linguistics*, (S1), 136–139. (In Chinese).
21. 张素宁. (2006). “两+N” 结构的多角度研究. 硕士学位论文. 湖南师范大学. = Zhang, Suning. (2006). *Profound research on the «liang + N» structure*. Magister thesis. Hunan normal university. (In Chinese).
22. 张其昀, & 谢俊涛. (2008). 二、两、俩和再. 南阳师范学院学报(社会科学版), 08, 23–27. = Zhang, Qiyun, & Xie, Juntao. (2008). Er, liang, lia and zai. *Journal of Nanyang normal university*, 08, 23–27. (In Chinese).
23. 程锦. (2010). 基于语料库的汉语数词“二”, “两”用法的历史研究. 内蒙古农业大学学报(社会科学版), 12(6), 399–401. = Cheng, Jin. (2010). A Historical Research on the Usage of the Chinese Numerals «er» and «liang» based on the Corpus. *Journal of Inner Mongolia Agricultural University (Social Science Edition)*, 12(6), 399–401. (In Chinese).
24. 赵海翔. (1993). “二年”宜改为“两年”. 法学, (7), 24. = Zhao, Haixiang. (1993). «Er nian / two years» is changed into «liang nian / two years». *Law Science*, (7), 24. (In Chinese).
25. 孙佳. (2023). 基于法律文书语料库的数词“二”与“两”用法差异分析. 鲁东大学学报(哲学社会科学版), 40(01), 61–67. = Sun, Jia. Analysis of Usage Differences of Numerals «Er» (二) and «Liang» (两) on the Basis of Legal Instrument Corpus. *Ludong University Journal (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 40(01), 61–67. (In Chinese).
26. Bankova, L. L., & Ran, L. (2018). Liang / 两 — the evolution of the character’s graphic form and its original meaning. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 43, 9–16. (In Russ.).
27. Popova, L. G., & Egorova, V. O. (2015). On the essence of cultural memory of the words and possibilities to identify it (comparative aspect). *Philology. Theory and practice*, 9(51), Part 1, 143–145. (In Russ.).
28. Averbukh, K. Ya., Popova, L. G., & Shatilova, L. M. (2018). *Cultural memory of words as the manifestation of language knowledge about the world. Innovative development of science and education*. Yu. G. Gulyayeva (Ch. ed.). Nauka i prosveshhenie. (In Russ.).
29. Dragunov, A. A. (1952). *Studies on contemporary Chinese grammar*. Vol. 1. Parts of speech. AN USSR. (In Russ.).
30. 萧国政, & 李英哲. (1997). 汉语确数词的系统构成、使用特点和历史演进. 武汉教育学院学报(哲学社会科学版), 16(01), 34–44. = Xiao, Guozheng, & Li, Yingzhe. (1997). Chinese Exact Numerals System: Structure, Special Features of Use and Evolution. *Journal of Wuhan Institute of Education (Social Sciences and Philosophy Edition)*, 16(01), 34–44. (In Chinese).
31. *SCC — Spiritual Culture of China*. (2009). Vol. 5. Science, technical and military thought, health care and education. M. L. Titarenko (ch. ed.). Vostochnaya literatura. (In Russ.).
32. 王晓澎, & 孟子敏. (2000). 数字里的中国文化. 团结出版社. = Wang, Xiaopeng, & Meng, Zimin. (2000). Chinese culture in numbers. Unity press. (In Chinese).
33. 张延成. (2009). 中古汉语表序法. 长江学术, 04, 102–111. = Zhang, Yancheng. (2009). Expressing order in Medieval Chinese. *Changjiang Academic*, 04, 102–111. (In Chinese).
34. Anicotte, R. (2017). Fractions in the Suan Shu Shu (China, Beginning of the 2nd Century BCE). *The Journal of Chinese Linguistics*, 45(1), 20–67.

35. 王力. (1980). 汉语史稿 (上册). 中华书局. = Wang, Li. (1980). *A Draft about the History of the Chinese Language*. Vol. 1. Zhonghua Book Company. (In Chinese).
36. Bankova, L. L. (2022). On numerals with fuzzy semantics in the Chinese language. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 164(05), 97–109. (In Russ.).
37. 朱德熙. (1982). 语法讲义. 商务印书馆. = Zhu, Dexi. (1982). *Lectures on grammar*. The Commercial Press. (In Chinese).
38. 现代汉语描写语法. (2010). 张斌主编. 商务印书馆. = *Contemporary Chinese descriptive grammar*. (2010). Zhang Bin (Ch. ed.). The Commercial Press. (In Chinese).
39. 实用现代汉语语法. (2001). 刘月华等著. 增订本. 商务印书馆. = *Practical Contemporary Chinese grammar*. (2001). Liu Yuehua (Ed.). Extend. ed. The Commercial Press. (In Chinese).
40. 现代汉语语法讲话. (1961). 丁声树等著. 商务印书馆. = *Lectures on contemporary Chinese grammar*. (1961). Ding Shengshu (Ed.). The Commercial Press. (In Chinese).
41. Hockett, C. F. (1947). Problems of Morphemic Analysis. *Language*, 23, 321–343.
42. 伍铁平. (1979). 模糊语言初探. 上海外国语大学学报, 04, 39–44. = Wu, Tieping. (1979). First Steps in Studying Diffuse Language. *Journal of Shanghai International Studies University*, 04, 39–44. (In Chinese).
43. 高鸿博. (2015). 丁声树 “现代汉语语法讲话” 中 “二” 和 “两” 用法评析. 辽宁广播电视大学学报, 03(136), 74–75. = Gao, Hongbo. (2015). Critical analysis of «er» and «liang» usage in Ding Shengshu «Lectures on contemporary Chinese grammar». *Journal of Liaoning TV&Radio University*, 03(136), 74–75. (In Chinese).
44. Vikulova, L. G., Makarova, I. V., & Novikov, N. V. (2016). Institutional discourse of digital diplomacy: new communicative practices. *Science Journal of Volgograd state university. Linguistics*, 15(03), 54–65.
45. 朱嫣红. (2014). “二” 与 “两” 的用法及其教学. 文学教育, (01), 71–72. = Zhu, Yanhong. (2014). The usage and teaching of «er» and «liang». *Literature Education*, (01), 71–72. (In Chinese).

Информация об авторе

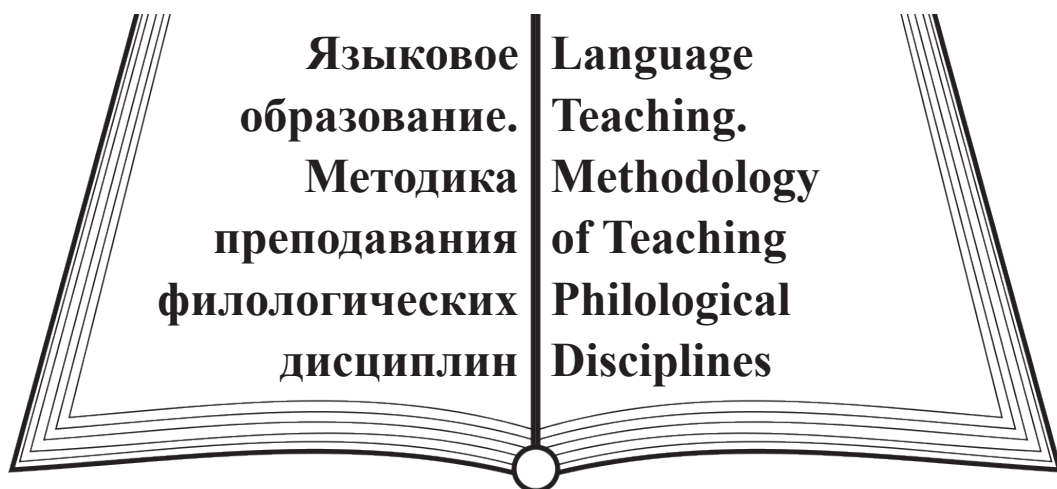
Людмила Львовна Банкова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры китайского языка Института иностранных языков МПГУ.

Information about the author

Ludmila L. Bankova — PhD (Philology), docent, associate professor at the Chinese Language Department of Institute of foreign languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.8.4:811(470-2М)МГПУ

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-166-179

МЕТОДИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА ИНСТИТУТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ МГПУ: К ЮБИЛЕЮ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Тарева Елена Генриховна¹,
Корзун Оксана Олеговна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ tarevaeg@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0547-6115>

² korzunoo@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1201-611X>

Аннотация. Статья посвящена научной школе Института иностранных языков МГПУ «Межкультурное иноязычное образование как фактор социальных трансформаций». Авторы приводят ее характеристики, концентрируя внимание на аспекте применимости результатов исследований в образовательной, социокультурной, общественно-политической жизни социума. В ретроспективной проекции представлены значимые итоги деятельности научной школы в разрезе выполнения фундаментальных работ (диссертаций, монографий), а также публикации отдельных научных статей. Описаны пять ключевых направлений исследований: 1) разработка методологических основ лингводидактики; 2) изучение проблем совершенствования подготовки учителя иностранного языка; 3) разработка новых концепций учебника иностранного языка; 4) выявление лингводидактического потенциала современных информационных

технологий; 5) совершенствование теории и технологии обучения восточным языкам. Приведены факты реализации на практике результатов работы научной школы, задан вектор перспектив исследовательской деятельности ее членов с ориентиром на учет проективных тенденций развития социокультурных факторов, а также трансформаций на уровне общественных потребностей и государственного заказа в области языкового образования.

Ключевые слова: методическая научная школа, направления лингводидактических исследований, критерии результативности научной школы.

Для цитирования: Тарева, Е. Г., Корзун, О. О. (2025). Методическая научная школа Института иностранных языков МГПУ: к юбилею Московского городского педагогического университета. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 166–179. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-166-179>

Original article

UDC 378.8.4:811(470-2M)МГПУ

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-166-179

METHODOLOGICAL SCHOOL OF THE INSTITUTE OF FOREIGN LANGUAGES MCU: TO THE ANNIVERSARY OF MOSCOW CITY UNIVERSITY

Elena G. Tareva¹,

Oksana O. Korzun²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ tarevaeg@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0547-6115>

² korzunoo@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1201-611X>

Abstract. The article is devoted to the results of the activity of the Research School of the Institute of Foreign Languages of the Moscow City University «Intercultural Foreign Language Education as a Factor of Social Transformations». The authors specify the characteristics of the Research School, focusing on the applicability of research results to the educational, socio-cultural, socio-political life of society. The retrospective projection of the main results of the Research School represents the fundamental papers (dissertations, monographs), as well as some scientific articles. The publication provides the description of five main areas of research activity of the School: 1) development of methodological foundations of linguodidactics, 2) study of problems of improving the training of a foreign language teacher, 3) development of new concepts of a foreign language textbook, 4) study of the linguodidactic potential of modern information technologies, 5) improvement of the theory and technology of teaching oriental languages. The authors demonstrate practical implementation of the results of the Research School's activity, and also set the vector of prospects for the research work of its members with a focus on projective tendencies of the development of socio-cultural

factors, as well as transformations of public needs and state orders in the field of language education.

Keywords: methodological research school, directions of linguodidactic research, criteria for the effectiveness of a research school.

For citation: Tareva, E. G., Korzun, O. O. (2025). Methodological school of the Institute of Foreign Languages MCU: to the anniversary of Moscow City University. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 166–179. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-166-179>

Введение

Любая научно-образовательная институция, прежде всего университеты, особым направлением своей деятельности видит основание, развитие, продвижение научных школ, которые призваны отразить на российской и зарубежной орбитах ключевые векторы исследовательских направлений в той или иной научной сфере, позиционировать ведущих ученых, громкогласно заявлять об открытиях, инновациях в изучаемой области научного знания. С укреплением постнеклассического этапа развития науки (Тарева, 2015) значимость таких школ только усилилась благодаря диверсификации научных теорий, допустимости множественности и вариативности подходов к решению проблем, упрочению междисциплинарных работ, широкому спектру коллаборативных исследовательских практик, влиянию на ход и результаты исследования фактора личности ученого, колоссального увеличения объектов научных изысканий, которое беспрецедентно в эпоху бурного роста информационных и цифровых технологий.

Научная школа — направление исследований, результаты которых известны научному сообществу благодаря публикационной активности ее членов (в форме научных статей, монографий), защитах кандидатских и докторских диссертаций, выступлениям на различных всероссийских и международных конференциях, публикациям учебников, учебных пособий. При рассмотрении научной школы как феномена ее трактуют как особую структурную единицу научной деятельности, которой присущи такие характеристики, как «общность объекта исследования, единая парадигма научной деятельности; способность к продуцированию знания, выделяющего данную школу среди других сообществ; собственные технологии создания, передачи и применения знания; проявление эффекта саморазвития, базирующегося на обмене результатами и идеями как внутри одного поколения, так и между учителями и учениками; признание со стороны других научных направлений» (Устюжанина, Евсюков, Петров, Казанкин, Дмитриева, 2011, с. 7).

Результаты работы научной школы отличаются от несистемных, спорадических, фрагментарных изысканий тем, что они соответствуют ведущей научной парадигме (в гуманитарном знании — антропоцентрической) и, как следствие,

регулируемы; они открыты для широкого круга потенциальных пользователей, внедрены в те или иные (часто образовательные) практики, а значит, прагматически заданы, обусловлены общественным и государственным заказом. Руководит научной школой признанный ученый — специалист в той научной области, которая изучается в рамках исследований научной школы, автор новых, значимых и воплощаемых в практику идей, теорий и концепций, наставник молодых ученых, инициатор различных научных событий.

Как правило, научная школа по своему характеру является:

- 1) сгруппированной с точки зрения наличия связей и контактов между членами сообщества;
- 2) ориентированной на компетентное мнение лидера(-ов), способного(-ых) передавать тацитные (неявные, неочевидные) научные знания в эксплицитном формате, доступном начинающим исследователям;
- 3) популяризаторской, направленной на просвещение широкого круга пользователей научного знания;
- 4) теоретической, предполагающей формулирование на основе обобщения сведений новых идей, которые подтверждаются экспериментально;
- 5) широкопрофильной, охватывающей не одну, а несколько как смежных, так и дистанцированных друг от друга научных областей;
- 6) ориентированной на интегрированный характер исследовательских действий членов научной школы, где каждый вносит вклад в развитие исследуемого научного направления;
- 7) много- и разноуровневой, предполагающей наличие нескольких поколений исследователей, работающих в условиях преемственности научных знаний;
- 8) локализованной, т. е. связанной в широкой орбите своего функционирования с основными научными направлениями университета и/или его подразделения (института, факультета, лаборатории, кафедры и пр.).

Эти характеристики, по сути, представляют собой параметры эффективности деятельности научной школы, легализуют ее в структуре соответствующей институции. Одновременно их наличие и признание широким сообществом означает статус научной школы как признанной в исследовательском сообществе.

Научный коллектив школы — это не разрозненные группы исследователей, сложно и порой конфликтно сосуществующих в пространстве научного сообщества, и не формальная административная структура, заданная внешними акторами. Школа — живой, разносторонний организм, развивающийся в условиях творческой атмосферы, спаянный единством ориентиров, ценностей, целей, задач, достигнутых результатов и перспектив развития. Функционирование научной школы предполагает множество форм самопрезентации ее членов: через защиты диссертаций, публикации, обсуждения в рамках дискуссионных площадок, встречи, консультации, научную письменную и сетевую коммуникацию и пр.

В литературе существует несколько моделей описания научных школ, ведущих различные направления исследовательской деятельности (Караулов, 2004; Факторович, 2007; Устюжанина, Евсюков, Петров, Казанкин, Дмитриева, 2011;

Цибульникова, 2012; Нечаев, 2013; Шапошник, 2018; Викулова, Бирюкова, Попова, 2023; Колесников, Корзун, 2023, и др.). Каждая из школ интересна своим содержанием, достигнутыми результатами и тем потенциалом, который она имеет в плане развития институции, ее (школу) организовавшей и создающей условия для реализации научных изысканий. В публикации ставится задача представить основные характерные особенности научной школы Института иностранных языков МГПУ (далее — институт, ИИЯ МГПУ), специализирующейся на исследовании различных аспектов языкового образования, развитии теории и методики обучения иностранным языкам.

Методология исследования

Исследование опирается на дескриптивно-аналитический подход и принцип историзма как методологические основы представления научной школы в ее диахронном и синхронном срезах. В самом широком представлении работа вписывается в контекст постнеклассической научной парадигмы, провозглашающей ценность лично заданных результатов деятельности и позволяющей определить ведущие идеи исследовательских практик в синергичном единстве субъекта, объекта, процесса и результата научной деятельности. Важным фактором для формулирования ключевых концептуальных установок, лежащих в основе развития научной школы ИИЯ МГПУ, служит хрестоматийная максима, провозглашающая единство теории и практики: вектор «от теоретической концепции к внедрению результата в жизнь» является доминирующим. Отсюда название научной школы института — «Межкультурное иноязычное образование как фактор социальных трансформаций».

В исследовании применяются следующие методы: анализ литературы по вопросам презентации научных школ различных областей знания, ретроспективный анализ опыта организации и функционирования научной школы, компаративный анализ направлений исследований, обобщение фактов и сведений, классификация научных исследований, проективное моделирование перспектив развития научной школы ИИЯ МГПУ.

Результаты исследования

Исследовательская деятельность ИИЯ МГПУ в сфере языкового образования ведется с момента основания университета — уже 30 лет. За это время выработались ключевые научные направления, характеризующиеся многоаспектностью и разнообразием исследовательского поиска. Накопленный опыт поддается систематизации как в ретроспективной, так и в актуальной проекции.

С момента создания в институте начала активно работать методическая научная школа «Межкультурное иноязычное образование в 21 веке» (руководители —

д-р пед. наук, профессор А. В. Щепилова, д-р пед. наук, профессор Н. В. Языкова). Приоритетными направлениями научного поиска для научной школы стали вопросы методической подготовки учителя иностранного языка¹; системное обоснование межкультурно ориентированной концепции иноязычного образования²; развитие теории и методологии коммуникативно-когнитивного подхода к обучению иностранным языкам³ (Щепилова, 2003). В формате исследовательского поиска особенно заметными событиями научного характера стали защиты диссертационных работ⁴, публикация монографий⁵, проведение конференций⁶.

¹ Языкова Н. В. Методическая подготовка учителя иностранного языка: прошлое, настоящее, будущее: избранные статьи. К юбилею доктора педагогических наук, профессора Н. В. Языковой. М.: Языки Народов Мира, 2023. 246 с.

² Диалектика современного межкультурного иноязычного образования: векторы и смыслы: Методологический опыт научной школы «Межкультурное языковое образование в 21 веке» / В. А. Гончарова, И. Н. Столярова, Е. В. Васильева [и др.]. М.: Библио-Глобус, 2018. 254 с.

³ Щепилова А. В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному: Теоретические основы. М.: Школьная книга, 2003. 486 с.

⁴ Сичко Н. А. Проектирование эффективной образовательной среды при обучении английскому языку на I курсе педагогического вуза (грамматический аспект, факультет английской филологии): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2006. 199 с.; Колесникова Е. А. Обучение аудированию с письменной фиксацией существенной информации студентов первого курса языкового педагогического вуза (английский язык): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2008. 240 с.; Ионова А. М. Методика обучения профессионально ориентированному устному общению студентов бакалавриата на основе лингвокультурологического подхода (направление подготовки 031900 «Международные отношения», немецкий язык): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2012. 207 с.; Жарова А. М. Методика формирования учебно-познавательной компетенции младших школьников в процессе обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород: [б. и.], 2013. 212 с.; Макеева С. Н. Формирование методической компетенции у будущего бакалавра педагогического образования в процессе профессионального направленного обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2013. 232 с.; Селиванов С. И. Технология компьютерного сопровождения процесса обучения иностранному языку младших школьников (английский язык): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2013. 188 с.; Смирнова О. В. Формирование коммуникативной мобильности студентов экономического вуза: дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2013. 200 с.; Мурашева Е. С. Методика формирования субъектности младших школьников средствами языкового портфеля как компонента учебно-методического комплекса по иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2014. 239 с.; Фроликова Е. Ю. Методика обучения студентов монологическому высказыванию на основе рефлексии (начальный этап, языковой вуз): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2014. 214 с.; Дудушкина С. В. Методика обучения аудированию на основе принципа автономной деятельности студентов (французский язык, языковой вуз): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2015. 195 с.; Головачанская И. И. Формирование фоностилистической компетенции учителя иностранного языка (бакалавриат, французский язык): дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск: [б. и.], 2016. 256 с.; Лучина Е. В. Методика формирования компенсаторной компетенции при обучении слуховой рецепции на начальном этапе языкового вуза (французский язык): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2016. 239 с.

⁵ Тарева Е. Г., Анненкова А. В., Дикова Е. С. и др. Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики. М.: Логос, 2014. 232 с.; Языкова Н. В., Макеева С. Н. Формирование методической компетенции учителя иностранного языка в университете. М.: Тезаурус, 2015. 288 с.

⁶ С 2016 г. в ИИЯ раз в два года проводятся конференции: 1) «Диалог культур. Культура диалога», в рамках которой обсуждаются результаты исследований в области проблем межкультурной

С 2015 года по настоящее время (вот уже 10 лет) в ИИЯ МГПУ функционирует и динамично развивается методическая научная школа «*Межкультурное многоязычное образование как фактор социальных трансформаций*» (руководитель школы — д-р пед. наук, профессор Е. Г. Тарева). Эта научная школа продолжила основные направления научной деятельности ИИЯ, в большей степени фокусируясь на стратегии *внедрения результатов* исследований в социальные, культурные, общегуманитарные практики Москвы, в национально значимые проекты нашей страны. Научная школа призвана тем самым объединить единомышленников из числа научно-педагогических и педагогических работников МГПУ, а также других университетов и научных сообществ в целях исследования национально-культурной природы становления личности, формирования и развития ее гражданской идентичности в процессе обучения иностранным языкам.

Сегодня методическая научная школа ИИЯ МГПУ является ведущей научно-исследовательской площадкой в области отечественной лингводидактики. Она объединяет более 200 членов — сотрудников МГПУ и других университетов из различных городов Российской Федерации (Москва, Иркутск, Красноярск, Рязань, Саранск, Чита), а также членов научного сообщества из зарубежных стран (Германия, Китай, Франция). Это сложившийся коллектив единомышленников, совместная деятельность которых направлена на решение важных вопросов развития лингводидактики с учетом актуальных политико-экономических и социокультурных тенденций, национальных и региональных особенностей преподавания иностранных языков различным категориям обучающихся.

Систематизация и обобщение информации о результатах работы научной школы позволяют выделить несколько важных направлений ее деятельности и, соответственно, определить вклад ее членов в развитие теории и методики обучения иностранным языкам. Рассмотрим их подробнее.

1. *Разработка методологических основ лингводидактики.* Члены научной школы участвуют в обновлении и углублении научных основ современной лингводидактики, развивающейся в условиях трансформации ценностных ориентиров обучения иностранным языкам. Прежде всего, всестороннему обоснованию подвергся межкультурный подход к языковому образованию. Специфический вектор его интерпретации заключается в позиционировании равноправия (эгалитарности) двух культур — иной и родной, взаимодействующих в сознании изучающего иностранный язык. Родная культура при этом перестает быть просто средством погружения в иной социокультурный контекст; она приобретает статус целевой культуры, особенности которой становятся очевидными для обучающегося только в ее сопоставлении с культурой

коммуникации и подготовки кадров к участию в диалоге культур; 2) «Педагогический дискурс», в ходе которой исследуются проблемы повышения качества профессиональной компетенции учителей/преподавателей в области коммуникационных процессов в дидактическом контексте (по принципу «обучая, обучаюсь»). Начиная с 2023 года организуется ежегодный форум «Языки и культуры Восточной Азии в образовательном пространстве».

представителей стран(ы) изучаемого языка (Тарева, 2017). В этом статусе межкультурный подход занимает особое место в парадигме культууроориентированных подходов, приобретая свою целевую ориентацию, специфическое содержательное наполнение процесса обучения, насыщаясь технологическими решениями.

В русле такой интерпретации межкультурного подхода выполнена докторская и ряд кандидатских диссертаций⁷, опубликовано несколько монографических работ и учебных пособий⁸, развивающих идеи межкультурного вектора построения процесса обучения иностранным языкам студентам языкового и неязыкового вузов. Важным для современного этапа интерпретации межкультурного подхода видится изучение в рамках научной школы тех аспектов, которые относятся к сфере не-диалога культур, иными словами, которые лежат в плоскости учета параметров конфликтного межкультурного дискурса. Пока в этой области обозначаются лишь немногочисленные попытки решения сложных проблем межкультурного взаимодействия⁹. При этом очевидно, что данное направление на сегодняшний момент для лингводидактики наиболее востребовано в условиях геополитических изменений.

Интересным и значимым вкладом в развитие методологических основ лингводидактики в аспекте вскрытия сущности ведущих направлений языкового образования и определения их применимости на практике считаем исследование природы социолингвистического подхода к обучению иностранным языкам. Особый характер данного подхода побуждает членов научной школы вести поиски в области социальных параметров субъектов межкультурного диалога и языковых (лексических, фонетико-фонологических) средств их (параметров) проявления в речевых поступках субъектов взаимодействия. Результаты таких

⁷ *Тройникова Е. В.* Концептуальные основы системы иноязычной информационно-стратегической подготовки студентов к межкультурному диалогу (языковой вуз): дис. ... д-ра пед. наук. М.: [б. и.], 2024. 510 с.; *Будник А. С.* Методика формирования межкультурной коммуникативной компетенции старшеклассников посредством элективного видеокурса: дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2015. 199 с.; *Мухина Н. Н.* Развитие ценностных ориентаций студентов в процессе межкультурной интерпретации художественного текста (английский язык, языковой вуз): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2024. 185 с.

⁸ *Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: коллективная монография / Н. В. Барышников, А. Л. Бердичевский, Л. Г. Викулова [и др.].* М.: Неолит, 2017. 424 с.; *Межкультурная коммуникация в современном мире / А. В. Жукоцкая, С. В. Черненкокая, С. Б. Кожевников [и др.].* М.: МГПУ, 2018. 100 с.; *Бердичевский А. Л., Гиниатуллин И. А., Тарева Е. Г.* Методика межкультурного иноязычного образования в вузе. М.: Флинта, 2019. 368 с.; *Межкультурное образование в вузе: лингводидактические стратегии и практики / Е. Г. Тарева, А. В. Анненкова, О. А. Гаврилюк [и др.].* СПб.: Нестор-История, 2020. 272 с.; *Тарева Е. Г., Тройникова Е. В.* 3.3. Информационное моделирование межкультурного диалога: новая стратегия в лингвообразовании // *Язык, культура, социум: essentia et existentia.* М.: Книгодел, 2023. С. 109–129.

⁹ *Тройникова Е. В.* Указ. изд.; *Tareva E. G., Tarev B. V.* Dialogue of culture vs non-dialogue of cultures in woke world: case of foreign language teaching // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 2024. Vol. 17. No. 11. P. 2256–2267.

изысканий (см. ряд монографий и кандидатских диссертаций¹⁰) демонстрируют явно выраженную практическую направленность проводимых работ, существенно улучшающих результативность процесса языковой подготовки студентов.

Еще одним значимым вектором уточнения и расширения методологических основ лингводидактики служит концепция непрерывности языкового образования в широкой системе филологической направленности подготовки обучающихся, нашедшая свое фундаментальное описание и применение на практике¹¹. Особая значимость таких исследований связана с ориентацией российского образования на раннюю профориентацию и профилизацию процесса языковой подготовки обучающихся.

Наконец, несомненно важен для развития методологических основ лингводидактики инновационный вектор исследовательских практик, направленный на компаративный анализ изучаемых лингводидактических явлений. В отдельных (пока) работах¹² задан ориентир для перспективных изысканий, связанных с изучением отечественных и зарубежных достижений и/или недостатков в сфере обучения иностранным языкам, анализируемых в сравнительно-сопоставительном аспекте.

2. *Исследование проблем совершенствования подготовки учителя иностранного языка.* Это направление аккумулирует в себе и продолжает развивать ключевые идеи формирования и совершенствования методического сознания студентов — будущих преподавателей иностранного языка, совершенствования их профессионально-методического мастерства, приобретения такими специалистами новых, востребованных жизнью способностей, поиска новых технологических подходов формирования профессионально-методической компетенции студентов педагогического вуза в рамках их подготовки к преподаванию иностранных языков. В русле данного направления заметным явлением стала публикация книги «Профессиограмма современного учителя иностранного языка» (Бердичевский, Тарева, Языкова, 2021), практическая значимость

¹⁰ Язык, культура, социум: *essentia et existentia*. М.: Книгодел, 2023. 152 с.; *Полушкина Т. А.* Методика обучения студентов просодическому оформлению публичного высказывания (неязыковой вуз, английский язык): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2018. 228 с.; *Смолова М. А.* Обучение реферированию текстов на китайском языке студентов языкового вуза: дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2021. 349 с.; *Вишневецкая Н. В.* Методика обучения будущих преподавателей вуза лексическому компоненту социолингвистической компетенции (английский язык): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2022. 214 с.

¹¹ *Колесников А. А.* Концептуальные и технологические основы профориентационного обучения иностранному языку в системе непрерывного филологического образования: дис. ... д-ра пед. наук. М.: [б. и.], 2017. 561 с.; *Tareva E., Razumovskaya V., Guile D.* Post-knowledge Economy and Lifelong Language Learning: New Agendas and Issues // *Adult English Language Teaching: Transformation through Lifelong Learning*. Vol. 29. Cham: Springer, 2022. P. 1–24.

¹² Постмодернизм как доминанта развития системы образования в США и России. М.: Языки Народов Мира, 2020. 224 с.; *Orekhova E. Ya.* Comparative pedagogy: changing research perspective // *Perspectives of Science and Education*. 2024. No. 2(68). P. 10–23; *Бокова Т. Н., Цыбанева В. А.* Компаративный подход в лингводидактике: сущность и перспективы // *Образование и саморазвитие*. 2024. Т. 19. № 1. С. 81–91.

которой заключается в обновлении портрета преподавателя иностранного языка, расширении спектра его функций, дидактических и воспитательных возможностей. Этому же посвящены работы ряда членов школы ИИЯ МГПУ¹³.

3. *Разработка новых концепций учебника иностранного языка.* В рамках данного направления членами научной школы ИИЯ МГПУ предлагаются концепции проектирования новых типов учебных изданий (учебников, учебных пособий и т. д.) для изучения иностранного языка на разных этапах обучения. В этой области разработаны инновационные концепции содержательно-структурной организации учебника, предназначенного для студентов языкового и неязыкового вузов¹⁴. Интерес, несомненно, заслуживает изучение концепции электронных изданий в сфере обучения иностранным языкам¹⁵. Практическое воплощение идеи инновационного моделирования учебных изданий нашли в реализуемой в ИИЯ МГПУ магистерской программе «Учебник иностранного языка в современном лингвообразовании», а также в ряде электронных изданий по обучению письменности и произношению на материале корейского языка (автор — Л. А. Воронина).

4. *Исследование лингводидактического потенциала современных информационных технологий.* В настоящее время цифровыми технологиями занимается несколько лингводидактических научных школ. Спецификой направлений исследований в ИИЯ МГПУ стало изучение рационализирующего и оптимизирующего потенциала электронных средств обучения иностранным языкам. В фокусе внимания оказываются те аспекты формирования речевых навыков

¹³ Вишневецкая Н. В. Указ. изд.; Казанцева А. А. Методическое сознание учителя иностранного языка: к вопросу о сущности понятия // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 6–1. С. 28; Тарева Е. Г. Методическое сознание преподавателя иностранного языка: подходы к толкованию феномена // Иностранные языки в школе. 2022. № 5. С. 5–13; Языкова Н. В. Методическая подготовка учителя иностранного языка: прошлое, настоящее, будущее: избранные статьи к юбилею доктора педагогических наук, профессора Натальи Витальевны Языковой. М.: Языки Народов Мира, 2023. 246 с.

¹⁴ Тарева Е. Г., Тарев Б. В. Инновационный потенциал образовательных традиций: учебник иностранного языка открытого типа // Вопросы методики преподавания в вузе: ежегодный сборник. 2014. № 3(17). С. 364–373; Воскресенская М. С. Технология проектирования учебного пособия как средства формирования интеракциональной компетенции студентов (юридический вуз, французский язык): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2019. 233 с.; Тарева Е. Г. Учебник иностранного языка: сила воздействующей функции // Иностранные языки в школе. 2021. № 7. С. 5–11.

¹⁵ Колесников А. А. Smart-учебник по иностранному языку: попытка обоснования в контексте вызовов современности // Иностранные языки в школе. 2021. № 7. С. 29–38; Летун С. А., Воронина Л. А. Электронный учебник иностранного языка как средство брендинга университета // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2022. № 5. С. 46–61. URL: <http://e-koncept.ru/2022/221033.htm>; Тарева Е. Г. Учебник по методике обучения: новые цифровые горизонты // Современная {цифровая} дидактика. М.: А-Приор, 2023. С. 43–48; Voronina L. A., Letun S. A., Rozenfeld E. Basic Requirements for Characteristics of the Korean Language e-Textbook // Foreign Language Teaching. 2023. Vol. 50. No. 2. P. 172–185; Казанцева А. А. Диалектико-трансформационный подход к исследованию проблемы создания учебника по методике обучения иностранным языкам // Инновации в образовании. 2024. № 7. С. 30–39.

и развития речевых умений, которые традиционно являлись особенно время- и трудозатратными (например, организация этапа тренировки языковых и речевых навыков, контроля и оценивания уровней сформированности компонентов коммуникативной компетенции). Члены научной школы изучают те цифровые технологии, включая технологии генеративного искусственного интеллекта, которые обеспечивают эффективность освоения материала, избегая рутинности выполняемых обучающимися действий. В этой области следует выделить несколько интересных исследований уровня монографий, кандидатских диссертаций, научных статей¹⁶. Одновременно поиски ведутся на уровне осознания и осмысления особенностей участников цифровой межкультурной коммуникации¹⁷. Видится, что именно в этом направлении могут быть реализованы перспективы развития лингводидактики в цифровом измерении процесса обучения иностранным языкам. В своем практическом воплощении направленность исследований в данной области реализуется в магистерской программе «Цифровая лингводидактика».

5. *Совершенствование теории и технологии обучения восточным языкам.* Данное направление разрабатывает и развивает концепции обучения восточным языкам. Пожалуй, в пространстве лингводидактических исследований российской науки оно является одним из наиболее заметных и значимых в общероссийском масштабе, поскольку основные методические силы сосредоточены именно в научной школе ИИЯ МГПУ, где ежегодно защищаются диссертации, посвященные различным аспектам преподавания восточных языков, где внедряются инновации и формируются новые концепции развития восточной лингводидактики. В рамках исследования данной проблематики заслуживают внимания кандидатские диссертации, а также научные статьи, выполненные на материале китайского, корейского и японского языков¹⁸. Практически

¹⁶ *Тарева Е. Г.* Цифровая эпоха и педагогические профессии // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2018. № 3 (27). С. 85–90; *Данилин М. В.* Методика обучения аудированию в условиях мультимодальной коммуникации с использованием аутентичных аудиовидеоматериалов (английский язык, среднее общее образование): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2023. 173 с.; *Тивьяева И. В., Михайлова С. В., Казанцева А. А.* Регламентирование использования средств генеративного искусственного интеллекта в выпускной квалификационной работе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 2 (54). С. 202–218.

¹⁷ *Тарева Е. Г.* Глава 9. Межкультурная сензитивность субъектов цифровой коммуникации как предмет исследования // Карта компетенций педагога иностранных языков в условиях цифровизации образования. М.: Эдитус, 2023. С. 189–207.

¹⁸ *Малых О. А.* Формирование фонологической компетенции студентов в условиях учебного трилингвизма (китайский язык, языковой вуз): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2018. 203 с.; *Смолова М. А.* Обучение реферированию текстов на китайском языке студентов языкового вуза: дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2021. 349 с.; *Мизгулина М. Н.* Методика обучения аудированию текстов на японском языке (начальный этап, дополнительное образование): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2021. 227 с.; *Воронина Л. А., Летун С. А.* Проблема отбора и организации содержания обучения корейскому языку в школьном учебнике // Иностранные языки в школе. 2021. № 7. С. 72–76; *Воронина Л. А., Летун С. А.*

данное направление осуществляется в рамках подготовки преподавателей на уровне реализации магистерской программы «Обучение языкам стран Дальнего Востока». Как представляется, именно проблемы, исследуемые в контексте обучения восточным языкам, являются одними из наиболее перспективных в плане развития научной школы института; соответствующие тенденции в этой области только начинают формироваться, воплощаться в формат научного знания, и членам научной школы следует активно разрабатывать технологические решения, связанные с совершенствованием преподавания восточных языков на разных уровнях образовательной системы.

Заключение

Научная школа ИИЯ МГПУ «Межкультурное иноязычное образование как фактор социальных трансформаций» объединяет исследователей, чьи научные устремления характеризуются вариативностью исследуемых вопросов, фундаментальностью осуществляемых изысканий, разнообразием выделяемых для исследования проблем, а также направленностью на внедрение результатов в широкие социальные практики. Выделенные в ходе анализа пять направлений деятельности школы фиксируют главные векторы движения научных исследований, основное предназначение которых — совершенствовать языковое образование на различных уровнях его реализации, развивать отечественную методическую науку, строя на традиционных принципах новые актуальные проекции и обеспечивая перспективы роста отечественной лингводидактики.

Список источников

1. Бердичевский, А. Л., Тарева, Е. Г., & Языкова, Н. В. (2021). *Профессиограмма современного учителя иностранного языка*. Флинта.
2. Викулова, Л. Г., Бирюкова, Е. В., & Попова, Л. Г. (2023). Развитие сопоставительного языкознания в рамках научных школ России (на материале защит диссертационных исследований аспирантов, МГПУ, 2016–2022). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 183–194.
3. Караулов, Ю. Н. (2004). Научная школа «языковая личность». *Гуманитарные исследования*, 3(11), 14–23.

Роль национально-культурного компонента при обучении иностранному языку (на примере корейского) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 2. С. 49–56; Солянка Е. А. Методика обучения студентов письменной интернет-коммуникации в сфере обиходно-бытового общения (китайский язык, начальный этап): дис. ... канд. пед. наук. М.: [б. и.], 2022. 245 с.; Тарева Е. Г., Федянина В. А., Мизгулина М. Н. Разработка системы оценивания уровня владения японским языком участников олимпиады // Язык и культура. 2023. № 61. С. 306–323; Ситдикова В. В., Тарева Е. Г., Федянина В. А. Комплексный анализ учебных пособий по японскому языку для дополнительного школьного образования // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 4 (52). С. 206–214.

4. Колесников, А. А., & Корзун, О. О. (2023). Исследование современных проблем лингводидактики в рамках научных школ России (на материале защит диссертаций, МГПУ, 2019–2022). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 208–217.
5. Нечаев, О. И. (2013). Научная школа академика Е. А. Вагнера как опыт создания инфраструктуры инновационного развития и подготовки лидерских кадров. *Шумпетеровские чтения, 1*, 239–241.
6. Тарева, Е. Г. (2017). Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку. *Язык и культура*, 40, 302–320.
7. Тарева, Е. Г. (2015). Эволюция лингводидактики: от классического к пост-неклассическому измерению. *Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания* (с. 239–244). Материалы второй научно-практической конференции. Издательство МГИМО (У) МИД РФ.
8. Устюжанина, Е. В., Евсюков, С. Г., Петров, А. Г., Казанкин, Р. В., & Дмитриева, М. Б. (2011). Научная школа как структурная единица научной деятельности. *Препринт#WP/2011/288*.
9. Факторович, А. Л. (2007). Научная школа как дискурс и аспекты ее потенциала. *Язык. Текст. Дискурс*, 5, 211–218.
10. Цибулькинова, В. Е. (2012). Научная школа управления образовательными системами. *Образование в современной школе*, 4, 19–22.
11. Шапошник, В. А. (2018). Научная школа: эволюция понятия. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Естественные науки*, 160(3), 542–544.

References

1. Berdichevsky, A. L., Tareva, E. G., & Yazykova, N. V. (2021). *Professional chart of a modern foreign language teacher*. Flinta. (In Russ.).
2. Vikulova, L. G., Biryukova, E. V., & Popova, L. G. (2023). Development of comparative linguistics within the framework of scientific schools of Russia (on the material of defense of dissertation research of graduate students, MCU, 2016–2022). *Bulletin of MSPU. Series: Philology. Theory of language. Language Education*, 1(49), 183–194. (In Russ.).
3. Karaulov, Yu. N. (2004). *Scientific school «language personality»*. *Humanities Research*, 3(11), 14–23. (In Russ.).
4. Kolesnikov, A. A., Korzun, O. Oh. (2023). Research of modern problems of linguistic didactics within the framework of scientific schools of Russia (on the material of the defense of dissertations, Moscow State Pedagogical University, 2019–2022). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 208–217. (In Russ.).
5. Nechayev, O. I. (2013). Scientific School of Academician E. A. Wagner as experience of creating infrastructure of innovation development and training of leadership personnel. *Schumpeterian Readings*, 1, 239–241. (In Russ.).
6. Tareva, E. G. (2017). A system of culturally responsive approaches to foreign language teaching. *Yazyk i kul'tura*, 40, 302–320. (In Russ.).
7. Tareva, E. G. (2015). The evolution of linguistic didactics: from the classical to the post-classical dimension. *The magic of INNO: New in language research and teaching methodology* (pp. 239–244). Proceedings of the second scientific-practical conference. Izdatel'stvo MGIMO (U) MID RF. (In Russ.).

8. Ustyuzhanina, E. V., Evsyukov, S. G., Petrov, A. G., Kazankin, R. V., & Dmitrieva, M. B. (2011). Scientific school as a structural unit of scientific activity. *Preprint#WP/2011/288*. (In Russ.).
9. Faktorovich, A. L. (2007). The science school as discourse and aspects of its potential. *Language. Text. Discourse*, 5, 211–218. (In Russ.).
10. Tsibulnikova, V. E. (2012). Research School of Educational Systems Management. *Education in the Contemporary School*, 4, 19–22. (In Russ.).
11. Shaposhnik, V. A. (2018). The Scientific School: The Evolution of a Concept. *Proceedings of Kazan University. Natural Sciences Series*, 160(3), 542–544. (In Russ.).

Информация об авторах

Елена Генриховна Тарева — доктор педагогических наук, профессор, директор Института иностранных языков МГПУ.

Оксана Олеговна Корзун — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Elena G. Tareva — D. Sc. (Pedagogy), Professor, Head of the Institute of Foreign Languages, MCU.

Oksana O. Korzun — PhD (Education), Associate Professor, Department of English and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.016:811

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-180-193

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ: ОБУЧЕНИЕ КАК ПОЛИЛОГ СМЫСЛОВ

Яроцкая Людмила Владимировна

Московский инженерно-физический институт,
Москва, Россия,

lvyar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6539-3085>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению результатов, полученных в ходе пилотного исследования, посвященного лингводидактическому проектированию образовательного процесса в формате полилога смыслов при подготовке специалистов в области научно-технической дипломатии. Актуальность проблемы определяется современным социальным заказом на подготовку высококвалифицированных профессиональных кадров, обладающих системой сформированных профессионально-личностных установок, обеспечивающих осознанное, ценностно-смысловое отношение личности к профессиональной деятельности и ее ключевым задачам в современных условиях научно-технологического сотрудничества.

Цель исследования заключается в разработке сценария обучения студентов-международников иноязычному профессиональному общению в формате смыслового взаимодействия — полилога смыслов (национально-культурных, социокультурных, социальных, собственно профессиональных, межкультурных, личностных), предполагающего интеграцию и мультипликацию социально значимых и личностных смыслов на междисциплинарной основе. В ходе исследования использовался комплекс методов: анализ литературных и новостных источников, обобщение данных, их систематизация и интерпретация; методы синхронного, диахронного и сопоставительного анализа концептов; комплексная методика экспликации и описания концепта; прогностическое моделирование сценарного плана обучения; опытная проверка сценария; опрос участников опытной проверки; экспертная оценка результатов анализа.

Систематизация собранного материала позволила определить перечень смысловых доминант, производных от них рекуррентных единиц и актуальных контекстов их употребления; уточнить список учебных тем, провести отбор содержания и спроектировать сценарий обучения в формате смыслового взаимодействия субъектов образовательного процесса. Разработанный сценарий прошел успешную апробацию в ходе опытного обучения. Педагогическое взаимодействие в формате полилога смыслов, кроме очевидного практического результата, связано с необходимостью решать широкий круг профессионально релевантных задач с использованием иностранного языка (ИЯ), имеет значительный воспитательный

и развивающий потенциал. Оно способствует интеграции и мультипликации социально значимых и личностных смыслов на широкой междисциплинарной основе, создает фундамент для диалектики познавательных и профессиональных мотивов личности.

Ключевые слова: научно-техническая дипломатия, сценарий обучения, иноязычное профессиональное общение, смысловое взаимодействие, полилог смыслов.

Для цитирования: Яроцкая, Л. В. (2025). Лингводидактические основы подготовки специалистов в области научно-технической дипломатии: обучение как полилог смыслов. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 180–193. <https://www.doi.org/180-193>

Original article

UDC 378.016:811

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-180-193

LANGUAGE PEDAGOGY FOUNDATIONS OF EDUCATING MAJORS IN SCIENCE AND TECHNOLOGY DIPLOMACY: TEACHING AND LEARNING AS POLYLOGUE OF MEANING PERSPECTIVES

Ludmila V. Yarotskaya

Moscow Engineering Physics Institute,
Moscow, Russia,

lvyar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6539-3085>

Abstract. The article is devoted to considering the results obtained during the pilot study on the language pedagogy foundations of the educational process designed as a polylogue of meaning perspectives, with learners majoring in science and technology diplomacy. The relevance of the problem results from the urgent social demand for highly qualified specialists characterized by a system of acquired professional and personal attitudes to ensure awareness of and values-based attitude to professional activity, its key tasks and missions in modern science and technology cooperation.

The pilot study was aimed at modeling a polylogue of meaning perspectives scenario to teach foreign language profession-related communication to majors in science and technology diplomacy. The meaning perspectives were meant to combine on the interdisciplinary basis to provide interaction, integration, and multiplication of socially and personally relevant meanings — those reflecting national-cultural, socio-cultural, social, purely professional, intercultural, and personal viewpoints. The research methods included a complex of instruments, namely: analysis of literary and mass media sources; data synthesis, systematization, and interpretation; methods of synchronous, diachronic and comparative analysis of concepts; a comprehensive method of explication and description of the concept; predictive scenario modeling; experimental scenario testing; survey of participants in the pilot test; expert evaluation of the analysis results.

Selected material systematization made it possible to substantiate a set of semantic dominants, their derivatives — recurrent items, together with their current contexts; finalize the list of study topics, select appropriate content, and model the polylogue of meaning perspectives scenario as teacher-and-learner(s) interaction. The modeled scenario proved effective in experimental scenario testing. Besides the apparent practical outcome resulting from learners' having to use the foreign language to solve a wide range of profession-related tasks, the «polylogue» of meaning perspectives scenario as teacher-and-learner(s) interaction showed a considerable educational and developmental potential. Along with encouraging integration and multiplication of socially and personally relevant meanings on a broad interdisciplinary basis, it provides the foundation for a learner to develop dialectic of cognitive and professional motives.

Keywords: science and technology diplomacy, scenario of teaching and learning, foreign language profession-related communication, interaction of meaning perspectives, polylogue of meaning perspectives.

For citation: Yarotskaya, L. V. (2025). Language pedagogy foundations of educating majors in science and technology diplomacy: teaching and learning as polylogue of meaning perspectives. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 180–193. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-180-193>

Введение

В современном мире, характеризующемся обострением целого спектра межгосударственных противоречий, усилением кризисных явлений в системе мирового устройства, рецидивом застарелых конфликтов и возникновением новых очагов противостояния на мировой арене, область научно-технической дипломатии приобретает особое значение. С одной стороны, эта сфера обладает стабилизирующим международные отношения потенциалом, объединяя усилия ученых на общем для человечества пути научного познания, открывая доступ к использованию результатов и продуктов научной деятельности на благо разных стран и народов. С другой стороны, технологическая обеспеченность социума, его научный статус в мировой таблице о рангах нередко сами оказываются в фокусе глобальной конкурентной борьбы, поскольку во многом определяют весомость позиции этого социума как субъекта международного права, — по существу, возможность суверенного выбора пути своего развития. Как отмечается в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, способность общества и государства создавать и применять наукоемкие технологии критически важна для обеспечения независимости и конкурентоспособности страны на мировой арене, что позволяет отнести это направление деятельности к числу приоритетных (Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»).

Отвечая на социальный заказ к системе высшего образования, педагогическое сообщество стремится создать условия для подготовки нового поколения

научно-дипломатических работников, осознающих место, роль и механизмы научно-технологического сотрудничества в современном мире, его созидательный потенциал; сосредоточивает усилия на воспитании специалистов, готовых отстаивать технологический суверенитет страны, в том числе в условиях санкционного давления со стороны внешних конкурентов, способствовать выходу России на позиции научно-технологического лидерства. Такая работа предполагает целенаправленное развитие *мотивационно-личностного аспекта профессионального сознания* обучающихся, консолидирующего ценностно-смысловое основание деятельности в международном (и межкультурном) пространстве научно-технологического сотрудничества, что связано с глубоким осознанием и принятием ключевых задач научно-технической дипломатии в настоящем и будущем мироустройстве в качестве *лично значимых*. Образовательная практика показывает, что дисциплина «Иностранный язык» (ИЯ), реализующая межкультурную парадигму лингводидактики в высшей школе, положения контекстного образования, идеи воспитания в обучении, обладает необходимым для этого потенциалом.

В данной статье представлены результаты, полученные в ходе пилотного исследования, посвященного лингводидактическому проектированию образовательного процесса в формате смыслового взаимодействия при подготовке специалистов в области научно-технической дипломатии.

Цель исследования заключается в разработке и обосновании сценария обучения специалистов в области научно-технологического сотрудничества иноязычному профессиональному общению в формате смыслового взаимодействия субъектов образовательного процесса — полилога смыслов (национально-культурных, социокультурных, социальных, собственно профессиональных, межкультурных, личностных), обеспечивающего интеграцию и мультипликацию социально значимых и личностных смыслов на междисциплинарной основе.

В рамках поставленной цели решены следующие основные задачи:

1) в ходе анализа концептуального поля рекуррентности (термин О. И. Титковой (Титкова, 2015, с. 7–8)) в предметной области международных отношений и последующей экспертной оценки полученных результатов определены и конкретизированы *смысловые доминанты*, имеющие высокие показатели актуальности (частотности, аксиологичности; характеристики социального хронотопа);

2) проведена экспликация соответствующих концептов и определены контуры смыслообразования в педагогическом взаимодействии, в частности:

- в *вертикальном (диахронном) измерении* представлена следующая динамика смыслов: национально-культурные смыслы ↔ социокультурные смыслы ↔ социальные смыслы ↔ личностные смыслы;

- в *горизонтальном (синхронном) разрешении* смыслообразующий контур включает в себя: социальные смыслы ↔ межкультурные смыслы ↔ собственно профессиональные смыслы ↔ личностные смыслы;

- в полиперспективном (*ad hoc*) представлении: из подвижной во времени и пространстве точки обзора действительности актуализируется перспектива смыслов в нескольких ракурсах одновременно;

3) определено содержание, на котором строится образовательный процесс;

4) разработан сценарий обучения специалистов в области научно-технологического сотрудничества иноязычному профессиональному общению в формате смыслового взаимодействия субъектов образовательного процесса;

5) проведена опытная проверка разработанного сценария и подведены ее итоги.

Методология исследования

Исследование базируется на положениях деятельностной теории усвоения социального опыта, в частности ее современного направления, связанного с созданием педагогических условий для профессионального развития личности, — теории контекстного образования (Вербицкий, 2006 и др.); теории общения, включая теорию межкультурной коммуникации (Бахтин, 1979; Библер, 1991; Hall, 1966; Hofstede, 2010; Lewis, 2000 и др.), концепцию диалога культур и цивилизаций (Сафонова, 1996). Сценарий обучения целевого контингента иноязычному профессиональному общению в формате смыслового взаимодействия субъектов образовательного процесса разработан в соответствии с интегративным лингводидактическим принципом интернационализации профессиональной подготовки современного специалиста, предусматривающим «целенаправленное создание условий предметно специализированного развития личности, в которых ИЯ выступает в качестве необходимого средства формирования профессионального сознания специалиста неязыкового профиля» (Яроцкая 2013, с. 26–27).

Материалы исследования включают в себя:

- рабочие программы дисциплин учебных планов Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (НИЯУ МИФИ) по профилю подготовки «Научно-технологическое и промышленное сотрудничество» (уровни образования: бакалавриат, магистратура), новостные сообщения, научные отчеты, документы, релевантные осваиваемой обучающимися предметной области, в том числе размещенные на сайтах профильных образовательных и научных организаций;

- педагогическую (включая лингводидактическую), психолого-педагогическую, лингвокультурологическую литературу по теме исследования;

- продукты деятельности обучающихся, полученные в ходе исследования.

В работе использовался комплекс методов, основными среди которых являются: анализ литературных и новостных источников, обобщение данных,

их систематизация и интерпретация; методы синхронного, диахронного и сопоставительного анализа концептов; комплексная методика экспликации и описания концепта; прогностическое моделирование сценарного плана обучения иноязычному профессиональному общению в формате смыслового взаимодействия субъектов образовательного процесса; опытная проверка разработанного сценария; опрос и интервьюирование участников опытной проверки; экспертная оценка результатов первичного анализа выделенных фрагментов концептуального поля рекуррентности в предметной области международных отношений.

Результаты исследования и дискуссия

Первый этап исследования был посвящен решению задач 1–4, обозначенных ранее. Мы проанализировали рабочие программы дисциплин, входящих в учебные планы Института международных отношений НИЯУ МИФИ, по профилю подготовки «Научно-технологическое и промышленное сотрудничество» был определен набор базовых предметно-специализированных тематических блоков (не совпадающих с модулями обучения), обеспечивающих на междисциплинарной основе содержательный аспект обучения при формировании профессиональной картины мира специалистов данного профиля. В частности, в набор тематических блоков вошли: международно-правовые и международно-экономические аспекты сотрудничества, современный международно-политический дискурс, межкультурные аспекты профессионального общения; тематический блок, связанный с современными ядерными технологиями, а также с исследованиями в области конкурентного анализа отдельных сегментов мирового рынка высоких технологий, управления международными научно-технологическими проектами. При этом особенностью блоков «Конкурентный анализ» и «Управление проектами» является их инструментальная направленность, не имеющая непосредственного выхода в пространство лингвосоциокультурного смыслообразования, что позволило нам перевести эти блоки в периферийную зону своего внимания.

Следующим шагом стало обращение к современным научным источникам, исследующим вопросы смыслообразования в предметных областях, соответствующих выделенным тематическим блокам (Алейникова, 2019; Амосова, 2017; Буденная, 2021; Сергеева, Таюрская, 2021; Титкова, 2015, и др.). Что касается *международно-правовой сферы*, особый интерес в этом отношении представляют результаты, полученные Д. В. Алейниковой в ходе проектирования содержательной модели обучения будущих юристов-международников межкультурному профессиональному англоязычному общению в условиях коллизии правовых культур (Алейникова, 2019). Учитывая место и роль английского юридического языка и англо-американского права в международно-правовых контекстах, рассмотрим эти результаты более предметно.

В качестве значимых концептообразующих понятий, обладающих коллизийным потенциалом в межкультурном правовом пространстве, этим исследователем выделены: справедливость (equity, fairness, justice), равенство (equality), разумность (reasonableness), суверенитет (sovereignty) (Алейникова, 2019). В российском и/или англоязычном правовом дискурсе они имеют высокие показатели частотности и аксиологичности. При этом такие понятия, как разумность (reasonableness) и суверенитет (sovereignty), ключевые и высокочастотные в одной культуре, оказываются, по существу, лакунарными — в другой. Так, термин reasonableness не только является частотным в англоязычном правовом дискурсе, но и определяет важнейшее понятие национальной культуры этого народа (Wierzbicka, 1997, 2006), а также других народов, взявших его на вооружение (российский социум к их числу не относится). Производной от этого понятия выступает другая юридическая формула, относящаяся к высшему стандарту юридического доказывания, — *beyond a reasonable doubt* (вне всякого разумного сомнения)¹, в последние годы нашедшая отражение в *международно-политическом дискурсе* в виде весьма часто употребляемой рекуррентной единицы *highly/overwhelmingly likely* (с большой степенью вероятности). Она, хотя и не является термином в строгом смысле этого слова, но обладает очевидной интерпретативной устойчивостью (Амосова, 2017). В частности, наблюдаются случаи ее использования в военно-политических оценках зарубежных специалистов, включая тематику применения оружия массового поражения.

С учетом значимости рассматриваемого понятия (как смысловой доминанты) и спектра его производных, их актуальности для целевого контингента обучающихся и высокой иллюстративности этого материала, проектирование в педагогическом контексте *вертикального вектора смыслообразования* — от национально-культурных смыслов к социокультурным и далее к социальным (reasonableness ↔ beyond a reasonable doubt ↔ highly/overwhelmingly likely) — представляется целесообразным. *Горизонтальное разрешение смыслообразования* (социальные смыслы ↔ межкультурные смыслы) с возможностью выхода на профессиональные смыслы (например, с опорой на рекуррентные единицы: Zaporozhye NPP, Kursk NPP, IAEA (International Atomic Energy Agency) и др.) и осознание межкультурных аспектов обсуждаемых проблем, с нашей точки зрения, служит консолидации ценностно-смыслового восприятия происходящих событий и явлений. Главным условием глубины и продуктивности такого полилога смыслов, очевидно, становится разработка адекватного поставленной цели сценарного плана взаимодействия (Яроцкая, Воронина, 2023).

При проектировании тематического блока, связанного с международно-экономическими аспектами научно-технологического сотрудничества, мы обратились к результатам докторской диссертации О. И. Титковой, содержащей ценную информацию о лингвокогнитивных инструментах моделирования

¹ Здесь и далее перевод наш. — Л. Я.

профессиональной личности (выявления, отслеживания, прогнозирования и проектирования актуальных тем общественной жизни), в том числе в экономической области и с учетом межкультурных различий значимых концептов (Титкова, 2015). Для целей нашего исследования интересным и показательным фактом представляется выделение/использование этим автором социально значимых понятий, влияющих как на самовосприятие народов РФ, так и на межкультурное взаимодействие социума во внешнем контуре отношений: «независимость», «свобода», «воля», «Родина», «родная земля», «суверенитет», «демократия», «демократические ценности», «суверенная демократия», «мировой правопорядок», «санкции», которые по ряду позиций могут быть соотнесены с ключевыми понятиями, выделенными Д. В. Алейниковой в правовой сфере. С нашей точки зрения, подобные корреляции свидетельствуют в пользу отнесения таких понятий и соответствующих концептов к *смысловым доминантам* содержания обучения специалистов в области научно-технологического сотрудничества иноязычному профессиональному общению в формате полилога смыслов.

Учитывая то обстоятельство, что одним из крупных тематических блоков подготовки таких специалистов является *современный международно-политический дискурс*, предварительный перечень смысловых доминант в ходе экспертной проверки был проверен на представленность в новостных сообщениях государственных каналов радио- и телевидения РФ, включая RT; документах этого периода, релевантных осваиваемой обучающимися предметной области.

Систематизация собранного материала позволила определить перечень смысловых доминант (с последующим выделением производных от них рекуррентных единиц и актуальных контекстов их употребления) и соответствующих им учебных тем, в рамках которых был проведен отбор содержания и спроектирован сценарий обучения иноязычному профессиональному общению в формате смыслового взаимодействия субъектов образовательного процесса. Тематика отражена в следующих сценарных блоках:

- ключевые понятия социума/профессионального сообщества научно-технической дипломатии: культурная и социальная значимость событий и явлений в информационно-коммуникационном пространстве;
- демократия: либеральные и нелиберальные ценности;
- ядерная доктрина и мировой правопорядок;
- равенство и справедливость;
- международное право и суверенитет.

Заявленные в перечне темы представлены в разработанных нами материалах соответствующими разделами (Units). При этом первый раздел (Unit 1) «Words, Words, Words» (Слова, слова, слова) является вводным; он ориентирует обучающихся на смысловой формат педагогического взаимодействия — полилог смыслов, знакомит их с проблемным полем, в котором предстоит работать при развитии иноязычных речевых умений; закладывает лингвосоциогнитивные

координаты смыслообразования, педагогические установки и структурное основание для последующей работы в рамках разработанного сценария.

Каждый из разделов имеет следующую структуру:

Section 1. Focusing on the Problem. (Раздел 1. Подумаем о проблеме). Задания вводят обучающихся в проблематику раздела, способствуют актуализации определенного сегмента профессиональной картины мира специалиста в области международных отношений, первичному осмыслению материала в широком междисциплинарном контексте. Как правило, предполагается также исторический ракурс обзора проблемного поля; при этом выводы и оценки, сделанные на данном этапе обсуждения проблемы, служат основанием для дальнейшего смыслообразования с привлечением нового материала.

Языковые средства представлены функционально (в иллюстрациях, вопросах, заданиях, предшествующих аудиторному обсуждению в студенческой группе); они систематизируются и обобщаются при подведении итогов текущего этапа обсуждения проблемы, структурируются в концепт, образованный ключевым для данного раздела понятием (с аргументацией его компонентов).

Section 2. Looking Closer. (Раздел 2. Сосредоточимся на главном). Задания предполагают работу с текстовым материалом, его аналитическую обработку и направлены на дальнейшую проблематизацию обсуждаемых вопросов, выход на социальные и личностно значимые смыслы обучающихся.

Section 3. Providing Professional Insight. (Раздел 3. Осмыслим проблему в координатах профессиональной деятельности). Задания этого структурного блока ориентированы на освоение профессиональных контекстов деятельности, связанных с затронутой проблемой, и в этой связи — с определением перспективных планов развития научно-технологического сотрудничества.

Section 4. On Balance. (Раздел 4. Подведем итоги). Заключительный блок посвящен подведению итогов педагогического взаимодействия, в том числе рефлексии в отношении динамики собственных взглядов и оценок обучающихся.

Разработка приведенного сценария обучения специалистов в области научно-технологического сотрудничества иноязычному профессиональному общению в формате полилога смыслов позволила перейти ко второму этапу исследования — проведению опытного обучения.

Начало опытного обучения в двух магистерских группах 1-го курса (2023 года набора) пришлось на середину второго семестра обучения (в силу технических вопросов, связанных с кадровыми перестановками), что вызвало некоторые затруднения. Новый формат педагогического взаимодействия при изучении ИЯ оказался для студентов неожиданным, отличным от сложившегося у них стереотипа занятия, при котором выполнение упражнений и обсуждение предложенных в них вопросов проходит с опорой на научно-популярный/учебный текст и в рамках его содержания, а не на современную профессиональную картину мира специалиста в области научно-технической дипломатии и актуальный международный контекст. Это стало очевидным

при подведении итогов и их обсуждении уже по окончании второго учебного занятия в рамках опытного обучения, о чем студенты сообщили преподавателю. Это потребовало дополнительных (на тот момент — спонтанных) разъяснений со стороны преподавателя, с обоснованием важности смыслового взаимодействия в межкультурном пространстве профессиональной деятельности, демонстрацией актуальных коммуникативно-деятельностных потребностей таких специалистов, анализом громких международных дискуссий последних лет и их лингвокогнитивной подоплеки.

В этих условиях важно было вовлечь студентов в новое измерение совместной иноязычной деятельности, открывающее лингвокогнитивные механизмы социального проектирования в современном информационно-коммуникационном пространстве, международной сфере и, как отмечается во многих исследованиях, позволяющее перейти на более высокий уровень осознания фактов, явлений, процессов, происходящих в современном мире, в том числе в науке, культуре, образовании (Кондрашова, 2022; Сергеева, Таюрская, 2021; Тарева, 2017; Тимкина, Безукладников, 2023; Титкова, 2015, и др.). Конструктивное обсуждение актуальных вопросов, полилог смыслов — важная предпосылка успеха такой деятельности.

Мы полагаем, что благодаря этой педагогической установке уже через месяц совместной работы значительно возросла *активность* студентов на занятии, сложился *дискуссионный формат обсуждений* в студенческой группе; повысилась инициативность магистрантов (в подготовке дополнительных материалов для совместного обсуждения, в проведении углубленного анализа проблемного поля, стремлении найти *дополнительные аргументы для обоснования своей позиции, готовности переосмыслить сделанные ранее выводы исходя из актуального социального контекста*). Перечисленные позиции выступали в нашем исследовании в качестве показателей и критериев успешности опытного обучения. Результаты выборочного опроса большинства участников опытной проверки (тех, кто в отведенный временной интервал смог принять участие в опросе) подтвердил успешность опытного обучения (получены только положительные оценки со стороны обучающихся).

Описанный опыт смыслового взаимодействия при реализации сценария обучения специалистов в области научно-технологического сотрудничества иноязычному профессиональному общению был учтен нами при работе со следующим потоком обучающихся (набором 2024 года). Вводный раздел «Words, Words, Words» был значительно расширен и дополнен примерами; материалы других разделов также были актуализированы. Эта группа студентов сразу же активно включилась в предложенный формат педагогического взаимодействия, проявляла интерес к работе в дискуссионном плане (несмотря на некоторый недостаток языковых средств, что потребовало дополнительной разработки лексико-грамматического приложения для самостоятельной работы), была инициативна, имела высокие показатели посещаемости и успеваемости.

Таким образом, анализ и осмысление перечисленных обстоятельств педагогического взаимодействия в условиях опытного обучения позволили нам сделать вывод об успешности опытного обучения по разработанному сценарию как в первом, так и во втором потоке обучающихся.

Выводы

В результате проведенного пилотного исследования был научно обоснован, разработан и проверен на практике сценарий обучения специалистов в области научно-технологического сотрудничества иноязычному профессиональному общению в формате смыслового взаимодействия субъектов образовательного процесса. Предлагаемый сценарий педагогического взаимодействия, кроме очевидного практического результата, связанного с необходимостью решать широкий круг профессионально релевантных задач с использованием ИЯ, имеет значительный *воспитательный и развивающий потенциал*, консолидируя субъектность личности, пробуждая ее инициативность и активность в общественном пространстве, формируя готовность аргументированно отстаивать свою позицию в дискуссии, слушать и слышать иные мнения, корректировать свою позицию при наличии веских аргументов оппонентов, принимать ответственность за продукты и результаты собственной деятельности и коллективный труд своей команды. Педагогическое взаимодействие в формате полилога смыслов разных уровней способно обеспечить интеграцию и мультипликацию социально значимых и личностных смыслов на широкой междисциплинарной основе, создать фундамент для диалектики познавательных и профессиональных мотивов личности.

Реализуя базовые функции педагогического исследования — научно-теоретическую, заключающуюся в научно-теоретическом обосновании проекта обучения, и конструктивно-техническую, связанную с проектированием конкретного сценария обучения, — в качестве сверхзадачи мы стремились найти педагогическое решение актуальной для высшей школы проблемы: усилить воспитательный аспект образовательного процесса в вузе без привлечения дополнительных, например административных, ресурсов. Учитывая, что воспитательная работа не терпит назидательности и давления, тем более во взрослой аудитории, считаем важным обратить внимание своих коллег — преподавателей высшей школы — на тот потенциал, которым обладает дисциплина «Иностранный язык». Специфика природы ее предмета, интегрирующего коммуникативные и когнитивные основы общения, а также социальные условия бытования языка, в том числе в конкретной профессиональной сфере, предоставляют значительные возможности в этом отношении.

В заключение отметим, что разработанный и апробированный в ходе исследования сценарий педагогического взаимодействия и отобранное для его реализации содержание послужили основой для создания учебника

английского языка, ориентированного на продвинутой этап обучения специалистов в области научно-технической дипломатии. В настоящее время учебник готовится к публикации.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>
2. Титкова, О. И. (2015). *Лингводидактические основы моделирования современного коммуникационного пространства* [Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Москва].
3. Вербицкий, А. А. (2006). Контекстное обучение в компетентностном подходе. *Высшее образование в России*, 11, 39–46.
4. Бахтин, М. М. (1979). *Эстетика словесного творчества* (сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова). Искусство.
5. Библер, В. С. (1991). *Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры*. Прогресс.
6. Hall, E. T. (1966). *The Hidden Dimension*. Doubleday.
7. Hofstede, G. H. (2010). *Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival*. McGraw Hill.
8. Lewis, R. D. (2000). *When Cultures Collide: Managing Successfully Across Cultures*. Nicholas Brealey Publishing.
9. Сафонова, В. В. (1996). *Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций*. Истоки.
10. Яроцкая, Л. В. (2013). *Лингводидактические основы интернационализации профессиональной подготовки специалиста (иностранный язык, неязыковой вуз)* [Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Москва].
11. Алейникова, Д. В. (2019). *Методика обучения юристов межкультурному профессиональному общению в условиях коллизии правовых культур (английский язык, магистратура)* [Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва].
12. Амосова, Т. В. (2017). Принцип правовой определенности в зеркале лингвокультуры. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*, 2(773), 106–118.
13. Буденная, С. Ю. (2021). К проблеме обучения студентов-юристов формальным коррелятам в правовых культурах России, Великобритании, США. Ч. Б. Далецкий, А. Ю. Платко (Отв. ред.). *Диалог культур и цивилизаций* (с. 226–233). Московский государственный лингвистический университет.
14. Сергеева, Н. Н., & Таюрская, С. Н. (2021). Реализация мультикультурного иноязычного образования: Эвристический ресурс подходов в обучении студентов-юристов. *Вестник Томского государственного университета*, 473, 184–192. <https://www.doi.org/10.17223/15617793/473/23>
15. Wierzbicka, A. (1997). *Understanding Cultures Through Their Key Words*. Oxford University Press.
16. Wierzbicka, A. (2006). *English: Meaning and Culture*. Oxford University Press.
17. Яроцкая, Л. В., & Воронина, А. И. (2023). Категория «педагогическое взаимодействие» в условиях сосуществования дидактических парадигм. *Вестник Московского*

государственного лингвистического университета. *Образование и педагогические науки*, 4(849), 75–80.

18. Кондрашова, Д. О. (2022). К вопросу об организации эффективного воспитательного процесса в современном вузе. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*, 2(843), 79–83. https://www.doi.org/10.52070/2500-3488_2022_2_843_79

19. Тарева, Е. Г. (2017). Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку. *Язык и культура*, 40, 303–320. <https://www.doi.org/10.17223/19996195/40/22>

20. Тимкина, Ю. Ю., & Безукладников, К. Э. (2023). Ключевые характеристики профессионально-ориентированной межкультурной языковой личности. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*, 1, 8–18. <https://www.doi.org/10.15593/2224-9389/2023.1.1>

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2024 № 145 «On the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (In Russ.).

2. Titkova, O. I. (2015). *Language pedagogy foundations of modeling modern communication space* [Dissertation ... Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.02. Moscow]. (In Russ.).

3. Verbitsky, A. A. (2006). Context education in competence approach. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 11, 39–46. (In Russ.).

4. Bakhtin, M. M. (1979). *Aesthetics of verbal creativity*. *Iskusstvo*. (In Russ.).

5. Bibler, V. S. (1991). *Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or Poetics of culture*. Progress. (In Russ.).

6. Hall, E. T. (1966). *The Hidden Dimension*. Doubleday.

7. Hofstede, G. H. (2010). *Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival*. McGraw Hill.

8. Lewis, R. D. (2000). *When Cultures Collide: Managing Successfully Across Cultures*. Nicholas Brealey Publishing.

9. Safonova, V. V. (1996). *Learning international communication languages in the context of the dialogue of cultures and civilizations*. Istoki. (In Russ.).

10. Yarotskaya, L. V. (2013). *Language pedagogy foundations of non-linguists' professional training (foreign language, non-linguistics university)* [Dissertation ... Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.02. Moscow]. (In Russ.).

11. Aleynikova, D. V. (2019). *Methods of teaching law students intercultural professional communication in colliding legal cultures. (English language, masters' degree)* [Dissertation for the PhD. (Pedagogy): 13.00.02. Moscow]. (In Russ.).

12. Amosova, E. M. (2017). Legal certainty in the mirror of linguoculture. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 2(773), 106–118. (In Russ.).

13. Budennaya, S. Yu. (2021). Revisiting the problem of teaching student lawyers formal correlates in the legal cultures of Russia, Great Britain and the USA. *Dialog kul'tur i civilizacij* (pp. 226–233). Conference proceedings. Moscow State Linguistic University Publishing. (In Russ.).

14. Sergeeva, N. N., & Tayurskaja, S. N. (2021). Implementation of multicultural foreign language education: a heuristic resource of approaches in teaching law students. *Tomsk State University Journal*, 473, 184–192. <https://www.doi.org/10.17223/15617793/473/23> (In Russ.).
15. Wierzbicka, A. (1997). *Understanding cultures through their key words*. Oxford University Press.
16. Wierzbicka, A. (2006). *English: meaning and culture*. Oxford University Press.
17. Yarotskaya, L. V., & Voronina, A. I. (2023). Category of pedagogical interaction in the conditions of coexistence of didactic paradigms. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 4(849), 75–80. (In Russ.).
18. Kondrashova, D. O. (2022). Revisiting the problem of organizing an effective educational process in a modern university. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 2(843), 79–83. https://www.doi.org/10.52070/2500-3488_2022_2_843_79 (In Russ.).
19. Tareva, E. G. (2017). The system of culture-based approaches to foreign language teaching. *Yazyk i kul'tura*, 40, 303–320. <https://www.doi.org/10.17223/19996195/40/22> (In Russ.).
20. Timkina, Yu. Yu., & Bezukladnikov, K. E. (2023). The key features of a professionally oriented intercultural linguistic personality. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 1, 8–18. <https://www.doi.org/10.15593/2224-9389/2023.1.1> (In Russ.).

Информация об авторе

Яроцкая Людмила Владимировна — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры специальной лингвистической подготовки (№ 62), ведущий эксперт центра анализа и прогнозирования мирового научно-технологического развития Института международных отношений МИФИ.

Information about the author

Ludmila V. Yarotskaya — D. Sc. (Pedagogy), Docent, Professor at the Department of Linguistic Training for Special Purposes (No. 62), Leading expert of the Centre for Analysis and Forecasting of World Science and Technology Development, Institute of International Relations, MEPhI.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 378.016:811'25

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-194-206

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ОСНОВА СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У БАКАЛАВРОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ

Косиченко Елена Федоровна¹,
Евграфова Юлия Александровна²

^{1,2} Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия,

¹ kosichenkoef@mpei.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7613-9744>

² yevgrafovaya@mpei.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4201-5281>

Аннотация. В статье обсуждается необходимость системного подхода к формированию научно-исследовательской компетенции бакалавров-переводчиков. Анализ реализуемого в Национальном исследовательском университете «МЭИ» учебного плана по соответствующему профилю демонстрирует возможности развития у студентов методологической грамотности с самого начала их профессиональной подготовки. Актуальность исследования обусловлена потребностью поиска новых путей совершенствования обозначенной компетенции на основе интегративного подхода к обучению. Научная новизна исследования заключается в раскрытых возможностях системного подхода к реализации данной задачи через последовательное развитие у студентов методологической грамотности с опорой на приобретаемые практические навыки. Объект исследования — научно-исследовательская компетенция студента-переводчика как система знаний о методах научного исследования в области переводоведения, предмет исследования — способы формирования у обучающихся понятийного аппарата переводоведения в ходе интегративного обучения. Ключевые методы работы: наблюдение, опрос (беседы со студентами), анализ научных работ студентов, направленный на выявление основных трудностей осуществления научно-исследовательской деятельности. Цель статьи состоит в описании путей становления и развития методологической грамотности будущего переводчика на протяжении всей профессиональной подготовки с учетом взаимосвязи преподаваемых дисциплин. Материалом исследования послужил учебный план по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение», разработанный и реализуемый в Гуманитарно-прикладном институте Национального исследовательского университета «МЭИ». В заключение делается вывод о том, что интеграция знаний из разных областей, с одной стороны, и умение применять практические навыки, с другой стороны, оказывают решающее воздействие на создание у студентов понятийного аппарата в области переводоведения, а также подчеркивается важная роль педагога как посредника в становлении у обучающихся научного мировоззрения.

Ключевые слова: системный подход, интегративное обучение, профессиональная подготовка переводчиков, научно-исследовательская компетенция, методологическая грамотность, анализ текста, понятийный аппарат.

Для цитирования: Косиченко, Е. Ф., Евграфова, Ю. А. (2025). Методологическая грамотность как основа системного подхода к формированию научно-исследовательской компетенции у бакалавров-переводчиков. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 194–206. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-194-206>

Original article

UDC 378.016:811'25

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-194-206

METHODOLOGICAL AWARENESS AS A FOUNDATION OF SYSTEMATIC APPROACH TO DEVELOPING RESEARCH COMPETENCE OF TRANSLATORS

Elena F. Kosichenko¹,

Yulia A. Yevgrafova²

^{1,2} National Research University «MPEI»,
Moscow, Russia,

¹ kosichenkoyf@mpei.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7613-9744>

² yevgrafovaya@mpei.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4201-5281>

Abstract. The article discusses the importance of a systematic approach to developing research competences of future translators who are doing their BA. Analysis of the academic curriculum devised at National Research University «MPEI» reveals ways of building students' methodological awareness in the very first step of their professional training. The relevance of the undertaken study is prompted by demand for new ways of raising linguistic students' research competencies with reliance on the integrative approach to professional training. The scientific novelty of the study is manifested in the idea that students' research competence can be developed through integration of their methodological awareness and practical skills. Thus, the article discusses research competency defined as comprehensive knowledge about methods of scientific research and the ability to apply them, and puts emphasis on the importance of creating a system of concepts that reflect the main notions and categories of the theory of translation. The main research methods are observation, discussions with students, analysis of students' scientific works aimed at revealing the most common difficulties of scientific research. The article aims to describe ways of developing methodological awareness of a future translator throughout the whole period of professional training and with regard to all curriculum subjects. The study is based on the BA translation programme that was devised at the institute of Humanities of National Research University «Moscow Power Engineering Institute». As a result, a new aspect of integrative education, which is developing practical skills along with acquiring a system of concepts in the sphere

of theoretical translation is described, the mediating role of the teacher in developing students' scientific worldview is stressed.

Keywords: systematic approach, integrative education, professional training of interpreters, research competency, methodological awareness, text analysis, system of concepts.

For citation: Kosichenko, E. F., Yevgrafova Yu. A. (2025). Methodological awareness as a foundation of systematic approach to developing research competence of translators. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 194–206. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-194-206>

Введение

Поводом к написанию данной статьи послужил накопленный опыт в области руководства курсовыми и выпускными квалификационными работами (КР и ВКР) студентов бакалавриата, обучающихся по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение». Взаимодействие со студентами в процессе подготовки научных работ показывает, что им не хватает понимания того, что КР и ВКР по переводческой специальности основываются на приобретенных в ходе предыдущей теоретической и практической подготовки знаниях в области родного и иностранного языков и умениях анализа текста. Даже при условии достаточного багажа знаний и хорошо развитых умений анализа текста студенты испытывают трудности с соотношением того, что уже усвоено, с тем, что предстоит сделать. Примечательно, что даже самые полные и подробные руководства по написанию КР и ВКР не способствуют в должной мере формированию у обучающихся понимания того, что именно необходимо делать и с какой целью. Ключевая роль в урегулировании этой ситуации принадлежит научному руководителю, который в максимально сжатые сроки вынужден доносить до студента то, что тот мог усвоить постепенно в ходе предыдущей подготовки. Подчеркнем, что речь идет не о пробелах в знаниях, умениях и навыках, а именно об отсутствии в сознании обучающихся связей между разными этапами и аспектами профессиональной подготовки.

Особую трудность при подготовке КР и ВКР у студентов вызывает необходимость конкретизировать методы научного исследования, как если бы ранее ими не использовались методы сопоставительного, лингвостилистического, семиотического, контекстуального, этимологического и других видов анализа текста, не осуществлялся перевод с одного языка на другой, не обобщался и не систематизировался осваиваемый в ходе обучения материал. Непонимание происходит, на наш взгляд, не из-за отсутствия умений применять названные и другие исследовательские методы, а из-за незнания того, что ранее усвоенные операции с текстами имеют определенные названия, которые входят в понятийный аппарат переводоведения. Иными словами, речь идет об отсутствии понимания связей между тем, что студент практически осваивает, и тем,

как это вписывается в научный контекст. Представляется, однако, что данные связи могут планомерно формироваться и закрепляться путем обычных пояснений в ходе лекционных курсов и практических занятий.

Методология исследования

В данной части статьи рассматриваются ключевые для проводимого исследования понятия системного подхода к формированию научно-исследовательской компетенции, методологической грамотности и интегративного обучения.

На необходимость системного подхода к подготовке переводчиков указывает, в частности, В. В. Сдобников, характеризующий весь процесс как идеальную, динамическую и открытую систему, элементами которой выступают отдельные учебные дисциплины, а также «виды внеучебной деятельности, направленной на формирование профессионально значимых личностных характеристик», и подчеркивающий необходимость обеспечения прочных связей между ними с учетом обязательных для переводческой личности качеств (Сдобников, 2023, с. 1157). В нашей статье мы не обращаемся к проблеме профессиональной личности переводчика или особенностям формирования у него профессионального сознания, вместе с тем считаем важным акцентировать высказанную В. В. Сдобниковым мысль о системном подходе как о соединении разных составляющих учебного процесса в единое целое. В преломлении к цели нашего исследования такое соединение предполагает создание основы для скорейшего формирования научно-исследовательской компетенции. Отметим также важность высказанной в статье зарубежных коллег идеи о том, что выработка системного подхода не должна сопровождаться эклектикой и приготовлением своего рода интеллектуального бульона (*intellectual broth*), в который можно намешать все, что угодно, с целью получить так называемую основу. Автор приводит метафорическое сравнение интеграции с удачным театральным представлением, когда роль каждого актера способствует сотворению единого целого (Beard, 1999, с. 5).

Важность системного формирования научно-исследовательской компетенции широко обсуждается в научных публикациях, при этом подчеркивается, что данный процесс должен предусматривать «получение необходимых теоретических знаний и выработку на их основе практических умений и навыков, ориентированных на непосредственное применение в будущей профессиональной деятельности» (Рубцова, 2022, с. 120). Дополним, что профессиональные умения и навыки не только позволяют студентам осуществлять практическую деятельность, но и при условии необходимых пояснений со стороны преподавателя способствуют развитию у них научного мышления, ведя их от более конкретного к более абстрактному. Например, полученные благодаря знаниям об уровнях языка и роли языковых единиц в построении смысловой целостности текста умения лингвистического анализа текста — это важный шаг

к пониманию того, что анализ представляет собой метод научного познания и инструмент решения поставленных в КР или ВКР задач. Однако практика показывает, что при всей своей очевидности данная связь между развитыми практическими компетенциями и их ролью в научной деятельности редко улавливается обучающимися самостоятельно, в связи с чем процесс формирования методологической грамотности идет крайне медленно.

Проблема методологической грамотности студентов тесно связана с вопросом о необходимости повышения профессионализма преподавателя иностранного языка через перестройку его методологического мышления, что может быть достигнуто путем «трансформации видения им интегративного характера изменений на уровне обучения языку» (Тарева, 2022, с. 5). Данная идея нашла отражение в работах других российских и зарубежных коллег, подчеркивающих, что профессиональный и педагогический рост представляют собой смежные понятия и качество преподавания зависит от уровня подготовленности педагога (Басюк, 2023; Chen, J. et al., 2023). Иными словами, для того чтобы правильно обучать студентов, в том числе принципам написания научных работ, преподаватель должен сам непрерывно повышать уровень своей научной подготовки.

Вопрос о необходимости обновления методологии в сфере профессиональной подготовки переводчиков также широко обсуждается специалистами в области лингводидактики и методики преподавания иностранных языков (Гусейнова, 2023; Горожанов, 2022; Евграфова, 2024). В частности, отмечается, что новое методологическое обеспечение (междисциплинарность, поуровневый подход в обучении переводу, сопряжение теоретического материала и практических умений, др.) служит способом оптимизации подготовки переводчика, в связи с чем подчеркивается важность привлечения данных смежных наук и выстраивания междисциплинарной образовательной схемы (Сулейманова, 2020, с. 121).

Обращаясь к определению методологической грамотности, скажем, что М. А. Петренко понимает данный феномен как способность преподавателя мотивировать студентов на научно-исследовательскую работу, добиваясь того, чтобы методологическая грамотность стала ключевым условием их профессиональной компетентности (Петренко, 2016, с. 22). Н. С. Ваганова рассматривает методологическую грамотность в контексте профессиональной подготовки бакалавров и определяет соответствующий термин как «способность пользоваться информацией, самостоятельно устанавливать причинно-следственные связи в едином целостном мозаичном мире, добывать новое знание, а также определять цели и задачи своей деятельности на основе взаимно обусловленных явлений и процессов, реализуемых в рамках единой меры развития» (Ваганова, 2014, с. 16). В ряде других работ также внимание фокусируется на том, что методологическая грамотность базируется на способности к овладению приемами, способами и методами научного исследования (Кузнецова, 2022; Бутенко, 2020; Koro-Ljungberg, 2009; Mcmeekin, 2020).

С учетом необходимости акцентировать умение студента не только применять различные методы анализа текстов, но и осознавать их научно-исследовательский потенциал в данной статье мы будем понимать методологическую грамотность как способность обучающегося интегрировать приобретенные в ходе практической деятельности навыки и полученные в ходе теоретической подготовки знания таким образом, чтобы они представляли для него неделимое целое. Совершенствование методологической грамотности определим как поэтапный процесс научения студента совмещать в работе знания и умения, приобретенные в ходе освоения разных дисциплин учебного плана, и применять их в научно-исследовательской деятельности.

В отношении необходимости интеграции знаний в ходе профессиональной подготовки вслед за отечественными учеными (Амелина, 2013; Бушуева, 2019; Кирьякова, 2020) подчеркнем, что закрепление междисциплинарных связей способствует более глубокому пониманию изучаемых дисциплин, созданию понятийного аппарата, профессионального сознания и созданию «качественно нового продукта (идеи, смысла, элемента и т. д.)» (Гриценко, 2009, с. 4), обеспечивая переход мышления на более высокий уровень абстракции.

Обсуждение и результаты: интеграция практических навыков в научную деятельность

Прежде чем перейти к обсуждению этапов становления и развития методологической грамотности на примере разработанного в Национальном исследовательском университете «МЭИ» учебного плана по профилю «Перевод и переводоведение», еще раз обратим внимание на то, что заявленная в федеральном государственном образовательном стандарте по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» и отраженная в учебных планах и образовательных программах по разным профилям связь между теоретическим обучением, практическими занятиями и научной деятельностью не всегда реализуется на практике по той причине, что при чтении курсов преподаватели часто не учитывают важности демонстрации связей между разными дисциплинами и не сопровождают разные этапы работы в рамках своей дисциплины комментариями о том, как приобретенные знания, умения и навыки могут способствовать проведению научно-исследовательской деятельности.

Итогом обучения в бакалавриате по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение», выступает защита ВКР, следовательно, обучение надлежит выстраивать с учетом данной конечной цели. В Гуманитарно-прикладном институте Национального исследовательского университета «МЭИ» цель государственной итоговой аттестации (подготовки к процедуре защиты и защиты ВКР) — оценить уровень

сформированности у выпускника компетенций в соответствии с образовательной программой. Поскольку в соответствии с учебным планом написание КР и ВКР осуществляется последовательно в течение 4-го года обучения (7-й семестр — защита КР, 8-й семестр — защита ВКР), остановимся на целях и задачах курсового проекта как более раннего и потому более трудного этапа научно-исследовательской деятельности.

Согласно требованиям основная часть курсовой работы должна состоять из двух исследовательских глав: теоретической и практической. В первой главе необходимо осуществить обзор научной литературы по выбранной теме, обосновать актуальность предпринятого исследования, подробно проанализировать теорию или концепцию, в рамках которой выполняется курсовой проект, уточнить пути решения поставленных задач. Во второй главе — описать эмпирическую базу исследования, уточнить критерии отбора языкового материала, проанализировать исходный текст и предложить переводческий комментарий к уже готовому переводу, выполненному профессиональным переводчиком, и/или своему собственному.

Далее соотнесем решаемые при подготовке КР задачи с дисциплинами учебного плана и приобретаемыми в ходе обучения общепрофессиональными и профессиональными компетенциями и дадим комментарии относительно возможных путей формирования методологической грамотности студентов на протяжении всего периода обучения. Цель КР — демонстрация готовности обучающегося к самостоятельной научно-исследовательской деятельности. К основным задачам, решаемым в ходе ее подготовки, относятся: формулирование проблемы научного исследования с учетом ее актуальности; постановка цели исследования и определение его задач; обзор теоретических источников по изучаемой научной проблеме на русском и иностранном языках; сопоставление взглядов ученых на исследуемую проблему; отбор и анализ эмпирического материала на русском и иностранном языках; систематизация и обобщение результатов проведенного исследования, а также серия задач, связанных с оформлением работы согласно предъявляемым требованиям, ее редактирование, визуализация полученных результатов.

Остановимся на тех задачах, решение которых напрямую зависит от умения студента применять общенаучные и дисциплинарные методы исследования, и поясним, каким образом преподаватель может способствовать скорейшему усвоению студентами междисциплинарных связей и формированию у них методологической грамотности.

В первую очередь отметим важность получения в ходе обучения знаний о философских (общенаучных) методах исследования, а именно индукции, дедукции, анализе, синтезе, аналогии, наблюдении, эксперименте. Исходя из нашего опыта, отметим, что в большинстве случаев студенты изначально отторгают любую информацию о философских методах исследования, ошибочно полагая, что речь идет о чем-то исключительно сложном и абстрактном.

Однако ситуация меняется, как только удастся объяснить, что общенаучные методы не придумываются философами, а соответствуют принципам мышления человека, которому свойственно строить умозаключения на основе наблюдений, сравнений и сопоставлений, делать обобщения с опорой на изначально разрозненные данные, находить подтверждение, в том числе в текстах, некоторой возникшей идеи, группировать сущности на основе определенного признака и т. д. В этой связи особую значимость приобретают курсы по дисциплинам «История России» (1–2-й семестры, УК-5) и «Философия» (4-й семестр, УК-1,5), по мере освоения которых становится понятной роль исторических событий и отдельных личностей в становлении литературного языка, возникновении национального языка, особенностях языковой политики, характерной языковой ситуации и т. д., раскрывается роль философских школ и направлений в развитии лингвистических парадигм. Особенно ценно, когда преподаватели, читающие курсы по истории и философии, поясняют, что все исторические процессы отражены в текстах и могут быть реконструированы из них посредством совокупности методов, например путем использования применяемых как в истории, так и в лингвистике методов диахронного, нарративного, семиотического, культурологического анализа и т. д.

Решающую роль в формировании методологической грамотности лингвиста-переводчика играют профильные дисциплины, а именно «Основы языкознания» (1–2-й семестры, ОПК-1), «Основы теории первого иностранного языка» (3–5-й семестры, ОПК-1,3), «Введение в теорию межкультурной коммуникации» (2-й семестр, УК-4,5), «История литературы стран первого иностранного языка» (8-й семестр, УК-5), «История и культура Великобритании» (4-й семестр, УК-5). Роль названных курсов в становлении научно-исследовательской компетенции студентов становится весьма значимой, когда в них не только обсуждаются особенности разных научных парадигм и выявляется специфика взаимовлияния языка и культуры, но и выстраиваются проекции, демонстрирующие преимущество научных идей и направлений, раскрываются глубинные причины смены парадигм и акцентируется роль метода в образовании новых школ научных направлений. Так, студентам всегда интересно слышать, что актуальная сегодня проблема номинации обсуждалась еще Платоном в диалоге «Кратил», знакомые им со школы грамматические категории были предложены в трактате Аристотеля «Категории», что имя А. Шлейхера осталось в истории прежде всего благодаря тому, что он привнес в лингвистику экспериментальный метод, и т. д. В результате выстраивания проекций у будущих переводчиков складывается не фрагментарное, а целостное представление о взаимосвязи и взаимообусловленности языка и мышления, языка и культуры, языка и истории народа, говорящего на этом языке.

Роль метода как инструмента познания необходимо подчеркивать в ходе освоения дисциплин по «Практическому курсу первого/второго иностранного языка» (1–7-й семестры, УК-4, ПК-1), «Теории и практике перевода первого/

второго иностранных языков» (5-й семестр, ОПК-3). Работа с текстами разных стилей и жанров развивает умения интерпретации отдельных языковых явлений, формирует способность сопоставлять конкретные единицы языка и целые лингвистические категории на материале разноязычных текстов. Подчеркнем, что на практических занятиях по иностранному языку студенты регулярно, сами того не осознавая, пользуются методами лингвостилистического, этимологического, структурного, сопоставительного, семиотического, нарративного, филологического анализа. Роль преподавателя состоит, на наш взгляд, в том, чтобы обратить внимание студента на выполняемые им операции и назвать производимые им действия.

Такого рода уточнения особенно важны на занятиях по дисциплинам «Практический курс перевода первого/второго иностранного языка» (5–7-й семестры, ПК-1) и «Специальный перевод первого/второго иностранного языка» (7–8-й семестры, ПК-1), когда во главу угла ставится развитие умения выполнять предпереводческий анализ текста, который, как известно, требует привлечения всех названных ранее исследовательских методов. Несмотря на регулярность выполняемых переводческих процедур, студенты тем не менее в подавляющем большинстве случаев теряются, когда приходит время сформулировать объект и предмет научного исследования, а также назвать используемые в нем методы.

В завершение еще раз отметим, что акцентирование преподавателем связи между тем, что практически осуществляется студентами на занятиях, и тем, что им предстоит исследовать в перспективе, и использование терминологии для уточнения производимых студентами операций с текстом позволят им постепенно овладеть понятийным аппаратом переводоведения и подготовят к осуществлению научно-исследовательской деятельности.

Заключение

Сегодня интегративный подход к обучению представляет собой основной принцип системы российского высшего образования, призванный повысить качество профессиональной подготовки будущих специалистов разных направлений. Рассмотрение возможностей интегративного подхода в аспекте развития научно-исследовательской компетенции студентов, обучающихся по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение», дает основание поставить проблему интеграции знаний в новом ключе, когда в центре внимания оказывается роль преподавателя в формировании у студентов методологической грамотности путем выстраивания научных проекций и акцентуации важности междисциплинарных связей и научного метода в познании. Несмотря на то что такого рода интеграция является естественным процессом, на практике возникает много проблем, вызванных трудностями понимания связей между конкретным и абстрактным,

с которыми сталкиваются студенты, приступая к написанию научных работ. Успешное разрешение этой непростой ситуации в значительной степени зависит от преподавателя, от широты его знаний и умения преподнести материал с учетом связей между разными дисциплинами.

В заключение подчеркнем особую значимость непрерывного образования и самообразования в профессиональной жизни педагога, благодаря которым у него отмечается способность и готовность реализовывать системный подход к формированию у студентов целостного научного мировоззрения.

Список источников

1. Сдобников, В. В. (2023). Системный подход к подготовке переводчиков. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*, 16(7), 1153–1164.
2. Beard, A. (1999). Some ideas on a systemic approach. *Civil engineering systems*, 16, 197–209. <https://www.doi.org/10.1080/02630259908970262>
3. Рубцова, Н. Е., & Леньков, С. Л. (2022). Системность формирования исследовательской компетентности в образовательных программах высшего педагогического образования. *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*, 20(4), 119–139. <https://www.doi.org/10.51314/2073-2635-2022-4-119-139>
4. Тарева, Е. Г. (2022). Методическое сознание преподавателя иностранного языка: подходы к толкованию феномена. *Иностранные языки в школе*, 5, 5–13.
5. Басюк, В. С., & Краснощеков, Н. А. (2023). Особенности организации подготовки научных и научно-педагогических кадров в России: исторический опыт и современное состояние. *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*, 21(4), 7–42.
6. Chen, J., Du, X., Jiang, D., Guerra, A., & Nørgaard, B. (2023). A review study with a systematic approach: pedagogical development for educators in higher engineering education. *European Journal of Engineering Education*, 49(2), 299–329. <https://doi.org/10.1080/03043797.2023.2290032>
7. Гусейнова, И. А., & Горожанов, А. И. (2023). Новые подходы к переводческой теории и практике (из опыта создания учебного пособия «Основы практики письменного перевода с немецкого языка на русский язык»). *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*, 16(2), 7–24. <https://www.doi.org/10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-7-24>
8. Горожанов, А. И., & Писарик, О. И. (2022). О методе обучения лингвистов профессионально ориентированному программированию. *Германистика и лингводидактика в Московском и Минском государственных лингвистических университетах: истоки, развитие, перспективы* (с. 124–140). Бук.
9. Евграфова, Ю. А., & Косиченко, Е. Ф. (2024). Концепция учебника по англоязычному профессиональному общению: интегративные основы обучения в магистратуре. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*, 3(852), 24–31.
10. Сулейманова, О. А., Беклемешева, Н. Н., Голубева, Т. Ю. (2020). К вопросу об оптимизации модели подготовки современного переводчика. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(37), 114–122. <https://www.doi.org/10.25688/2076-913X.2020.37.1.12>

11. Петренко, М. А. (2016). Формирование методологической грамотности педагога в современном университете. *Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций*, 2, 1022–1026.
12. Ваганова, Н. С. (2014). Некоторые проблемы формирования методологической грамотности будущих бакалавров профессионального обучения. *Тенденции развития педагогики и психологии* (с. 15–18). Сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 05 мая 2014 года. А. А. Сукиасян (Отв. ред.). Аэтерна.
13. Кузнецова, А. Я., Омельченко, Е. А., Зверкова, А. Ю., Абрамова, В. В., & Шмидт, Т. А. (2022). Научный семинар как форма повышения методологической грамотности преподавателя вуза. *Международный журнал экспериментального образования*, 2, 10–14. <https://www.doi.org/10.17513/mjeo.12074>
14. Бутенко, Н. В. (2020). Методологическая грамотность как предпосылка успешной педагогической деятельности. *Современная школа в условиях реализации национального проекта «Образование»* (с. 42–45). Материалы Международной научно-практической конференции, Челябинск, 11–12 декабря 2019 года. Р. Ф. Ковтун (Ред.). Библиотека А. Миллера.
15. Koro-Ljungberg, M., Yendol-Hoppey, D., Smith, J. J., & Hayes, S. B. (2009). Epistemological awareness, instantiation of methods, and uninformed methodological ambiguity in qualitative research projects. *Educational Researcher*, 38(9), 687–699. <https://doi.org/10.3102/0013189X09351980>
16. Mcmeeke, N., Wu, O., Germini, E., & Briggs, A. (2020). How methodological frameworks are being developed: Evidence from a scoping review. *BMC medical research methodology*, 20. <https://www.doi.org/10.1186/s12874-020-01061-4>
17. Амелина, С. Ю. (2013). Различные подходы к определению сущности интегративного знания. *Обучение и воспитание: методики и практика*, 7, 248–251.
18. Бушуева, Е. Л. (2019). Интеграция междисциплинарных знаний в языковой подготовке студентов технического профиля. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*, 9(3), 151–159.
19. Кирьякова, А. В. (2020). Эпистемологический подход к интеграции знаний в университетском образовании. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 1(144), 31–35.
20. Гриценко, Л. И. (2009). Основы интегративного обучения. *Образование и наука. Известия УрО РАО*, 5(62), 3–12.

References

1. Sdobnikov, V. V. (2023). Systematic approach to translator training. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 16(7), 1153–1164.
2. Beard, A. (1999). Some ideas on a systemic approach. *Civil engineering systems*, 16, 197–209. <https://www.doi.org/10.1080/02630259908970262>
3. Rubtsova, S. L., & Lenkov, N. E. (2022). Consistency of research competence formation in educational programs of higher pedagogical education. *Lomonosov Pedagogical Education Journal*, 20(4), 119–139. <https://www.doi.org/10.51314/2073-2635-2022-4-119-139>
4. Tareva, E. G. (2022). Approaching foreign language teacher mindset. *Foreign Language at School*, 5, 5–13.

5. Basyuk, V. S., & Krasnoshchekov, N. A. (2023). Organizational peculiarities of training researchers and scientific and pedagogical personnel in Russia: historical experience and current state. *Lomonosov Pedagogical Education Journal*, 21(4), 7–42.
6. Chen, J., Du, X., Jiang, D., Guerra, A., & Nørgaard, B. (2023). A review study with a systematic approach: pedagogical development for educators in higher engineering education. *European Journal of Engineering Education*, 49(2), 299–329. <https://doi.org/10.1080/03043797.2023.2290032>
7. Guseinova, I. A., & Gorozhanov, A. I. (2023). New approaches to translation theory and practice (from the experience of creating an exercise book «foundations of written translation practice from German into Russian language»). *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 22, 16(2), 7–24. <https://www.doi.org/10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-7-24>
8. Gorozhanov, A. I., & Pisarik, O. I. (2022). On the method of teaching linguists professionally oriented programming. *Germanistics and linguodidactics at Moscow and Minsk State Linguistic Universities: origins, development, prospects* (pp. 124–140). Buk.
9. Yevgrafova, Yu. A., & Kosichenko, E. F. (2024). A Concept of a textbook in professional communication: integrative foundations of MA Students Training. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 3(852), 24–31.
10. Suleimanova, O. A., Beklemesheva, N. N., & Golubeva, T. Yu. (2020). Interpreter training: to make it more efficient and effective. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(37), 114–122. <https://www.doi.org/10.25688/2076-913X.2020.37.1.12>
11. Petrenko, M. A. (2016). Formation of methodological literacy of a teacher in a modern university. *ASOU Conference: collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences*, 2, 1022–1026.
12. Vaganova, N. S. (2014). Some problems of developing methodological literacy of future bachelors of vocational training. *Trends in the development of pedagogy and psychology* (pp. 15–18). Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, May 05, 2014. A. A. Sukiasyan (Ed.). Aeterna.
13. Kuznetsova, A. Ya., Omelchenko, E. A., Zverkova, A. Yu., Abramova, V. V., & Schmidt, T. A. (2022). Scientific seminar as a form of increasing the methodological literacy of a university teacher. *International Journal of Experiential Education*, 2, 10–14. <https://www.doi.org/10.17513/mjeo.12074>
14. Butenko, N. V. (2020). Methodological literacy as a prerequisite for successful teaching activities. Modern school in the context of the implementation of the national project «Education» (pp. 42–45). Materials of the international scientific and practical conference, Chelyabinsk, December 11–12, 2019. R. F. Kovtun (Ed.). A. Miller Library.
15. Koro-Ljungberg, M., Yendol-Hoppey, D., Smith, J. J., & Hayes, S. B. (2009). Epistemological awareness, instantiation of methods, and uninformed methodological ambiguity in qualitative research projects. *Educational Researcher*, 38(9), 687–699. <https://doi.org/10.3102/0013189X09351980>
16. Mcmeekin, N., Wu, O., Germini, E., & Briggs, A. (2020). How methodological frameworks are being developed: Evidence from a scoping review. *BMC medical research methodology*, 20. <https://www.doi.org/10.1186/s12874-020-01061-4>

17. Amelina, S. Yu. (2013). Various approaches to defining the essence of integrative knowledge. *Training and education: methods and practice*, 7, 248–251.
18. Bushueva, E. L. (2019). Integration of interdisciplinary knowledge in the language training of technical profile's students. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 9(3), 151–159.
19. Кирьякова, А. В. (2020). An epistemological approach to knowledge integration in university education. *Bulletin of Volgograd State Pedagogical University*, 1(144), 31–35.
20. Gritchenko, L. I. (2009). Fundamentals of integrative education. *Education and science. Izvestia URO RAO*, 5(62), 3–12.

Информация об авторах

Елена Федоровна Косиченко — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт».

Юлия Александровна Евграфова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт».

Information about the authors

Elena F. Kosichenko — D. Sc. (Philology), Docent, Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University «Moscow Power Engineering Institute».

Yulia A. Yevgrafova — D. Sc. (Philology), Docent, Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University «Moscow Power Engineering Institute».

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться данными требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными редакционно-издательским советом университета и разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала **в порядке поступления**.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только **оригинальные высококачественные научные работы** (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-1: 82-193.3

DOI

Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда**Николаева Марина Николаевна**

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Аннотация. Статья посвящена Актуальность исследования обусловлена ... Статья направлена на раскрытие / обоснование / разработку ... Ведущим методом в исследовании выступил ... Выборка исследования включала ... В статье выявлено / обосновано / раскрыто ... Представленные в статье результаты / материалы позволяют ... **(200–250 слов).**

Ключевые слова: жанр, строфика, классическая стихотворная форма, катрен, терцет, рифма **(3–15 слов / словосочетаний).**

Для цитирования: Николаева, М. Н. (2022). Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(45), __. <https://doi.org/xxx>

Original article

UDC

DOI

Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry**Marina N. Nikolaeva**

Moscow City University,
Moscow, Russia,
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Abstract. The article regards / features/ studies ... The study proves relevant due to ... The article aims at ... The principal research method is... The empirical data include ... The paper reveals / claims ... The findings contribute to ... **200–250 words.**

Keywords: genre, stanza, classical poetic form, quatrain, tercet, rhyme **(3–15 words).**

For citation: Nikolaeva, M. N. (2022). Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(45), __. <https://doi.org/xxx>

Введение / Introduction

Творческая индивидуальность Оскара Уайльда, представителя англо-ирландской литературы, ключевой фигуры эстетизма и западноевропейского модернизма, формировалась под воздействием философско-эстетических доктрин Уолтера Пейтера, оксфордского наставника Уайльда и идей Джона Рёскина. Так, У. Пейтер утверждал, что «only organizing power of art could arrest the rush of time <...> and would allow the individual's awareness 'to burn always with this hard, gem-like flame'» (Varty, 2000, p. X).

Современные исследователи отмечают, что изучение творчества О. Уайльда «through a contextualized historical perspective has become an important approach» (Yang, 2020, p. 36). Мы согласны, что важно рассматривать творчество писателя с опорой на жизненные факты. Однако сформировавшийся за столетие «феномен Уайльда», который «проявился в особом внимании к личности О. Уайльда, в какой-то степени заслонила для многих его творчество не только в массовом сознании, но и в трудах исследователей, как его современников, так и уайльдоведов последующих поколений» (Луков, 2007).

Текст

Во введении четко формулируются цели и задачи. Концепция исследования базируется на доказанных научных положениях.

Методология исследования / Methodology

В разделе **Методология исследования** приводится обоснование выбора методологического подхода, дается описание эксперимента, материала и процедуры исследования. Текст

Текст текст текст текст

Результаты и дискуссия / Результаты исследования / Ход исследования / Results and discussion

В разделе **Результаты** приводится описание того, что было получено, а не сделано. Важно придерживаться последовательного логического изложения. Результаты иллюстрируются минимально необходимыми примерами. В разделе **Дискуссия** полученные результаты анализируются в контексте уже имеющихся данных. Рассматриваются возможные причины и следствия. Текст

Текст текст текст текст

Заключение / Conclusion

В **Заключении** подводятся теоретически, методологически и практически значимые итоги и перспективы исследования. Новая информация не вводится. Текст

Текст текст текст текст

Список источников

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>

3. Луков, Вл. А., & Соломатина, Н. В. (2007). *Феномен Уайльда: тезаурусный анализ*. Издательство Московского гуманитарного университета. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/
4. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 120–125.
5. Тетельман, А. И. (2007). *Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Казань].
6. Рауд, Н. П. (2007). *Образный строй поэзии Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Санкт-Петербург].
7. Бахнова, Ю. А. (2010). *Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Томск].
8. Уайльд, О. (2017). *Критик как художник. Искусство и действительность*. Рипол Классик.
9. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (под ред. А. Н. Николюкина). (2001). ИНИОН РАН: Интелвак.
10. *Твердые стихотворные формы*. (2021, 18 мая). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy>
11. Бехер, Р. И. (1965). Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету. *Вопросы литературы*, 10, 190–208.
12. Николаева, М. Н. (2015). Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(17), 50–57.

References

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Lukov, Vl. A., & Solomatina, N. V. (2007). *Phenomenon of O. Wilde's: thesaurus analysis*. Moscow Humanities University Publishing house. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/ (In Russ.).
4. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merkulova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 120–125. (In Russ.).
5. Tetelman, A. I. (2007). *Genre interrelation in O. Wilde's works* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Kazan]. (In Russ.).
6. Raud, N. P. (2007). *Image system in O. Wilde's poetry* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Saint-Petersburg]. (In Russ.).
7. Bakhnova, Yu. A. (2010). *O. Wilde's poetry in Silver Age poets' translation* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Tomsk]. (In Russ.).
8. Wilde, O. (2017). *Critic as artist. Art and reality*. Ripol Klassik. (In Russ.).
9. *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. (2001). INION RAN: Intelvak. (In Russ.).
10. *Fixed verse*. (2021, May 18). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy/> (In Russ.).
11. Beher, R. I. (1965). Sonnet philosophy or a small guidebook on sonnets. *Voprosy literatury*, 10, 190–208. (In Russ.).
12. Nikolaeva, M. N. (2015). Language features of O. Wilde's Impressionism poems. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (17), 50–57. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Марина Николаевна Николаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Marina N. Nikolaeva — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Н. В. Матюшина, И. И. Матвеева) **в зависимости от принадлежности статьи той или иной тематике:**

– литературоведение (иностранные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации языковое образование, лингводидактика (иностраннный язык): matushinanv@mgpu.ru;

– литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика, языковое образование: vestnikmgpu@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».

MCU Journal

of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2025, № 1 (57)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

Е. С. Терновскова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Н. В. Матюшина,

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 01.04.2025 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 13,25 печ. л. Тираж: 1000 экз.